

ИЗВЕСТИЯ

КАРАЧАЕВСКОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА

ВЫП. IV

ЧЕРКЕССК: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2008

ИЗВЕСТИЯ

КАРАЧАЕВСКОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА

ББК 63.3
Ш 19
УДК-930.24

**Ответственный редактор
И.М. ШАМАНОВ**

Редакционный Совет:

Ш.М. Батчаев, кандидат исторических наук (КНИИ)

Р.М.Бегеулов, доктор исторических наук (КЧГУ им.У.Д. Алиева)

И.С.Кипкеев, кандидат исторических наук (Филиал ЮФУ
г.Черкесске)

Р.Т.Хатуев, кандидат исторических наук (КЧИГИ)

ISBN 978-5-87757-145-7

Известия Карачаевского научно-исследовательского института
Вып. IV. - Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2008. - 170 с.

ISBN 978-5-87757-145-7

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Ш.Б. Батчаев

Жизнь, отданная народу (Заметки о Чокуна-апенди)

Духовный лидер и поэт, автор учебников родного языка и общественный деятель, организатор первой в Карачаево-Черкесии типографии и крупный хозяйственник, один из инициаторов развития Тебердинского курорта и основатель первых национальных газет в республике... Все эти определения – о Исмаиле Якубовиче Акбаеве, человеке, чья жизнь должна служить примером, для всех кто считает себя патриотом своего народа и родного края...

Родился он в 1874 году в с. Теберди (ныне Верхняя Теберда) в семье зажиточного узденя. Отец Исмаила Якуб-эфенди Акбаев, образованный и просвещенный человек, и его соратники Крымшамхалов Магомет-Мырза, Боташев Аслан-Мырза, Байрамкулов Джашарбек приложили немало усилий для открытия в 1878 г. в Учкулане первой светской школы, а через год - в 1879 году второй - в Тебердинском селении. Якуб Акбаев в течение нескольких лет работал вероучителем в Учкуланской школе, а после переезда в Теберди, продолжил свою деятельность в местной школе.

Все сыновья в семье Акбаевых получили начальное светское и духовное образование, но именно младшего – Исмаила, Якуб выбрал в качестве своего преемника. С раннего детства Исмаил, рассудительный не по годам, отличался любознательностью и тягой к знаниям.

Проведя 2 года в Тебердинской школе, овладев русским языком и получив начальные знания по остальным предметам, в возрасте 12 лет Исмаил по направлению отца отправляется на учебу в Балкарию.

Здесь, в с. Урусбиево (ныне Верхний Баксан) жили родственники Акбаевых – Эфендиевы. У них и поселяется юный горец. Он поступает в местное медресе, известное на весь Центральный Кавказ преподавателями, которые давали глубокие знания своим студентам. В течение 4 лет Исмаил с жадностью занимается наукой. Помимо занятий в медресе, Исмаил усиленно занимается

самообразованием. Большую помощь ему в этом оказывает духовный лидер Баксанского ущелья – Зулкарнай Эфендиев, являвшийся одним из основных преподавателей в медресе. Он, видя с какой целеустремленностью занимается его молодой родственник из Карачая, с радостью делился с ним накопленными знаниями, отвечал на его вопросы, снабжал его книгами на арабском, турецком и русском языках. Там же в годы учебы, Исмаил знакомится со своими ровесниками – горцами разных национальностей (балкарцами, кабардинцами, осетинами, ингушами).

И не раз в тяжелые минуты дружеское участие помогало одноклассникам по Урусбиевскому медресе преодолевать жизненные трудности. Дружбу эта продлится всю жизнь, несмотря на все испытания судьбы...

Окончив курс обучения в медресе, 17-летний Исмаил с полученным образованием мог, вернувшись на родину, занять вполне достойное место младшего эфенди у себя в селе, ведь даже людей окончивших медресе, в то время было довольно мало и они высоко ценились верующими.

Но он решает продолжить свой путь познания. Поддержала его в этом стремлении вся семья и особенно отец, который был горд за своего младшего сына. Как вспоминали родственники, Исмаил прошел обучение в центре исламского богословия России – Казани, побывал в Крыму в школе знаменитого крымскотатарского ученого и общественного деятеля Исмаила Гаспралы, посетил Баку и Тифлис. Он получил глубокие знания в основах ислама, стал знатоком мусульманского права, познакомился с памятниками литературы Востока, в совершенстве овладел арабским и турецким языками. Много времени Исмаил отводил изучению естественных наук, восточной и европейской философии, читал лучшие образцы художественной литературы. В этом ему помогало безупречное знание русского языка, полученное путем кропотливого самообразования.

Проведя лучшие годы юности за изучением наук, пробыв более 8 лет за пределами Карачая, в 1895 г. Исмаил Акбаев возвращается в родное селение. Мало кто мог тогда в Карачае сравниться с ним по объему знаний в различных областях...

В любом селении (не только в родном) его с радостью бы избрали на должность эфенди, но Исмаил выбирает другой путь –

он решает стать преподавателем основ ислама в родном селе. В 1895 году он назначается вероучителем Тебердинской школы. В своей работе новый вероучитель смело идет нетореными путями, вводит новые прогрессивные методы обучения и воспитания юных мусульман.

На занятиях молодой эфенди знакомит своих земляков с основными положениями мусульманской религии, учит их исполнению предписанных обрядов, соблюдению главных правил ислама.

Большое значение он придает нравственному воспитанию юных тебердинцев, прививая им лучшие народные традиции, наставляя их на пути духовного совершенствования.

Исмаил отказывается от обучения механическому заучиванию Корана, а дает своим ученикам начальные знания арабского алфавита, чтению и письму, что позволяло им самим читать священную книгу мусульман, владеть, наряду с русским, и арабским языком.

Искренне верующий, глубоко образованный, доброжелательный со всеми, свято соблюдающий все требования шариата, верный традициям горского адета и намыса, любящий детей – таким был вероучитель Тебердинской школы Исмаил-эфенди Акбаев. Уже тогда, будучи еще совсем молодым, он завоевал не только любовь своих учеников, но и подлинное уважение их родителей, а впоследствии и всех тебердинцев. И как вспоминали старожилы, не было большего почета для жителей селения, чем учиться у Чокуна-апенди («Хромой эфенди» - такое прозвище дали Исмаилу Якубовичу земляки, известные своим острым языком).

В годы работы в школе он знакомится с известным общественным деятелем и просветителем, поэтом и первым художником Карачая Исламом Крымшамхаловым, который в то время, переселившись из Карт-Джурта в Теберду, предпринимал усилия по организации там курорта. С детства крепкая дружба связывала Исмаила с Солтаном-Хаджи Байчоровым, отец которого Ожай-Хаджи был близким другом Якуба Акбаева. Еще одним другом Исмаила был первый светский учитель Карачая Ильяс Байрамуков, а также его братья – старший – общественный деятель и меценат Ахмат, младший – учитель Хамит. В числе близ-

ких к И. Акбаеву людей был Ильяс Батчаев, а также братья Халиловы – Хызыр, Махмут, Хамит, Ахмат и Сеит. А вскоре единственная сестра Халиловых – Байдымат стала супругой Исмаила-эфенди. Трудлюбивая и скромная, образованная и высоко нравственная, прекрасная внешне и внутренне – подлинная горянка – она стала верной спутницей Исмаила Якубовича на всю его жизнь, разделяя с ним минуты радости и печали.

Все эти люди: И. Акбаев, И. Крымшамхалов, И. Батчаев, С. Байчоров, братья Байрамуковы, братья Халиловы, отдавали все свои силы, пытаясь помочь своему народу стать еще на одну ступень выше на пути экономического и культурного развития. Народ по достоинству оценил их заслуги, чему свидетельство то, с каким уважением произносят их имена карачаевцы и сейчас, более век спустя. Надо отметить, что круг общения первой когорты карачаевской интеллигенции не замыкался только Карачаем. Собираясь в доме И. Крымшамхалова на курорте, друзья знакомились с лучшими представителями горской и русской интеллигенции. Среди них осетин Коста Хетагуров и черкес Ибрагим Боташев, ногаец Магомет Санглибаев и балкарец Мисост Абаев, знаменитый русский художник Николай Ярошенко и композитор Сергей Танеев, ученый-геолог Иван Мушкетов и социолог Михаил Ковалевский. Общение с друзьями придавало Исмаилу-эфенди, как и всем остальным, новые силы для продолжения нелегкой работы на пути просвещения единоверцев.

Более 10 лет проработал Исмаил-эфенди на посту школьного вероучителя, отдавая все свои силы, энергию и знания делу религиозного просвещения жителей Теберди. Слава о нем, как о крупнейшем знатоке исламской теологии и права, педагоге-новаторе разнеслась по всему Карачаю.

В 1905 году, по просьбе земляков (да-да, именно по просьбе), в 31 год он занимает пост раис-имама (главного эфенди) Тебердинского селения и на протяжении последующих 12 лет руководил мусульманской общиной.

Глубоко верующий, Исмаил-эфенди, тем не менее, не был религиозным фанатиком. Как вспоминали тебердинцы, в будние дни он нечасто появлялся в мечети, а молитвы проводили его родственник Шогаиб-эфенди Акбаев, шурин Махмут-эфенди Халилов. Но каждую пятницу, и в дни мусульманских праздни-

ков, Чокуна-эфенди как и подобает старшему эфенди, всегда выступал с проповедями. В них он помимо сугубо религиозных вопросов, большое внимание уделял вопросам воспитания, отношениям в семье между родителями и детьми, между супругами, сохранению и нравственной чистоты своих земляков, предостерегал их от совершения дурных поступков, призывал соблюдать лучшие традиции адета и намыса.

Для лучшего усвоения правил ислама он вместе со своими земляками создал свою версию «Ийман-Ислама» - стихотворного произведения, в котором разъяснялись основные обязанности мусульман, правила совершения намаза и различных обрядов. Написанное на живом, разговорном карачаево-балкарском языке, оно пользовалось большой популярностью у верующих всего Карачая, которые с его помощью гораздо быстрее получали представление о религиозных предписаниях. Вначале И. Акбаев, пользуясь арабской графикой, еще в годы работы вероучителем, подготовил рукописную версию произведения, которую верующие, владеющие арабской грамотой, переписывали от руки. Но, видя какой популярностью оно пользуется, в 1912 он на собственные средства издает в типографии М. Мавраева в г. Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск), печатную версию «Ийман-Ислама» под названием «О вероучении Ислама», которое тут же разошлось среди верующих Карачая и Балкарии. Тем более что рассылал свои книги Исмаил-эфенди совершенно бесплатно.

В 1915 году, там же, в типографии М. Мавраева, вновь на собственные средства, под именем Исмаил Якуб-оглы он издает 57-страничную книгу под названием «Мовлид нери (Маулут)». Посвященная жизни Пророка Мухаммада и вышедшая тиражом в 1000 экземпляров, написанная на родном для карачаевцев и балкарцев языке, она также быстро расходуется среди благодарных верующих.

Большую популярность получили среди верующих и сочиненные Исмаилом-эфенди духовные песнопения – зикиры, которые, несмотря ни на что, дожили до наших дней и были опубликованы.

Большую роль эфенди Акбаев придавал борьбе с разорительными обычаями, проведение которых не было предусмотрено религией. Уже тогда (100 лет назад!) они стали подлинным бед-

ствием для бедняков, которые в погоне за престижем, устраивали дорогостоящие поминки по родственникам, а сами надолго попадали в долги. Исмаил-эфенди призывал состоятельных земляков не бросать деньги на ветер, не подавать дурной пример, а отдать эти деньги на общественные нужды. Пример в этом он подавал сам.

Исмаил Якубович умело распорядился наследством, доставшимся ему от отца. Он построил две дачи на курорте Теберда, в одной из которых жил сам, а другую сдавал туристам, получая неплохой доход. Кроме того, во дворе дома он устроил лимонадный мини-завод, продукция которого находила спрос как среди приезжих, так и среди тебердинцев. Имел он и небольшие магазины в селе и на Тебердинском курорте. Как и любой карачаец, Чокуна-эфенди продолжал заниматься привычным с детства делом - в домашнем хозяйстве он держал несколько десятков овец, с десяток коров, лошадей. Благодаря своей деловитости и инициативности, он стал одним из состоятельных людей своего селения.

Но, в отличие от многих тогдашних и сегодняшних богачей, Исмаил-эфенди понимал, что богатство - это испытание, которое дается Всевышним Аллахом, и это испытание надо выдержать достойно, не превратившись в раба своих денег. И потому он не жалеет денег на благие дела. Большую помощь он оказывает местной школе, выделяет средства на сооружение мостов через р. Теберду и строительство новых дорог, выделяет деньги на обучение бедных детей (образование даже в местной школе было тогда платным, и его не все могли себе позволить), ремонтирует мечеть. И эта его деятельность привела к еще большему росту его авторитета, как среди жителей селения, так и во всем Карачае. А в 1913 году его заслуги были оценены и государством - в числе видных общественно-политических деятелей Карачая он был награжден медалью «300 лет Дому Романовых».

Еще одной заслугой главного эфенди И. Акбаева стало то, что он добился того, чтобы шариатские отчисления, собранные среди сельчан передавались беднякам, как и предусмотрено по шариату.

Как вспоминал сам Исмаил Якубович: «... в бытность свою эфендием, я никогда не пользовался шариатскими сборами (от-

числениями), как это делали и делают вообще эфенди, ибо я подобные моменты в жизни духовенства отрицал и, наоборот всячески старался и способствовал распределению шариатских отчислений между бедняками аула...». И далее он добавляет: «данное обстоятельство, бесспорно, найдет свое подтверждение среди населения, и, особенно, среди духовенства области».

Не всем по нраву пришлись такие реформы. Ведь тогда, как и сейчас, были и такие эфенди, которые не прочь были воспользоваться собранными деньгами для собственных нужд. Но никто из них не и пытался спорить с Исмаилом-эфенди, ведь тот, будучи знатоком Корана и Сунны, требовал лишь выполнять их предписания.

Большое сопротивление со стороны многих священнослужителей, да и простого населения, пришлось выдержать Исмаилу Якубовичу в вопросе школьного обучения девочек-горянок. Не раз и не два пришлось ему выступать на съездах духовенства и школьных вероучителей, убеждая земляков, что ислам никоим образом не выступает против получения знаний женщинами. Большую помощь в этом вопросе ему оказывал шурин – известный педагог и общественный деятель Саид Халилов. Первая школа для девочек, в которой они оба преподавали, была устроена в 1912 году в доме друга Исмаила-эфенди – Ильяса (Джаныуая) Батчаева. Первыми ученицами стали дочери И. Батчаева, затем к ним присоединились другие горянки. Количество девушек, желавших поступить на учебу, росло с каждым днем и вскоре подобные школы стали открываться и в других карачаевских селениях. И к 1916 году их насчитывалось уже пять на одиннадцать селений. Во многом благодаря именно И. Акбаеву это и стало возможным.

Со своими идеями о путях развития образования в мусульманских регионах Исмаил-эфенди выступал и в печати. Печатался он, к примеру, в знаменитой газете «Терджиман» («Переводчик»), издаваемой его знакомым со времен учебы – Исмаилом Гаспралы.

В течение многих лет Исмаил Акбаев работал над главным делом своей жизни – созданием азбуки карачаево-балкарского языка. Следует отметить, что попытки создать письменность принимали многие просветители: на основе кириллицы – Сапар-

Алий Урусбиев и Иммолат Хубиев, на основе латиницы – Ислам Крымшамхалов, на основе арабского алфавита – Тохтар Биджиев. Однако по разным причинам ни один из них так и не смог довести свое начинание до конца. И. Акбаев, взяв за основу также арабское письмо, но выбрал его вариант, разработанный в Дагестане и получивший название *аджаме*. С его помощью и разработал свои учебные пособия.

Еще в годы работы в школе он стал применять свои учебные пособия, тогда еще рукописные, которые позволяли его ученикам с легкостью овладеть арабской графикой и языком. Заняв пост эфенди, Исмаил Якубович не только не прекратил работу над своей азбукой, но даже больше сконцентрировался на ней.

Во время работы над «Родной речью» («Ана тили» - такое название дал своей азбуке) Исмаил-эфенди глубоко изучил опыт передовых педагогов и составителей учебников. При подготовке структуры книги он основывался на учебнике татарского языка, подготовленном вероучителем Закавказской учительской семинарии Рашид-беком Эфендиевым. К 1915 году кропотливая работа над «Ана тили» была закончена. Но, прежде чем учебник мог быть издан, его должны были обсудить и утвердить руководители образования не только Кубанской области, в состав которой тогда входил Карачай, но и всего Кавказского учебного округа. Большую помощь в продвижении и принятии положительного решения о судьбе «Ана тили» сыграл инспектор народных училищ Баталпашинского района Г.С. Меденик, который также дал Исмаилу-эфенди ряд ценных советов при подготовке рукописи. После изучения рукописи, комиссия, состоявшая как из учителей светских школ, так и из эфенди, дала «добро» на издание учебника. Вскоре И. Акбаев вместе с рукописью отправляется в Тифлис, где получает разрешение на издание учебника от попечителя Кавказского учебного округа тайного советника Н.Ф. Рудольфа. Ознакомившись с рукописью и отзывами на нее, Н.С. Рудольф, приятно удивленный, тут же дал указание о начале печатания учебника, и как сообщала пресса: «... распорядился выдать эфенди Исмаилу Акбаеву 300 рублей в вознаграждение за его в высшей степени ценный труд». И хотя всю свою работу Исмаил-эфенди делал не ради наград и премий, все же внимание руководства было ему приятно.

Первый учебник карачаево-балкарского языка – составленный Исмаилом Акбаевым букварь «Ана тили» вышел тиражом в две тысячи экземпляров летом 1916 года в Тифлисской типографии, а уже осенью его получили все ученики школ Карачая. В следующем году она была разослана и в школы Балкарии.

Трудно переоценить факт выхода этой небольшой книги, объемом всего в 80 страниц, для культуры карачаево-балкарского народа. Достаточно будет сказать, что в Карачае вплоть до 1928-1929 гг. обучение в школах, вся издательская деятельность, литература и печать на родном языке – все это базировалось на азбуке, которую подготовил Исмаил Акбаев. На основе «Ана тили» были написаны многие учебники по родному языку. Доступно и легко написанный, и в то же время дающий необходимые и прочные знания, учебник Исмаила-эфенди позволил тысячам карачаевцев и балкарцев ощутить всю красоту и величие родного языка, научиться читать и писать грамотно на нем, а впоследствии пойти дальше по путь познания. Среди них – партийные и советские работники, писатели и военные, артисты и учителя, врачи и агрономы – проще говоря, все поколение предвоенной советской интеллигенции Карачая и Балкарии.

Надо отметить, что в свои учебники Чокуна-эфенди включал лучшие образцы фольклора (песни, сказки, загадки и пословицы), переведенные им произведения русской литературы (басни Крылова), стихотворения и небольшие рассказы собственного сочинения.

Известно, что «Ана тили» было не единственным учебным пособием, подготовленным Исмаилом-эфенди. Одновременно он подготовил две части книг для чтения после букваря, а также вместе со своими коллегами – вероучителями и светскими учителями Карачая подготовил хрестоматию, в которую вошли лучшие переводные произведения, многие из которых он сам перевел. Однако начавшаяся революция, и последующее лихолетье Гражданской войны не позволили опубликовать эти пособия в то время.

В 1917 году Чокуна-эфенди несмотря на просьбы земляков, оставляет пост старшего эфенди и решает перейти вновь на работу в школу, причем теперь не вероучителем, а учителем родного языка. Нет сомнений, что главной причиной, подвигнувшей

его на этот шаг, было желание самому попробовать вести преподавание с помощью своего учебника. Но его желание сосредоточиться на этой поприще так не исполнилось.

Тяжелые испытания выпали на долю Карачая в годы революции и Гражданской войны. И хотя Исмаил-эфенди всегда сторонился политики, он вынуждено был участвовать и в этой сфере жизни. Короткий период демократии (март 1917-март 1918 гг.) породил в нем надежду на относительное бескровное урегулирование ситуации в России, которое позволило бы карачаевцам, как и другим народам, ступить на путь политического, экономического и культурного развития.

Однако приход к власти большевиков, как в центре, так и на местах, эти надежды похоронил. С каждым днем пламя гражданской войны лишь разгоралось и в пламени этом гибли сотни, тысячи миллионы жертв. Появились эти жертвы и в Карачае.

Вот почему, как и многие, Исмаил-эфенди надеялся, что приход белых поможет восстановить порядок и положит конец анархии. Вскоре после занятия белыми войсками территории Баталпашинского отдела и восстановления дореволюционных порядков, в сентябре 1918 он, вместе с другими делегатами, избранными от Карачая: полковником Мырзакулом Крымшамхаловым, корнетом Юнусом Джаубаевым и фельдшером Тенгизом Крымшамхаловым, встретился с атаманом отдела — полковником Косякиным. Передав ему пожелания карачаевского народа, они в свою очередь, по просьбе атамана, делегаты обратились с призывом к жителям Карачая выставить добровольцев для службы в белом Карачаевском конном полку. Самому же Исмаилу-эфенди власти предложили занять должность полкового эфенди. Однако он, сославшись на возраст и состояние здоровья, отказался, и этот пост занял его ученик — Мурат-эфенди Аджиев.

Несмотря на все просьбы, к которым вскоре присоединились угрозы со стороны начальства отдела, население Карачая вовсе не желало быть вовлеченным в гражданскую войну между красными и белыми. Укрепило его в этом решении политика денкинцев по возрождению имперских порядков и полное пренебрежение к проблемам национальной политики. Недовольство карачаевцев особенно усилилось после начатой белыми реквизиции скота. Свою роль играла и пропаганда местных револю-

ционеров, среди которых одну из главных ролей играл шурин Исмаила-эфенди Саид Халилов.

И потому все мобилизационные мероприятия проходили в Карчае с большим трудом. Многие же из тех, кто поступал всё же на службу, вскоре самовольно покидали полк и возвращались домой, резонно считая, что в такое беспокойное время горец должен защищать свою семью, свой очаг, свое селение. Не способствовало поднятию авторитета деникинской администрации и политика проводимая в Карачае. Несмотря на все усилия по смягчению режима, предпринимаемые местной администрацией во главе с приставом Аубекиром Батчаевым (осенью 1919 г. его сменил Магомет Кочкаров), насильственная мобилизация, многочисленные штрафы и постоянные реквизиция скота, лошадей и продуктов в пользу белых вызывали у населения резкое недовольство. Подобное происходило и в кабардинских (черкесских), абазинских и ногайских аулах.

Исмаил-эфенди, также как и все в Карачае, вскоре разочаровался в белых, поняв, что их мало заботит судьба карачаевского народа. Тем не менее, признавая его авторитет как духовного и общественного лидера Тебердинского ущелья, атаман Кубанского казачьего войска Александр Филимонов распорядился о присвоении Исмаилу Якубовичу офицерского чина прапорщика. Власти надеялись, что тем самым они побудят известного эфенди поднять на борьбу с большевиками население Карачая.

Однако Чокуна-эфенди, человек мудрый и дальновидный, понимал, что дальнейшее разжигание Гражданской войны может привести к уничтожению его небольшого народа. И потому он, как мог, предостерегал своих земляков от братоубийственной войны. Такую же политику он вел и после прихода Советской власти весной 1920 года и во время антисоветского восстания осенью того же года. Плоть от плоти народа, он всегда был с ним.

Не сразу он пошел и на сотрудничество с Советской властью. Большое влияние на него в этом вопросе оказывал шурин Саид Халилов, свято веривший в то, что лишь партия большевиков принесет карачаевскому народу счастье и благоденствие. Случилось так, что в 1921 году Саид погиб от рук противников Советской власти. Он так и не узнал о том, что три его племянника:

Салих, Маджит, Махсут – свято верившие и искренне служившие большевистской партии, погибли в лагерях и застенках, а собственные его дети также подвергнутся репрессиям. Нет сомнений, что доживи С. Халилов до 1937 года, его ждала бы подобная судьба.

Главной же причиной, подвигнувшей Исмаила-эфенди помогать Советской власти, было то, что народ, который всегда был для него главным ориентиром, поверил в обещания партийных и советских лидеров и пошел по пути созидания и строительства новой жизни, ещё не зная, что платой за успехи в образовании и культуре, промышленности и сельском хозяйстве станет полное истребление всей досоветской и почти всей довоенной элиты народа...

Одним из главнейших задач, стоявших в те дни перед руководством молодой Карачаево-Черкесии было культурное строительство – развитие системы образования, организация клубов и библиотек, выпуск газет, книг на родных языках. Но специалистов в этой области крайне не хватало, и потому руководство области обратилось за помощью к Исмаилу Акбаеву, как человеку, имевшему, как педагогический опыт, так и опыт в написании и издании учебников. Несмотря на все сомнения и личные претензии к власти, Исмаил-эфенди решает воспользоваться шансом еще раз принять участие в благородном деле просвещения народа. Зимой 1922 года он переезжает в Бтлпашинск и приступает к работе.

Вот как сам Исмаил-эфенди вспоминал об этом: «В 1922 году, в начале организации бывшей Карчеравтобласти, я был приглашен Обликом и Оргбюро ВКП (б) КЧАО на работу на предмет организации типографии и приобретения шрифта, применительного к языкам населения Карчеравтобласти с тем, чтобы распространить газеты, брошюры и другие необходимые учебники».

Исмаил Якубович получив необходимые документы от руководства области отправляется в столицу. Там, после многодневных поисков, обивания порогов различных учреждений, настоячивых требований, использовав все свое красноречие, он все же добивается выделения средств на покупку типографского оборудования для новой автономии. Пересечя всю страну с севера на юг, И. Акбаев прибыл в Тифлис, где приобрел типографские

станки, шрифты, наборные машины и другие принадлежности. Здесь же он встретил наборщика Алаверды Расулова, которого пригласил на работу в Карачаево-Черкесии.

В течение двух лет Исмаил Якубович не покладая рук, работает над запуском типографии, днем и ночью пропадая на работе. Вновь и вновь он едет в Баку и Тифлис, Москву и Дагестан, все для того, чтобы наладить печать. И все это часто на свои собственные средства, так как молодой автономии их крайне не хватало. Он сам выбирает здание, вместе с А. Расуловым устанавливает станки и готовит гранки. Пригодился опыт, полученный во время подготовки собственных книг в Тифлисе и Темир-Хан-Шуре. Уже вскоре в Баталпашинской типографии стали выходить издания на русском языке, газета «Горская жизнь». Так было положено начало издательской деятельности в нашей республике.

Во время работы по налаживанию типографии в жизни Исмаила-эфенди произошло еще одно важное событие. В 1923 году в Баталпашинске состоялся съезд мусульманского духовенства. Как наиболее образованный и влиятельный из участников съезда, он был избран Председателем Президиума съезда. Какие же вопросы обсуждались на съезде?

Помимо вопроса о признании Советской власти (без чего проведение съезда вообще не состоялось бы), остальная повестка дня практически не отличалась от сегодняшних съездов духовенства (а ведь прошло 85 лет!). Судите сами: борьба с национальной и религиозной враждой, запрет на расточительные поминки, призыв к эфенди вести борьбу с пьянством и азартными играми, устаревшими обычаями, которые, сохранив форму потеряли свою суть, установление свободы выбора в браке, как для мужчин так и для женщин, запрет на празднование не предусмотренных по шариату праздников и т.п. К сожалению, многие из этих проблем не решены и до сих пор, чему в немалой степени послужили десятилетия государственного атеизма.

Помимо принятия решений по обсуждаемым вопросам, съезд избрал и Духовное управление, в которое вошли 8 членов и 3 кандидата. Возглавил его Исмаил-эфенди Акбаев, ставший таким образом духовным лидером мусульман Карачаево-

Черкесии. После завершения съезда он вернулся к работе в типографии.

Большую работу Исмаил Якубович вел по подготовке издания газет на черкесском и карачаевском языках. Справедливости ради стоит отметить, что первая газета на карачаевском языке - «Къарачай» вышла еще в 1919 году при власти белых, под редакцией друга и соратника Исмаила-эфенди Хызыра-эфенди Биджиева. Но она просуществовала совсем недолго, имела ограниченный тираж, и распространялась в основном в агитационных целях.

Уже в марте 1924 г. русскоязычная газета «Горская жизнь» стала выходить с параллельным текстом на русском и карачаевском языках. В дальнейшем при газете был организован выпуск национального приложения под одноименным названием «Таулу джашау» (буквально - «Горская жизнь»), а 19 октября 1924 г. «Таулу джашау» вышла в Баталпашинске как самостоятельное издание.

Как вспоминала одна из его учениц, впоследствии известный общественный деятель и писатель Аминат Урусова, в тот день Исмаил Акбаев гостил у ее отца - своего друга и земляка, видного общественно-политического деятеля Мудалифа Урусова. И когда он протянул Мудалифу первый номер газеты на родном языке, на его глазах непроизвольно показались слезы радости. И это понятно - ведь еще одно его детище увидело свет...

Первым редактором газеты был назначен 24-летний Магомет Батчаев, в то время один из ведущих партийных и советских работников Карачаево-Черкесии, а для Исмаила-эфенди просто сын его друга Ильяса Батчаева и один из лучших учеников Гейбердинской школы. Учитывая то, что лучше него никто не знал алфавит, который он придумал, И. Акбаев в течение довольно продолжительного времени был негласным редактором и корректором газеты. Не вмешиваясь в содержание, он строго следил за соблюдением правил грамматики и орфографии, давал свои советы авторам по написанию статей и художникам по их оформлению. Исмаил-эфенди понимал, какое важное значение имела газета на родном языке при отсутствии книг и журналов и потому делал все, чтобы популярность газеты росла.

Но молодой советской школе Карачая требовались не только газета, но и новые учебники. Старого выпуска «Ана тил» уже не хватало, и потому Исмаил-эфенди решил заняться его переработкой и подготовкой новых учебников. Но совмещать это с работой в типографии и корректированием газеты было уже сложно – ведь он и так целыми днями пропадал на работе. Как вспоминал сам Исмаил Якубович: «... по распоряжению т. Курджиева мне было предложено укомплектовать штат типографии, для чего мною были приглашены тогда же ныне работающие в типографии товарищи Байрамкулов и Кайсынов и другие товарищи в помощь, коих я вербовал путем объезда по аулам Карачая». Умар Байрамкулов, Ахмат Кайсынов, к которым присоединились Осман Урусов и Абдул-Керим Халкечев, прошли обучение под руководством Алаверды Расулова и самого И. Акбаева, и вскоре сменили их в типографии.

Это позволило Исмаилу Якубовичу сконцентрироваться на подготовке учебников и пособий для школ.

Первой книгой, изданной в Баталпашинской типографии на языках народов Карачаево-Черкесии, стало новое, переработанное издание знаменательной книги «Ана тили. Элибле» («Родная речь. Азбука» - выпуск 1-й) /Баталпашинск, 1924. - 84 страницы/.

Одобренное горской секцией Научно-Методической Комиссии при областном отделе народного образования решением от 17 октября 1923 года за № 1, оно вышло в начале 1924 года тиражом в 3500 экземпляров, и вскоре было разослано по всем школам Карачая, а впоследствии и в Балкарию.

В 1925 году из печати вышла вторая часть «Ана тили» (Баталпашинск. – 128 с.), предназначенная для овладевших азбукой. Совместно с врачом и просветителем Исмаилом Абаевым (сыном друга - известного общественного деятеля Мисоста Абаева), Исмаил Якубович подготовил пособие для взрослых «Бизни кючюбюз – бизни джерибизд. Уллулагъа элибле» («Наша сила - в нашей земле. Азбука для взрослых») объемом в 160 страниц, вышедшее в Москве в 1926 году.

В 1926 году им был подготовлен и издан в Баталпашинске «Гылмач» (объемом в 263 страницы) - первый русско-карачаевский словарь, который пользовался большой популяр-

ностью, как у карачаевцев, так и служащих, работающих в Карачае.

Политика ликвидации безграмотности находила горячий отклик в среде карачаевского народа, но многие проблемы тормозили ее проведение. Кроме того, большинство населения русским языком не владело, а учебников по общеобразовательным предметам на карачаевском языке просто не было. В этой ситуации И. Акбаев возлагает на себя трудную задачу по подготовке подобных учебников. Так, им был переработан и переведен на карачаевский язык удобный и легкий для восприятия «Арифметический задачник» В. Ланкова (часть I (90 с.) и II (94 с.)) /Баталпашинск, 1925/, учебники «География» («Биринчи География») /Москва-Ростов-на-Дону – 1929 – 132 с./, «Природоведение» - («Табиғьат.1-чи кесеги. Джансыз табиғьат»), /Баталпашинск, 1925 – 121 с./.

Переводил Исмаил Якубович и научно-популярную и общественно-политическую литературу. К примеру - «Проводник» («Джол уста») /Баталпашинск, 1924/, «Книжка политической грамоты» П.Коваленко (Баталпашинск, 1924. - 160 с.) - обе совместно с Умаром Байрамкуловым; «Кольцевая почта в деревне» («Элдеде тоғай почта») /Баталпашинск, 1925/.

Таким образом, большая часть используемых в начальных школах Карачая учебников были либо написаны, либо переведены Исмаилом-эфенди. Отвечающие всем требованиям, ясно и легко воспринимаемые, они на долгие годы стали эталоном для последующих поколений составителей учебных пособий. С каждым годом все больше становилось грамотных юношей и девушек, многие из которых продолжали идти дальше по пути образования. Исмаил-эфенди же с радостью наблюдал плоды своего труда...

Казалось бы, все было замечательно – Исмаил Якубович пользуется всеобщим признанием как педагог и автор учебников, которые выходят в Ростове-на-Дону и Москве, его любят и почитают, с ним советуются не только литераторы и журналисты, учителя и эфенди, но и руководители области. Но тучи над головой Исмаила-эфенди, как и над всем населением СССР уже сгустились...

Окончание эпохи НЭПа – эпохи относительной экономической либерализации в конце 20-х гг. повлекла за собой и резкое ужесточение политического режима. Именно тогда по всей стране начался первый виток массовых репрессий направленный уже не против противников Советской власти, но против тех, кто ей преданно служил все эти годы. Шли эти репрессии и в нашем горном крае. Один за другим изгонялись с работы и из партии те, кто имел хоть какое-то отношение к царской или белой администрации, соблюдал религиозные обряды и народные обычаи, обладал до революции или после нее каким-либо имуществом, происходил из знатных княжеских или дворянских родов. Воспользовавшись умом, талантом и энергией элиты народа в начале 20-х - в годы восстановления хозяйства и культурного строительства, власть теперь не нуждалась в ее услугах и потому вся элита дореволюционной закалки должна была отправиться на «свалку истории».

Исмаил-эфенди не мог понять, почему Советская власть, называющая себя властью народа, уничтожает ярчайших представителей этого самого народа. В то же время он прекрасно понимал, что уж если молох репрессий перемальвает советских и партийных работников, то ему – эфенди и состоятельному в прошлом человеку, белому офицеру, ждать осталось совсем недолго. И предчувствия его не обманули. Уже в 1928 г. он был внесен в список тех, кто в первую очередь должен был быть подвергнут репрессиям. Главным обвинением против Исмаила-эфенди было владением им двумя дачами на Тебердинском курорте, «кулацкое хозяйство», а также его звание эфенди.

Еще в начале 1928 года Исмаил-эфенди передает одну из своих дач (в 9 комнат) в дар рабочим основанной им типографии, которые работали во вредных условиях и часто страдали легочными заболеваниями. Во второй же даче (из 6 комнат) он проживал сам вместе с многочисленными племянниками и племянницами. К тому же завещал он ее после смерти комитету бедноты Верхней Теберды. Но это не остановило местных активистов. И вот уже внесен в список «кулаков», и как бывший эфенди и дачевладелец лишен избирательных прав. Многие в те годы не понаслышке знали, что это означало - стать лишенцем. Веденный в этот список человек фактически становился изгоем в род-

ном селе, на него не распространялись законы, его в любой момент могли выгнать из дома, конфисковать имущество. И еще. Лишение избирательных прав свидетельствовало о том, что человека в скором времени ждут репрессии

Более двух лет продолжалась борьба за справедливость Исмаила Якубовича. Не помогло и то, что Исмаил-эфенди полностью передал и вторую дачу в курортном поселке, а также свои магазины государству. На имевшиеся средства он купил небольшой домик в родном селе, в котором и ютился вместе с семьей, ведя небольшое хозяйство, которое нельзя было назвать кулацким даже по советским меркам. Снова и снова пишет он в областные советские и партийные органы с просьбой восстановить его в правах и просто дать возможность еще послужить делу просвещения народа. Но ответом из областного избиркома служила лишь ехидная отписка – «отказать как бывшему дачевладельцу и кулаку». Тогда Исмаил-эфенди был вынужден обратиться в избирком Северо-Кавказского края, в состав которого тогда входили многие национальные области, в том числе и Карачай. Лишь предприняв личную поездку в Ростов-на-Дону и встретившись с руководством краевого избиркома, Исмаил-эфенди в 1930 году добился восстановления в избирательных правах себя и супруги.

Но, восстановив его в избирательных правах, власть начисто отказала ему в возможности заниматься любимым делом – преподаванием в школе и составлением учебников. И никакие просьбы не могли поколебать этого решения – бывший эфенди не мог быть советским учителем. Забыты были заслуги Исмаила Якубовича в деле просвещения и образования, забыты его буквари и переводные учебники, забыта организация типографии и издание первых газет. Разочарованный, с горьким осадком на душе он покидает полюбившийся ему Микоян-Шахар, столицу молодой автономии Карачая, в торжественном открытии которого он принимал участие вместе с тысячами земляков 7 ноября 1927 года.

Лишенный возможности заниматься своим любимым делом, заклеенный как «мулла, кулак и белый офицер», он вернулся в родное село и поселился в небольшом домик вместе с супругой Байдымат. Так случилось, что детей у Акбаевых не было. И как

горько не было бы Исмаилу-эфенди, так и не испытывавшему радость отцовства, он не роптал и с честью вынес это испытание, посланное от Всевышнего. Всю нерастрченную родительскую любовь они с супругой тратили на многочисленных племянников. После смерти старшего брата Туугана и его супруги, Исмаил-эфенди взял на воспитание пятерых племянниц. Всем им он дал образование, воспитал в духе адета и намыса, правоверными мусульманками, а после устроил их судьбу, выдав замуж в уважаемые и благородные семьи. В конце жизни он воспитывал уже дочку своей племянницы – Римму Хачирову. Хватало отцовской ласки у Исмаила-эфенди и для учеников, да и просто сельских мальчишек.

Несмотря на обиду на власть, лишившую его всего самого дорогого, Исмаил Якубович не озлобился на жизнь. Он часто бывал в Микоян-Шахаре, встречался с представителями интеллигенции, многие из которых были его бывшими учениками. Особенно любил он посещать редакцию газеты «Кызыл Къарачай» («Красный Карачай»), где давал свои советы начинающим авторам, как по содержанию статей, так и по чисто техническим вопросам. И, несмотря на то, что общение с такими людьми, как Исмаил-эфенди, Советской властью не приветствовалось, молодые сотрудники слушали его, затаив дыхание – ведь перед ними был автор и издатель первой азбуки карачаево-балкарского языка, по которой они все учились в школе, организатор издания той самой газеты на родном языке, в которой они и работали.

До последних дней жизни, Исмаил-эфенди не прекращал работать. Он пишет новые учебные пособия, сочиняет стихи и рассказы для учебных хрестоматий, в душе надеясь, что когда-нибудь власть все же поймет свою ошибку и даст ему возможность заняться преподаванием и изданием учебников. Но все его надежды были напрасны...

И вот наступил 1937 год, вошедший в историю как год массовых репрессий, жертвами которых стали миллионы безвинных людей. Подобное творилось на всей территории необъятного СССР, в том числе и в горном Карачае. Но Исмаил-эфенди не испытывал страха, во всем вверившись Всевышнему, как и подобает мусульманину.

В один из дней, когда Исмаил-эфенди гостил у родственников в Курорт-Теберде, он был арестован и в тот же день брошен в застенки НКВД. Целыми сутками чекисты истязали и издевались над 63-летним эфенди, требуя подписать доносы на знакомых и незнакомых людей, но так и не дождались этого. Попытки родных выволить его так и не увенчались успехом.

Вскоре Исмаил Якубович был осужден по стандартному обвинению в контрреволюционности, сотрудничестве с белыми и занятии религиозной практикой и был приговорен к 10-летнему заключению в лагерях Карагандинской области. Но недолго пришлось ему страдать... Вскоре по прибытии в лагерь он скончался. Именно там, за тысячи километров от Карачая, остановилось сердце его выдающегося сына – Исмаила Акбаева, человека, жизнь которого стала примером беззаветного служения народу.

Супруга Исмаила-эфенди Байдымат вместе со всеми испытала трагедию депортации 2 ноября 1943 г. Там, на чужбине, она и скончалась на руках у воспитанницы Риммы. Римма же, проведя 14 горьких лет в Средней Азии, вернулась в родное село и поселилась в доме, который ей завещал Исмаил Якубович, в доме, где прошло ее детство и где все напоминало о любимом человеке.

Но прежде всего она должна выполнить свой нравственный долг перед оклеветанным и безвинно погибшим в лагерях Исмаилом-эфенди. Сразу же по возвращении, Римма Хаджи-Муссаевна взялась за дело реабилитации своего приемного отца. И вскоре государственные органы были вынуждены признать, что дело в отношении Исмаила Акбаева было сфальсифицировано, а сам он ни в чем не виноват.

Вскоре его стихи были опубликованы в «Антологии карачаевской поэзии» (1965 г.), других сборниках, они вошли в учебники по родной литературе. Сегодня о творчестве Исмаила-эфенди пишут литературоведы и историки, его наследие изучают мусульманские богословы и культурологи. Но, до сих пор в честь него не названа улица, не установлен памятник, нет даже мемориальной доски... Неужели человеческая память так коротка?

В следующем, 2009 году исполняется 135 лет со дня рождения Исмаила-эфенди. Будем надеяться, что правительство республи-

ки и общественность достойно отметит эту дату и выразит свою благодарность человеку, всю свою жизнь отдавшего служению народу. Ведь он давно заслужил это...

Р.М. Бегеулов

Сухум как турецкий плацдарм на пути в Карачай
(к 155-й годовщине начала Крымской войны)

В геополитических проектах султанской Турции в отношении народов Северного Кавказа особое внимание уделялось абхазской территории, которая достаточно легкими перевалами была связана с Северным Кавказом.

В ноябре 1853 года началась Крымская война, где на стороне турок выступили Англия, Франция и Сардиния. Царское правительство пытается сформировать ополчение из горцев Северного Кавказа, для борьбы с Турцией и ее союзниками, но в Карачае такая попытка восторга не вызывает. Пристав Карачая Тургиев докладывал начальнику Центра Кавказской линии Грамотину, что «общество карачаевское считает большим затруднением исполнить волю высшего начальства, хотя и жалеют упустить случая доказать правительству преданность свою; так как со времени покорения никогда не бывали в дальних походах и командировках, то назначение это кажется им необыкновенным и весьма тягостным, все единодушно просят меня довести до сведения Вашего превосходительства об избавлении их от такого назначения». В итоге все же ополчение было сформировано. Но ни на какие театры военных действий карачаевцы не пошли, довольствуясь охраной близлежащих кордонов и перевалов. Командование на Кавказской линии заметно нервничает. Несмотря на успокаивающие донесения пристава, карачаевцам откровенно не доверяют. Начальнику отряда Кисловодского кордона полковнику Унгерн-Штернбергу весной 1854 года строго приказано: «наблюдать за карачаевскими баран-кошами, удостоверившись немедленно, где находятся стада баранов, обыкновенно в это время выгоняемые в окрестности Кумских высот, и в таком ли они количестве, в каких их видели в прошедшем году».

Между тем, в Карачае чутко следят за развитием военных действий. Как бы ни хотели скрыть этого царские власти, но было

очевидно, что империя терпит пусть и не катастрофические, но поражения. Информация поступала в Карачай довольно точная — как и от соседних горцев, так и от карачаевцев, возвращавшихся после совершения хаджа из Мекки и Медины. В 1854 году вся Абхазия была уже в руках турок. В Сухум из Османской империи прибывает Сефер-бей Зан, один из лидеров Черкесии, «с заданием - поднять против России все черкесские племена и склонить на сторону Турции владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе».

В Карачай засылается масса эмиссаров и бумаг от османских властей Сухума и Сефер-бея, «где в самых убедительных и строгих выражениях» карачаевцев призывают «принять участие в общем восстании племен во славу мусульманской веры». Прибывают гонцы и из Закубанья. Карачаевские князья Идрис и Басият Карабашевы, занимавшиеся хлебопашеством в Тебердинском ущелье, получили бумаги на имя всего карачаевского народа, где объявлялось, что они все равно поступят в магометанское управление независимо от того, желают они этого или нет.

Все эти обещания, просьбы, призывы, угрозы создавали в Карачае довольно нервную обстановку. Часть карачаевских чабанов начала подтягивать свои стада с самых удаленных от Карачая пастбищ ближе к горам. Это вызывает серьезную тревогу на Кавказской линии. На Эшкаконе посылаются сотня 2-го Волжского казачьего полка. Командовавшей ею сотник Мурныкин докладывал начальству, что карачаевцы на приказ не удалиться в горы «оказывают непослушание и просят не препятствовать им... а при удержании имеют намерение бросать отары». Впрочем, все это было лишь небольшой паникой со стороны чрезмерно осторожных лиц. Массового отгона скота в горы в 1854 году так и не произошло. Карачаевцам ведь это было очень невыгодно, а царские отряды позаботились о том, чтобы чабаны свое решение оставаться в предгорьях не изменили.

При этом большинство карачаевского народа, отнюдь не желало отделения от России и присоединения к Турции. Горцы, ведя борьбу с царизмом, желали обрести свободу и независимость. А менять одного хозяина на другого, пусть и мусульманского, особого желания не было. Горцы были неплохо знакомы с турками и не ждали от них ничего хорошего. К тому же в Кара-

чае еще прекрасно помнили 1826-1828 гг., когда турки не оказали своим подданным никакой помощи, оставив их сражаться один на один с царской армией. От Османов и других держав ждали и просили военную помощь, чтобы сбросить военно-феодальный режим царизма, а терять самостоятельность ни Карачаю, ни тем более Шамилю и Мухаммад-Амину совершенно не хотелось. Раздраженный неудачами союзников в Крымской войне и призывами султана Абдул-Меджида собрать войска, выступить на защиту ислама и показать свою «решительность во имя пророка», имам Шамиль, в конце концов, открыто, прямо и честно заявил, что ни на какое соединение с турецкими войсками он не пойдет, «ибо этим соединением, подчиняя себя турецкому паше, он добровольно слагает с себя власть, приобретенную усиленными двадцатилетними трудами и пожертвованиями».

Как верно заметили К. Маркс и Ф. Энгельс, оценивая ход Крымской войны: «Перспектива присоединения к Турции, по-видимому, отнюдь не приводит их (горцев - Р.Б.) в восторг». Поэтому в Карачае хотели получить только турецкую или иную военную помощь, а не присоединяться к той или иной державе, принимая чиновников и военных. С гораздо большим интересом и вниманием здесь следят за действиями наиба Мухаммад-Амина, ведя с ним переписку и, видимо, гораздо больше доверяя ему, чем туркам.

Прибывшие в июне 1854 года в Сухум с разрешения пристава Тургиева карабашевский зять Кадырбей Маршания и Исмаил Семенов встречались с турецкими военными и Сефер-беом Заном, которые призывали карачаевцев поднять восстание в ближайшее время. Однако Маршания и Семенов жаловались на то, что обложены русскими войсками, что скот и «даже дети находятся в руках русских», а потому о вооруженном выступлении не может быть и речи. Сефер-бею и туркам оставалось только переходить от просьб к угрозам и заявлять, что они силой возьмут карачаевцев и заставят повиноваться во всем. Нельзя сказать, что подобные угрозы проходили для Карачая бесследно. Протурецкие настроения не были чужды определенной части общества. Успехи Османов и их союзников, зачастую многократно преувеличенные, оказывали впечатление. Население оказалось как

бы между двух огней. С одной стороны нужно было опасаться вполне возможного движения турецких войск через перевалы, которые могли «отблагодарить» карачаевцев за сотрудничество с российскими военными. А с другой - внимательно следило за развитием событий в Карачае командование Кавказской линии, во власти которого были аманаты и практически «все имущество (карачаевцев - Р.Б.), заключающееся в скотоводстве», и которое, не доверяя карачаевцам, нервничает и ведет себя настороженно.

Складывающаяся ситуация наглядно продемонстрировала как ненадежна покорность, основанная только лишь на методах принуждения, на экономическом и военном давлении.

И.С. Кипкеев

Военно-политические союзы в практике горских элит средневековья

Как и везде, на Северном Кавказе в позднем средневековье широко практиковалось заключение военно-политических союзов, имевшее целью реализацию конкретных текущих или долгосрочных задач.

Фиксируются военно-политические союзы между народами Северо-Западного Кавказа. В XVII в. народы рассматриваемого региона были втянуты во внутренние усобицы ведущих этнополитических образований того времени – ногайцев (между владетелями Большой и Малой Ногайской Орды), Кабарды (между князьями Большой и Малой Кабарды). Участники этих усобиц охотно заключали военно-политические союзы с владетелями соседних народов. Осенью 1615 г. малокабардинский князь Шолох Тапсаруков (Гилястанов род) привел во владения рода Кайтуковых (Большая Кабарда) отряды ногайского принца Маамет-мурзы и шамхальского принца Магомет-мурзы¹.

В Малкинском сражении 12 июля 1641 г. приняли участие войска двух коалиций. В одну входили отряды мурз Большой Ногайской Орды, кабардинского князя Келемета Черкасского, его союзников - русских («дети боярские, и стрельцы»), крещеных горцев и «кочан»- вайнахов, находившихся на русской службе, барагунского владетеля Куденета, кумыкские

(шамхальские) отряды. В другую коалицию входили отряды мурз Малой Ногайской Орды, кабардинских князей Мударовых, Казиевых (Кайтуковых), и, по некоторым данным, карачаевцы².

Ш.Б. Ногмов упоминает о сражении кабардинцев с калмыками («тургутами») в районе слияния Малки с Тереком и Псыгансу. «Кабардинцы были в опасном и ужасном положении, имея мало надежды на спасение,- пишет Ногмов,- но через день неожиданно подоспела к ним помощь, состоявшая с лишком из 2000 людей, собранных из разных горских племен» («История адыгейского народа»). Если исходить из того, что калмыки появились на Северном Кавказе в XVII в. и позже этого столетия между ними и кабардинцами военных столкновений не зафиксировано, то датировать приведенную Ногмовым битву следует именно этим веком.

В 1619 г. кабардинские князья в союзе «со многими горскими людьми» воевали с Большой Ногайской ордой³. Группы племен Малой Ногайской орды с XVII в. стали заселять Прикубанье и Приазовье, заключая союзы с адыгскими племенами. По сообщению турецкого автора той эпохи Эвлия Челеби, «народность ногайцев, породнившись с шефакийскими племенами Черкесии (западноадыгское племя хегаки в районе Анапы, - И.К), осела там на жительство»⁴. Среди хегаков ногайцы фиксируются и столетие спустя, в 1788 г.⁵, что может указывать на прочность «породнения» между этими разными (тюркской и адыгской) этническими группами.

В 1646 г. касаевцы (часть Малой Ногайской орды) вместе с князьями Большой Кабарды из Казиева рода Алегукой и Ходогжукой (Атажуко) ушли в верховья Кубани «под снеговые горы под черкасского князя Алегуку»⁶. Другая часть Малого Ногай – ураковцы находились во владениях крымского хана⁷.

В начале 1730-х гг. в Большой Кабарде фиксируются 2 тыс. семей ногайцев, очевидно, вступивших с кабардинскими князьями в тесные ВПС; об этом свидетельствует сообщение 1731 г. о том, что эти ногайцы «ныне против крымцев и кубанцев вместе с Большою Кабардою бой имели»⁸.

Солидарность горских народов Северо-Западного Кавказа проявилась в период Кавказской войны, фактически начавшейся с конца XVIII в. и продолжавшейся до 1864 г. Отряды

карачаевцев, балкарцев и дигорцев в 1804 г. оказали военную помощь восставшей Кабарде, участвовали в сражении кабардинцев с войсками генерала Глазенапа, который сообщал командованию, что имел бой с «отчаянно сражавшимися кабардинцами, чегемцами, балкарцами, карачаевцами и осетинами, выбитыми из 12 окопанных аулов»⁹.

В том же 1804 г. объединенный отряд кабардинского князя Росламбека Мисостова и ногайцев вели бой с отрядом генерала Лихачева в районе Кубанского Каменного Моста (район современного г. Карачаевска)¹⁰.

После «усмирения» Кабарды войсками Ермолова к числу непокоренных союзников и «укрывателей» кабардинцев царское командование относило карачаевцев. Ввиду этого в приказе Ермолова командиру Тенгинского пехотного полка капитану Кашутину (его отряд располагался в верховьях р.Кумы), предписывалось считать всех без исключения карачаевцев неприятелем, которого при встрече следует истреблять¹¹. В 1822 году полковник Подпрятков был «командирован»... «для усмирения карачаевского народа»¹², однако, судя по всему, ничего не добился, а поход царских войск состоялся лишь шесть лет спустя.

В ходе Кавказской войны также нередко действовали заодно карачаевцы и абазины. Во время карательного похода царских войск 1824 г. на аулы абазинских князей Дударуковых (бассейн Зеленчуков) среди убитых защитников аулов в русском документе упоминается «лучшей фамилии карачаевских старшин сын Хубия».¹³

Тесную военно-политическую связь поддерживали карачаевцы и с закубанскими горцами. В том же 1824 г. в Карачае нашел приют отряд закубанских горцев, разгромивших станицу Марьевскую, здесь они отдохнули и ушли в Черкесию¹⁴. Летом 1828 г. карачаевцы и закубанские горцы во главе с Джембулатом Болотоковым совершили набег на Георгиевский уезд, после чего через Баксанское ущелье прошли в Карачай, откуда закубанцы перебрались к себе¹⁵.

Царским командованием отмечалось, что через Карачай проходит «единственная дорога, удобная для скрытого проезда закубанских народов в наши границы на хищничества... и что

сие только сообщение беглых кабардинцев и закубанцев с карачаевцами дает возможность паше Анапскому действовать из под руки на горские народы: ибо как хищники, так равно и посылаемые от него для обольщения доверенные люди всегда находят у карачаевцев убежище.»¹⁶.

Исследователи полагают, что в Хасаукинском сражении 1828 г. (его итогом явилось «первое присоединение» Карачая к Российской империи) на стороне карачаевцев против войск генерала Эмануэля сражались и «беглые кабардинцы», которые «явились одной из причин экспедиции Эмануэля»¹⁷. На последнее указывает и рапорт генерала Паскевича: «Генерал Эмануэль доносит, что для обеспечения спокойствия на Линии он счел нужным предпринять экспедицию против карачаевцев, - народа, живущего на снежных высотах Кавказа, в вершинах Кубани, который в надежде на неприступность земель своих безбоязненно давал убежище и помощь (выделено мной. - И.К.), кубанским хищникам, через его земли проходившим для произведения набегов в пространстве между Кубанью и Тереком»¹⁸.

Добавим, что дигорцы вместе с балкарцами участвовали в чегемском тѐре, на котором было принято решение участвовать в защите Карачая от вторгшихся туда войск генерала Эмануэля в 1828 г.¹⁹

Вскоре после ухода царских войск, Карачай вновь стал де-факто независимым и восстановил связи с закубанскими горцами. «Карачай, - отмечается исследователями, - побыв некоторое время, хотя бы номинально, под властью России, к 1830 году фактически отсоединился от нее. Взаимоуважительные, взаимовыгодные отношения с военными властями на Кавказской линии так и не сложились. Статьи договора 1828 года не выполнялись ни одной из сторон, его подписавших. Россия так и не открыла меновой двор на реке Куме, о чем просили карачаевцы, и фактически не допускала их в пределы империи на российский рынок. Карачаевцы же по-прежнему не препятствовали закубанским горцам и беглым кабардинцам, как того требовали условия договора, осуществлять набегии со своей территории в российские пределы. Жители Карачая не столько не могли, сколько не хотели им в

этом препятствовать, так как с соседними народами их связывали традиционные политические, экономические, родственные, культурные и религиозные связи»²⁰.

В 1832 г. командование царских войск (в лице генерала Вельяминова) предъявило очередной ультиматум карачаевцам: «должны избрать одно из двух: либо не пропускать через свои земли закубанских партий, либо допустить Российские войска» в Карачай²¹. Прославившийся своей жестокостью в Закубанье полковник Засс угрожал карачаевцам, что истребит их, если они не «явятся» к нему²². Однако у царских войск не было «свободных сил» для нового похода в Карачай и в 1834 года князю Шаховскому удалось мирным путем «склонить карачаевцев к возобновлению присяги на верноподданство государю императору»²³.

Однако карачаевцы вместе с другими народами, по мере тех сил, которые имелись у них на то время, участвовали в Кавказской войне вплоть до 1850-х гг. (см. ниже).

Зафиксированы и другие случаи военно-политических союзов. Балкарский «старшина» Бекби во главе своего отряда помогал восставшим в 1781 г. дигорцам. Как отмечает М. С. Тотоев, «помощь, оказанная балкарским отрядом во главе с Бекби восставшему дигорскому народу, изменила соотношение сил сторон и баделята капитулировали. Народные массы временно взяли верх над своими угнетателями - баделятами и помогавшими им кабардинскими феодалами»²⁴.

В целом, военно-политические союзы, как правило, были непрочными, они заключались и расторгались в зависимости от целей, которые ставили перед собой их участники.

Следует рассмотреть примеры военно-политических союзов народов Северо-Западного Кавказа с государственными образованиями XVI-XIX вв.

Так, Малая Ногайская Орда, в состав которой входили территории на Северо-Западном Кавказе (район Приазовья), приняв «шерть» (присягу), вступила в ВПС с Русским государством в 1564 г. и возобновляла его в последующие годы²⁵. Никоновская летопись 1563 г. фиксирует, что «многие мурзы и казаки, Ногайские и Крымские» находятся на службе русского царя. В рамках ВПС эта часть ногайцев вместе с

отрядами кабардинцев и западных адыгов на стороне русских войск приняла участие в Русско-турецкой войне 1569-1572 гг. (район боевых действий у Азова).²⁶

Ко второй половине XVI в. относится и установление военно-политических связей между Россией и частью кабардинских феодалов. По мнению С. Бейтуганова, «установление военно-политического союза с Россией (1557 г.) есть начало разделения Кабарды на Большую и Малую, окончательно оформившееся на рубеже XVI – XVII веков»²⁷.

В 1643 г. после переговоров некоторых ногайских, кабардинских и абазинских князей было принято решение о принятии ими в Терском городке (военном форпосте России на Северном Кавказе) присяги на верность русскому царю²⁸. Видимо, этим объясняется отказ в 1646 г. мурз Малого Ногайя и кабардинских князей принять участие в походе крымских войск в южнорусские города²⁹.

Отряды некоторых северокавказских феодалов (ногайских, кабардинских, дагестанских) на стороне русских войск приняли участие в Русско-турецкой войне 1676-1681 гг.³⁰

В Русско-турецкой войне 1710-1711 г. российской дипломатией предпринимались усилия по привлечению кубанских ногайцев, но, как отмечают исследователи, «по вине местных феодальных владетелей не было принято русское предложение»³¹.

Кабардинские отряды в составе русских войск приняли участие в ряде войн с Османской империей и Ираном: в Персидском походе Петра I в ходе Русско-иранской войны 1722-1723 гг. участвовал кабардинский отряд под командованием князя Эльмурзы Черкасского; в ходе Русско-турецкой войны 1735-1739 гг. фиксируется участие кабардинского отряда (около 2 тыс. чел.) во главе с князьями Мисостом и Кылчуком в составе русских войск в боевых действиях против турок и крымцев в Прикубанье и Приазовье (1735 г.); в 1736 г. кабардинские отряды (до 2 тыс. чел.) вместе с калмыцкими союзниками России участвовали в походе царских войск против кубанских ногайцев (1-й Кубанский поход), а в 1738 г. – против абазин и закубанских ногайцев (2-й Кубанский поход)³². Результатом

этих походов явилось признание частью кубанских ногайцев (наврузовцев, солтанаульцев) российского подданства³³.

В итоге войны, согласно Белградскому договору 1739 г., Россия и Турция признали Кабарду независимым «буферным» образованием; этот статус за Кабардой признавался до очередной Русско-турецкой войны (1768 – 1774 гг.). В последней русским войскам оказывали поддержку некоторые ногайские феодалы Кубани³⁴.

В ходе Русско-турецкой войны 1787-1791 гг. на стороне русских войск, воевавших против абазин (лоовцев, кячевцев, башилбаевцев), адыгов (абадзехов, бесленеевцев) и ногайцев (кипчакаульцев), действовали отряды 40 кабардинских князей (5 тыс. чел.); такие же отряды в составе русской армии участвовали в боевых действиях против турок на Дунайском фронте и против чеченцев³⁵. В то же время другая часть адыгов (западных) на стороне Турции и Крыма воевала против Российской империи (см. ниже).

В 1796 г. по просьбе владетелей западноадыгских «аристократических» племен (в основном, шапсугов и бжедухов) русские войска оказали помощь в подавлении крестьянского выступления западных адыгов³⁶.

Необходимо отметить северокавказско-турецкие военно-политические союзы. По мнению современных исследователей, уже во второй половине XVI в. Османская империя «фактически подрывала генетические корни черкесов – была установлена ежегодная дань с них девушками и юношами»³⁷.

Согласно одному из русских документов 1567 г., турецкий султан Селим прислал к крымскому хану своего представителя («Маамет-чеуша»), чтобы «к нему прислал черкесских ребят и девок чистых 300 человек» и хан пообещал выполнить то требование³⁸.

Крымские ханы собирали ясак (дань) с многих народов, в том числе «Кабарда обычно должна была ежегодно поставлять хану 300 девушек и мальчиков»³⁹.

По данным С.Броневского, кабардинцы «обязаны были ежегодно платить крымскому хану мальчиками и девицами моложе 20 лет»⁴⁰.

По расчетам исследователей, с черкесского побережья ежегодно вывозилось в рабство до 3000 чел.⁴¹

Территория западноадыгского племени жанеевцев в XVII-XVIII вв. составляла «один из восточных пограничных округов» Османской империи, где действовали «постановления шариата и где запрещалось брать невольников»⁴². Последнее было связано с тем, что жанеевцы рассматривались как мусульмане и турки не могли их обращать в рабство, так как это запрещал шариат.

Уже в начале XVI в. часть адыгов выступала союзницей Османской империи. В турецком походе 1501 г. в Черкесию участвовали и черкесы. «Сын турецкого (турецкого, - И.К.) Махмет Салтан кафинский, - пишет Ф. Ромодановский, - сее весны посылал ратью людей своих на Черкасы триста человек, да двесте человек Черкас с ними ж ходили, которые у кафинского служат... и Черкасы Турков да и Черкас тех кафинского салтана побили»⁴³. Как отмечает А.М.Некрасов, «часть адыгов, как видим, служила в Кафе и выступила против своих соплеменников»⁴⁴.

В конце XVI в. протурецки ориентированные кабардинские феодалы писали султану о необходимости помощи в борьбе с русскими на Тереке: «И будет деи похочешь того, чтобы мы тебе служили, и ты пришли людей с нарядом, и мы Терский город возьмем, а ты людей своих посади и нас вели оберегать, и мы учнем тебе служить»⁴⁵.

Согласно источникам 1740-х гг., абадзехи, «основу которых..., вероятнее всего составили абазинские племена»⁴⁶, фиксируются как подданные Османской империи: «Есть де абазинцы или абазыкеи и турецкоподданные, которые живут за Кубаном в горах близ Крыму, и оные де абазинцы временно бывают крымскому хану послушными, а другим в противности находятся»⁴⁷.

Имеются упоминания о совместных действиях горцев Северо-Западного Кавказа, турок и крымцев против русских войск в ходе Русско-турецкой войны 1787-1791 гг.⁴⁸.

Часть ногайцев, вайнахов, кабардинцев и западных адыгов приняла активное участие в антироссийском движении чеченского шейха Мансура /Ушурмы/ (сентябрь 1785 – июнь

1791 г.), совпавшем по времени с указанной войной. Это движение распространилось на территорию Закубанья.

Во время 1-го Анапского похода русских войск (сентябрь-октябрь 1788 г.) зафиксированы совместные усилия турок и западных адыгов по противодействию генералу П.А. Текелли⁴⁹.

Такие же совместные действия были предприняты адыгами и турками во время 2-го Анапского похода генерала Ю.Б. Бибикова (февраль-март 1789 г.)⁵⁰.

Имеются данные о том, что к турецкому экспедиционному корпусу Батал-паши (1790 г.), действовавшему против русских войск во главе с генералом И.Германом, присоединились карачаевцы⁵¹.

Во время осады Анапы (3-й Анапский поход) войсками генерала П.С. Гудовича в июне 1791 г. западные адыги оказывали помощь осажденному турецкому гарнизону⁵².

Заключенный по итогам войны Ясский мирный договор 29 декабря 1791 г. не дал России новых территориальных приобретений на Кавказе; статьей 6-й договора р. Кубань была признана «границей в той стороне между обеими договаривающимися сторонами»; левобережная часть Кубани признавалась частью Османской империи⁵³.

В начале XIX в. часть западноадыгских племен находились под покровительством «анапских турок»⁵⁴.

Источники сохранили сведения о северокавказско-крымских военно-политических союзах. По мнению исследователей, уже в первой четверти XVI в. «значительная часть адыгских племен (возможно, все западные адыги)... вступает в вассальные отношения к Крыму»⁵⁵. В своем письме московскому великому князю Василию III крымский хан Мухаммед-Гирей весной 1519 г. сообщает: «Из Черкас к нам послы приходили, да нам били челом, чтобы мы к ним послали, и они на нашей службе хотят дати подать; также где и недруг мой будет, и они на нашей службе со всею ратью хотят быти готовы. И яз к ним посла посылаю»⁵⁶.

Касаясь обращений к крымцам феодалов Северо-Западного Кавказа, Эмилио Дортелли д'Асколи (глава миссии ордена доминиканцев в Каффе в 1624-1634 гг.) пишет: «Всякий, кому не хватает сил собственных подданных, обращается за помощью к

дружественному владельцу; дело доходит до того, что, когда один из противников одерживает верх над другим, побежденный прибегает к подкупу крымского хана, обещая ему 200 или 300 рабов; тот более чем охотно пользуется случаем и тотчас собирает 40 или 50 тысяч воинов, с которыми идет к пострадавшему владельцу; противник же, видя это, для лучшего исхода решает сойтись с тем же ханом на стольких-то невольниках, затем хан выступает посредником в примирении сторон»⁵⁷.

В 1498 г. «черказской князь Антонон» вступил в переговоры с крымским ханом Менгли-Гиреем, прося последнего оказать военную помощь против Большой Орды; хан ему свою «рать кошевавши хотел есми отпустить в его землю» однако крымцев отвлекли дела на Украине⁵⁸.

В 1545 г. кабардинский князь Элбозду, потерпевший поражение в междоусобной борьбе и бежавший с Кабарды, обратился за помощью к крымскому хану Сахиб-Гирею, с помощью войск которого разбил бжедухов и соперничавших с ним кабардинских князей⁵⁹. С этого времени и на протяжении двух последующих веков многие кабардинские владельцы часто обращались за содействием к крымским ханам. Этому способствовало то, что уже в XVI в. Кабарда была раздроблена на практически независимые друг от друга удельные владения, внешнеполитическая ориентация которых была, как правило, разной.

В поход против войск персидского шаха Аббаса I в 1616 г. собрались отряды крымского хана, турок, ногайцев, западных адыгов (бесленеевцев, жанеевцев, темиргоевцев), абазин, шамхала, кабардинских князей (Шолоховых и Казиевых)⁶⁰.

В 1711 г. кабардинский князь Бек-Мурза (родоначальник Бековичей-Черкасских) вступил в союз с крымским ханом Шахбаз-Гиреем, с которым совершил поход против кабардинских князей-конкурентов в районе Пятигорья; часть тамошних кабардинцев ушла к калмыкам, а другую часть – «крымской Шахбаз-Гирай хан, взяв, отвез на Кубань»⁶¹.

Статьей 6-й русско-турецкого Белградского мирного трактата (сентябрь 1739 г.) Кабарда была признана независимым «барьером» между Российской и Османской империями: «со

обеих сторон соглашенность, чтобы быть тем Кабардам вольными и не быть под владением ни одной, ни другой империи, а только за барьеру между обеими империями служить имеют. И что от другой стороны Блистательной Порты турком и татаринном в оныя не вступать и оных не беспокоивать також и от Всероссийской империи оныя в покое оставлены будут»⁶².

Однако предоставление международно признанной независимости не могло привести к созданию кабардинского государства. «Этот момент конца 30-х годов XVIII века, - отмечают исследователи, - совпал с самыми трагическими страницами истории многострадального кабардинского народа – в Большой Кабарде шла настоящая гражданская война: разделившись на две мощные партии – Баксанскую и Кашкатаускую – и соответственно разделив народ на две части, кабардинские феодалы растаптывали в страшной междоусобице понятие о здравом смысле и мудрости»⁶³.

В ходе Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. некоторая часть кабардинцев (в частности, отряд князя И. Татарханова) в составе войска крымского хана Девлет-Гирея участвовала в боевых действиях против русских на Северном Кавказе⁶⁴.

Война завершилась подписанием русско-турецкого Кючук-Кайнарджийского мирного договора 10 июля 1774 г., статья 3-я которого гласила: «Все татарские народы: Крымские, Буджатские, Кубанские, Едисанцы, Жамбулуки, и Едичкулы без изъятия от обеих Империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавною властью собственного их хана Чингиссага поколения... и для того ни Российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание так и возведение помянутого хана, так и в домашния, политическия, гражданския и внутренния их дела ни под каким видом»⁶⁵.

Таким образом, Кючук-Кайнарджийский трактат признал независимость Крымского ханства и ряда ногайских орд, включая Кубанскую. Этим же договором Кабарда вновь была признана российским владением⁶⁶.

В 1780 г. натухайские владетели заявили, что с давних времен находятся в зависимости от Крыма и не нарушат присягу, данную крымскому хану⁶⁷. Но ряд других западноадыгских

племен (темиргоевцы, бесленеевцы и др.) в том же году объявили об отказе от крымского протектората⁶⁸.

Эти акции, как и антикрымские выступления части кубанских ногайцев и абазин в начале 1780-х гг., явились результатом происков Османской империи против крымского хана Шагин-Гирея, находившегося в союзе с Россией. Итогом действий турецкой агентуры стало свержение Шагин-Гирея и воцарение в Крыму нового хана Батыр-Гирея (июнь 1782 г.). При военной поддержке России, однако, Шагин-Гирею удалось вновь вернуться на престол (ноябрь 1782 г.).

Вскоре Шагин-Гирей отказался от ханского престола (получая от России в обмен на это пенсию до 200 тыс. руб.); 8 апреля 1783 г. Крым был официально присоединен к России манифестом Екатерины II; 28 декабря того же года положением русско-турецкой Константинопольской конвенции Османская империя признала присоединение Крыма к России⁶⁹. Но присоединение Крымского ханства к России не означало присоединение к ней народов Северо-Западного Кавказа, признававших над собой власть крымского ханства.

Сохранились упоминания о северокавказско-закавказских военно-политических союзах. В частности, имеются данные о борьбе группировки в составе баксанских князей Урусбиевых и сванских князей Дадешкелиани с другим военно-политическим союзом в составе чегемских князей Барасбиевых, Келеметовых и кабардинских князей Атажукиных⁷⁰.

Источники сообщают о тесном военно-политическом союзе владетельных князей Абхазии с убыхами. Один из документов первой половины XIX в. сообщает: «Главный руководитель их (убыхов, - И.К.) Керендук Берзекон живет постоянно в его (владельца Абхазии князя Михаила Шервашидзе-Чачба, - И.К.) доме. Князь Михаил... не только дозволяет абхазцам снабжать продовольствием... убыхов, но и допускает вымен на кукурузу невольников и даже учредил в пользу убыхов особый налог (по 5 кошелок с дымом), который взыскивается с жителей с крайне строгостью»⁷¹.

Тесными были связи горских обществ Балкарии с Имеретинским царством. В 1653 г. имеретинский царь Александр крестил балкарского князя Жанбулата Айдеболова⁷².

В 1658 г. князь Артутай Айдеболов вместе с грузинским князем Темуразом побывал в Москве, где был принят в Грановитой палате и награжден 40 соболями «за услуги в налаживании русско-грузинских и русско-кавказских отношений»⁷³.

В 1693 г. в русскую крепость на Тереке направлялся за помощью имеретинский царь Арчил, однако он стал жертвой нападения тарковского шамхала Будая и малокабардинского князя Кульчука Келембетова. Арчил пробыл в плену в Малой Кабарде почти всю осень того года, но смог бежать в Балкарию, где находился до осени 1696 г., когда его вывезли под охраной русского отряда⁷⁴.

Пожалуй, наиболее тесными такие связи у карачаевцев и балкарцев в позднем средневековье были связи с Княжеской Сванетией, которую можно считать традиционной союзницей Карачая и Балкарии (в отличие от отношений с Вольной Сванетией). Уже в «Песне Карчи» и многих других наиболее архаичных преданиях карачаевцев и балкарцев говорится о совместной борьбе карачаевцев и сванов за независимость Карачая. На князей Дадешкелани опирались баксанские владетели Урусбиевы при нападении на последних чегемско-кабардинских отрядов (см. выше). Целые фамилии Карачая и Балкарии вели свое происхождение из Сванетии – Эбзеевы, Курдановы, Отаровы и др. Подробно данная тема была рассмотрена в докладе А. И. Робакидзе и Р. Л. Харадзе «К вопросу о сванско-балкарских этно-культурных взаимоотношениях» на научной сессии 1959 г. в Нальчике, в ряде других работ в связи с чем автор полагает возможным ограничиться сказанным.

Немаловажным были отношения с Мегрелией. В первой половине XVII в. фиксируются связи между карачаевцами и мегрельским правителем Леваном II Дадияни⁷⁵. В том же столетии, по другим данным, в качестве посла в Мегрелии побывал карачаевский князь Гилястан Бекмырзаевич Крымшамхалов, направленный к тамошним владетелям Дадияни (карачаево-балкарские исторические народные песни о Каншаубие Крымшамхалове).

Старинная песня «Отара Кубановых» упоминает о походе мегрельского отряда в Карачай с целью угона скота и разгрома

этого отряда, причем делается укор в адрес владельцев Мегрелии, нарушивших добрососедство:

Эй, с мегрельскими князьями

Мы близкими были, ей богу, были соседями.

Особого внимания заслуживают северокавказско-британские военно-политические союзы. В XIX веке Кавказ впервые стал ареной столкновений интересов России с интересами европейских колониальных держав, в первую очередь – Великобритании. Эти столкновения происходили на фоне Кавказской войны, в которую были вовлечены почти все народы рассматриваемого региона.

Если в ходе Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Лондон и Петербург выступали союзниками, то после поражения Османской империи в этой войне и соответственно – усиления России англо-русские отношения ухудшились. Расширение выхода России к Черному морю и перспектива военно-политического и экономического проникновения русских в бассейн Средиземноморья противоречили замыслам британских правящих кругов. Последние стремились к гегемонии в этом регионе, через который проходили кратчайшие пути из Европы в Британскую Индию. Один из английских агентов Дж. Белл прямо указывал: «Прекращение продвижения России на Кавказе имеет жизненную важность для Англии»⁷⁶. Британская пропаганда развернула «широкую антирусскую кампанию», заявляя, что «Кавказ и Дарданеллы» являются «воротами в Индию»⁷⁷.

Заинтересованность Лондона в недопущении усиления России на Кавказе прикрывалась заботой о сохранении военно-политического равновесия в Европе. Британский посол в Османской империи Понсонби писал: «Никто из людей не оценивает так высоко значимости Черкесии для сохранения политического равновесия в Европе, как я»⁷⁸.

Адрианопольский мир, подписанный после Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. и укрепивший позиции России на Юге, вызвал крайнюю нервозность Лондона, который отказался признать условия этого договора; глава британской дипломатии лорд Пальмерстон объявил для Лондона «вовсе не обязательным

и не имеющим никакого значения отказ Турции от ее прав на Кавказском побережье»⁷⁹.

Великобритания решила не ограничиваться «подталкиванием» Стамбула к защите своих интересов и предприняла самостоятельные усилия к проникновению на Северо-Западный Кавказ. Как признавал турецкий штабной офицер Осман-бей, англичане «ничего не щадили, чтобы внушить черкесам недоброжелательство к России и вовлечь их в войну с русскими»⁸⁰.

Как отмечает А.Х. Касумов, Лондон выступил в роли поборника «независимости «Черкесии», так называли европейцы всю территорию Северо-Западного Кавказа, а всех горцев «черкесами»; «перед английскими агентами была поставлена задача инсценировать создание марионеточного «Черкесского государства» и обращение его правительства к Англии и Турции с просьбой об установлении их протектората над территорией, занятой адыгскими и другими народами Северного Кавказа»⁸¹.

Начало 1830-х гг. создало благоприятные условия для обретения англичанами союзников в лице горцев Северо-Западного Кавказа. Последние стали жертвами чудовищной по своей жестокости «военной тактики» царских войск, стремившихся насильно подчинить себе коренное население региона. Только за одну карательную экспедицию генералов Эмануэля и Панкрагьева в октябре 1830 г., по данным русского же офицера, было сожжено до 200 аулов шапсугов, натухайцев и абадзехов⁸².

В таких условиях в 1833 г. и началось проникновение английских политических агентов на Северо-Западный Кавказ. Один из них, Дэвид Уркарт (Уркхарт) встречается в том году в Стамбуле с натухайским князем Сефер-бей Заном, имевшим звание паши и чин полковника турецкой армии⁸³. С последним были связаны и другие британские агенты действовавшие в Черкесии - Дж. Белл и Дж. Лонгворт⁸⁴.

В июле 1834 г. с рекомендательным письмом Сефер-бея (и с согласия британского посла в Турции Понсомби) Уркарт и английский капитан Лайонс прибывают в «Черкесию». Здесь они пребывали две недели, в течение которых провели «широкую агитацию, призывая адыгов к всеобщему восстанию

против русских и обещая им военную помощь со стороны Англии и других европейских государств»⁸⁵.

В 1835 г. в британской прессе публикуется «Декларация независимости Черкесии», составленная Уркартом. К этому документу, к которому имел непосредственное отношение лорд Пальмерстон, прилагалась карта, где Черкесия обозначалась как независимое государство; «Декларация» призывала к помощи кавказским горцам, борющимся за независимость против «русской агрессии», Англию, Турцию и другие европейские державы⁸⁶.

Установленный через посредство Сефер-бея военно-политический союз части черкесов с англичанами имел развитие и в 1840-е гг. и усилился с началом Крымской войны 1853-1856 гг., когда Великобритания сама непосредственно воевала с Россией с оружием в руках. Сефер-бей Зан, прибывший в 1854 г. на Северо-Западный Кавказ, развернул бурную деятельность по укреплению этого союза.

В течение лета 1855 г. «английские офицеры неоднократно приезжали к Сефер-бею, настаивая на скорейшем развертывании им военных действий против России»⁸⁷.

Часть адыгов, которых увлек за собой Сефер-бей, активизировала атаки на позиции царских войск на Северо-Западном Кавказе и повела наступление даже на Екатеринодар, но была отбита. Успехам Сефер-бея помешало его соперничество с Магомет-Амином (наибом имама Шамиля на Северо-Западном Кавказе). Последний был признан Турцией «наместником Черкесии», но Сефер-бей, добивавшийся создания «Черкесского княжества», отказался пойти на сотрудничество с наибом и даже вступил с ним в вооруженную борьбу⁸⁸.

Несмотря на поражение в Крымской войне, Россия не уступила Лондону в вопросе о признании независимости Черкесии. «Поражение английской дипломатии по «черкесскому вопросу вызвало бурную реакцию со стороны правящих кругов Англии. Для того чтобы как-то оправдаться в постигшей английских дипломатов неудаче, Кларендон (лорд, британский министр иностранных дел, - И.К.) заявил в палате лордов, что англичане не могли требовать от России отказаться от Адрианопольского трактата, как и не могли отстаивать

«независимость» Черкесии, так как кавказские горцы не обнаружили во время Крымской войны желаний примкнуть к России»⁸⁹.

Но происки англичан на Северо-Западном Кавказе продолжались и после Крымской войны. В 1857 г. Лондон и Стамбул направили к кавказским берегам пароход «Кенгуру» с отрядом английских, венгерских и польских волонтеров на борту. «Иностранные инструкторы приступили к обучению отрядов Сефер-бея европейской тактике и стрельбе из орудий. Они объявили, что их целью с ведома и согласия европейских держав и Турции является создание на Северо-Западном Кавказе «самостоятельного черкесского государства». Сефер-бей был намечен кандидатом на престол «владельческого княжества Черкесии»⁹⁰.

Однако в декабре 1859 г. «претендент на черкесский престол» умер, а вскоре Лондон свернул попытки активного проникновения на Северо-Западный Кавказ, уверенно переходивший в руки Российской империи.

* * *

Материалы, к которым мы обратились в данной главе, позволяют сделать следующие выводы.

1. Почти на протяжении всего рассматриваемого периода регион находился в сфере военно-политической зависимости (разной степени) крупных государственных образований (Османская империя, Россия, Крымское ханство, Ногайская орда, Шамхальство, Кабарда.

2. Эти образования по отношению друг другу также находились в определенной степени зависимости (например, кабардинские княжества – от Крыма, а последнее – от Турции). Это обусловило иерархию не только вассально-сюзеренных, но и протекторальных отношений.

3. В условиях борьбы крупных государственных образований за контроль над изучаемым регионом необходимость элементарного выживания порождала практику двойного и даже тройного присяжничества.

4. Все рассматриваемое время, образно говоря, «степь довлела над горами». У горских народов ведущим типом хозяйствования выступало отгонное скотоводство, при котором вся система

жизнеобеспечения зависела от доступа к предгорным равнинам и степной зоне, где размещались зимовники («зимние пастбища»). Тот, кто контролировал плоскость, контролировал горы.

5. Зачастую (в особенности, в годы с жарким летом, когда равнинные пастбища выгорали) и хозяева плоскостных пастбищ попадали в зависимость от горцев, контролировавших альпийские (нагорные) пастбища. Это обусловило складывание системы «компромиссного соседства».

Как видим, сложная система этнополитических союзов, складывавшаяся на протяжении многих веков, имела причинами как этнополитические интересы, так и потребности в обеспечении безопасности в целом

Л.Б. Коркмазова

Адат в судебно-правовой системе карачаевцев
(60 гг. XIX в.)

Адаты - нормы обычного права Северного Кавказа, являются ярким примером для характеристики трансформации обычаев в нормы, закрепленные государством. В системе общественных отношений кавказских горцев большое место отводилось нормам обычного права, выступающим средством социализации индивида, передачи опыта следующим поколениям, выполняющим функции социального контроля, регуляции общественных отношений. У народов Северного Кавказа, не имевших в прошлом своей письменности, обычное право - адаты были неписаными правилами поведения, определявшими взаимоотношения сословий, композиционные выплаты, взаимоотношения между детьми и родителями, между мужем и женой, закреплявшие сложившиеся общественные связи. В течение веков адаты передаваясь как устное обычное право, регулировали общественные отношения и семейную жизнь.

Изучение адатов кавказских народов началось после вхождения территории Северного Кавказа в состав Российской империи. Нормативные традиции народов собирались и фиксировались представителями царской администрации и в дальнейшем учитывались при проведении региональной политики, когда ко-

лониальные власти «сталкивались с прямой необходимостью применяться к местному обычному праву» [1, с.340]. Это было связано с тем, что кодификация некоторых местных обычаев государством и частичное создание правовой базы для судебных разбирательств, исходящее из его целей и потребностей, в целом соответствовали интересам прежде всего государственной власти и административного управления «инородцами». А «допущение или сохранение в судебной практике норм обычного правового регулирования бесписьменных народов, как и наделение (до известных пределов) судебными функциями местной верхушки, есть один из обычных приемов колониальной политики и диктуется интересами ее проведения» [2, с.54].

На традиции и обычаи горцев Северного Кавказа влияли те социально-экономические отношения, которые существовали в то время в регионе. Их спецификой являлось то, что наряду с развитием феодализма сохранялись устойчивые связи первобытнообщинного строя, чему есть многочисленные доказательства.

Нормы обычного права в жизни горцев выполняли определенные функции. К ним можно отнести:

- распределение материальных и духовных благ в соответствии с общественными отношениями. В данном случае: феодальные производственные отношения, собственность правящего сословия на средства производства. Но при этом тесное переплетение этих отношений с пережитками первобытнообщинного строя.

- закрепляли экономические и другие общественные отношения. То есть обычное право регулировало экономическую зависимость основных слоев населения от правящей верхушки, поддерживало неукоснительное выполнение предписаний адатов. Большую роль играл суд, наказывающий отступников.

Адатам следовали беспрекословно. Народ не рассуждал, справедливы и разумны ли требования, установившегося обычая. Исполнение обычая было обязательным независимо от того, убежден ли исполняющий в его пригодности или нет. Подрастающее поколение, воспитанное в духе полного преклонения перед старшими, поступало по уже установившимся обычаям. «Так поступали отцы наши, так поступаем и мы», - говорили горцы.

Российская администрация на Кавказе в конце XVIII - I половине XIX вв., не успевшая выработать единую для региона систему судопроизводства, сочла наиболее приемлемым использовать адат в качестве противовеса турецко-иранскому влиянию на местные народы. Кроме того, предпочтение адату делалось и по той причине, что он в отличие от шариата обладал гибкостью и отсутствием догматизма. Поскольку адаты не имели религиозного подтекста, они могли легко подвергнуться усовершенствованию и модификации. Шариат же был напрямую связан с суннами и аятами Корана.

С установлением русской власти вся судебная система Карачая была поставлена под контроль царских военных. В новых условиях все решения органов управления и суда должны были согласоваться с приставом. Особо тяжкие преступления, в частности преступления против царской власти и лиц её представлявших, подлежали теперь суду по российскому закону.

В результате проведения судебной реформы 1864 г. на Северном Кавказе были введены окружные суды, которые изначально находились под контролем российской администрации. В состав суда входили: окружной начальник (бывший его председателем), депутаты (избираемые населением) и представитель духовенства[3, с.216]. Все это противоречило основным положениям судебных уставов 1864 г., но, несмотря ни на что, такое положение продолжало сохраняться до начала XX столетия. Существовавшие военно-уголовные суды изъяли из подсудности окружных следующие виды преступлений: похищение казенного имущества; разбой; неповиновение начальству; возмущение против правительства; измена. Остальные дела решались местными судебными учреждениями.

По сути, в судебной системе народов Северного Кавказа произошли изменения, постепенно горские суды заменялись новыми судебными учреждениями, по форме напоминавшими образцы российского судопроизводства, но по своему содержанию - старые судебные органы, действующие на основе норм обычного права и шариата.

В основу нового судоустройства и судопроизводства были положены российские судебные органы, утвержденные 20 ноября 1864 г., согласно которым судебная система России была карди-

нальным органом реформирована. Создавались институты присяжных заседателей, адвокатов, нотариат; утверждались основные принципы судопроизводства: независимость суда от администрации, несменяемость судей, гласность, состязательность сторон и т. д.

Реформой судопроизводства на Северном Кавказе российские власти пытались ослабить шариат и модернизировать адатное право с целью подготовить постепенный переход к единому российскому судопроизводству и уголовному законодательству. На первом этапе такого перехода, рассчитанного на несколько десятилетий, должны были быть сохранены основные нормы адатного права[4, с.221].

Горское управление Кубанской области перешло в гражданское управление с 1 января 1871 года. Одновременно с введением гражданского управления в горских округах временно, до полного распространения русского законодательства, вводились и новые судебные учреждения- Горские словесные суды. В Кубанской области стали функционировать три горских словесных суда: Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский. В своей деятельности они руководствовались «Временными правилами для горских словесных судов Кубанской и Терской областей».

Довольно часто в состав суда попадали представители привилегированных сословий. Члены суда избирались тайным голосованием. Но фактически состав суда сначала укомплектовывались начальником округа с согласия местных влиятельных фамилий, а лишь потом выносились на утверждение общественного схода выборщиков. Н.И. Рейнке, изучавший горские суды Кавказского края, так описывал предвыборную компанию: «желающие попасть в депутаты не жалеют ни обещаний, ни угощений, ни денег, на подкуп выборщиков затрачиваются по несколько сот рублей. Баллотировка походит на продажу с публичного торга выгодных должностей депутатов горского суда»[5, с.48]. Составленный список победителей выборов в окружной суд находился у начальника и начальника области. Только после утверждения ими в должности новые судебные заседатели могли приступить к своим обязанностям. Естественно, что выдвинутые и избранные вышеописанным образом депутаты часто оказыва-

лись неподготовленными к судебной деятельности[6, с.223].

В течение 60-х годов горские суды, как аульные, так и окружные, руководствовались в своих действиях в основном адатами, а кроме того, одновременно изданными инструкциями административных властей. Но инструкции не могли служить основанием для строгой законности, они часто не были согласованы друг с другом, отрывочны, не точно отредактированы, так как «издавались лицами вовсе не подготовленными к законодательной работе»[7, с.50]. «Адаты же в разнородном населении округов иногда существенно различались один от другого», - отмечал Н.М. Рейнке. А, кроме того, изменение общественного быта породили большое количество дел, не имевших прецедента в адатном праве. Все это очень осложняло и порой запутывало судопроизводство[8. с.59.].

Процветала неразбериха, взяточничество, запутанность судопроизводства. Поэтому возникла необходимость упразднения горских судов и введения общероссийских судебных учреждений. На это указывали и должностные лица. Так, в рапорте начальника Кубанской области Малама командующему войсками Кавказского военного округа от 13 февраля 1902 г. сказано, что при преобразовании судебной части в Кубанской и Терской областях горские словесные суды были подчинены действию утвержденных 18 декабря 1870 года временных правил. Однако, как показал тридцатилетний опыт, горские суды совершенно не удовлетворяли ни целям правосудия, ни целям правительственным. Это было вызвано следующими причинами: во-первых, тем, что члены судов, в том числе окружной начальник и его помощник не имели специального юридического образования; а депутаты от горского населения не только не имели образования, но часто и просто были людьми не грамотными, знакомыми с местными обычаями только на основании изустных преданий - все они не были подготовлены к такой деятельности. Во-вторых, производство дел на основании норм обычного права должно было предусматривать надежные гарантии в соблюдении этих обычаев. Однако каждое племя имело свои обычаи, часто не известные депутатам от другого племени. В-третьих, крайне увеличилось делопроизводство, что приводило к громадному накоплению нерешенных дел, ожидающих своей очереди. В-

четвертых, практика горских судов показала, что эти суды не пользовались популярностью и среди самого горского населения, которое пыталось решить свои проблемы в общих или мировых судебных установлениях. И последнее, на что было обращено внимание, так это на то, что те нормы обычного права, наличие которых послужило поводом для функционирования горских словесных судов, не могут заслуживать покровительства. При этом было указано на то, что по адатам кавказских горцев кража, грабеж, насильственное похищение женщин, ростовщичество и другие виды преступлений, предусмотренные российским уголовным законом и строго им наказуемые, не являются преступлением или даже проступком[9.]. В связи с этим было рекомендовано рассмотреть вопрос об упразднении горских судов и о передаче возникающих среди горского населения дел в ведение общих и мировых судебных установлений.

Однако к концу XIX – началу XX в. в судопроизводстве Северного Кавказа существенных изменений не произошло. Хотя в этот период царское правительство было вынуждено начать работу над проектом новых судебных органов, которые бы действовали на территории всего региона.

В XIX в. судебная система карачаевцев претерпела значительные изменения. Реформа судопроизводства, проведенная на Северном Кавказе, одной из своих целей преследовала ослабление шариата и модернизацию обычного права для того, чтобы подготовить постепенный переход к единому российскому судопроизводству и уголовному законодательству. Было запрещено рассмотрение ряда дел, прямо противоречащих российскому законодательству, не допускалось применение в народных судах «решений по шариату, которые противоречат общему духу наших законов»[10, с 216]. Также было запрещено судить по адату дела по убийствам, нанесению тяжких телесных повреждений, изнасилованиям, грабежам, поджогам; отвечать убийством на убийство или откупаться от кровной мести штрафом. Все эти дела передавались в ведение общероссийских уголовных судов.

Шире чем в дореформенный период, стало применяться тюремное наказание. Штрафы стали чаще исчисляться деньгами, хотя натуральные платежи (в основном скотом) также сохранялись.

Несмотря на свой половинчатый характер и серьезные промахи, проведенные судебные преобразования на Северном Кавказе, имели и положительное значение, которое заключалось в том, что местные судебные институты постепенно трансформировались, все больше приспосабливались к общеимперским образцам. В результате судоустройство и судопроизводство в Карачае все больше и больше приближалось к российскому.

Переход к новой судебной - законодательной системе ослаблял влияние мусульманского духовенства, активно разжигавшего антироссийские настроения. В то же время изживалась этнокультурная обособленность кавказских народов. Регион постепенно входил в структуру социально-политического управления России.

Таким образом, основным регулятором социально-правовых отношений в XVIII- первой половине XIX вв. в карачаевском обществе был адат, сублимировавший правовые и этические нормы. Он поддерживал родоплеменное единство и клановую солидарность. Однако длительное сохранение норм обычного права, приводило к консервации общественных устоев. Основанный на принципах народоправства, адат противодействовал социальному разложению общины, искусственно сдерживал социальные процессы, происходившие в обществе. Это тормозило рост и развитие социально-экономических отношений. По сравнению с шариатом, искусственно культивировавшимся на Северном Кавказе, адат имел более прогрессивные формы, поскольку исламское право, изначально привязанное к Корану, не обладало способностью эволюционировать, приспосабливаясь к изменявшейся социально-политической обстановке. Кроме того, мусульманское духовенство активно разжигало агрессию по отношению к российским властям, обостряя ситуацию в регионе. Такое положение было неприемлемо для российской администрации, которая путем поддержки адата вытесняла шариат. Это приводило к тому, что с середины XVIII в. судебная-правовая система карачаевцев постепенно приспосабливалась к государственной системе Российской империи, хотя адат полностью не изжил себя, и время от времени использовался горцами как традиция.

Литература.

1. Косвен М.О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. // «Кавказский этнографический сборник». Т. 1. - М., 1955.
2. Карлов В.В. Обычное право народов Сибири и его изучение. // Обычное право Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). - М., 1997.
3. Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX веке М., 2003.
4. Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX веке М., 2003.
5. Невская В.П. Карачай в пореформенный период. - Ставрополь, 1964.
6. Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX веке М., 2003.
7. Невская В.П. Карачай в пореформенный период. - Ставрополь, 1964.
8. Невская В.П. Карачай в пореформенный период. - Ставрополь, 1964.
9. ГАКК, ф. 454, оп.1.- д. 5300, л.1-7.
10. Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX веке М., 2003.

Лайпанов И.А.

**Неизвестный суфийский шейх - наш земляк
(из одной восточной книги)**

В 2003 г. в Дамаске вторым изданием вышла книга о дагестанском религиозном деятеле - «Житие выдающегося ученого святого Шугъаиба сына Идриса аль-Багини» (ум.1330 г.х.)). Наше внимание привлекает сообщение на с.493-494 этого издания. В нем идет речь об известном на Кавказе нашбандийском наставнике - шейхе Ахмаде-афенди Талали, сын Мустафы, жившем в селенье Тала (Закатальский округ Бакинской губернии).

В книге говорится, что в 1251 г.х. (1834 г.) он стал одним из четырех *аутадов*, предводителем *абдалов* (курсивом обозначены ранги суфийских святых). Шейх Ахмад являлся одним из преемников (*магъзун*) шейха Махмуда-афенди (1810-1877) из

с.Алмалы в Сев. Азербайджане, большого устаза ордена /тариката/ *Накибандийа* (ветвь Муджадидийа - Халидийа - Махмудийа). У последнего него были наместники «из числа озаренных, мудрых, почтенных». К числу таковых отнесен и «шейх чужеземец» Темирхан-афенди, как говорится в книге, «из Карачаево-Черкесии», который перенес трудности, пока не дошел до своего устаза. Когда он добрался до наставника, то обязался служить ему (*хидмат*) 8 месяцев. Он сильно усердствовал в тренировке своей души (*рийада ан-нафс*). «Насытившись питьем из девяти морей /Божественного изобилия/, разрешенных ему, он был спасен от наказания обоих миров» - так говорится в упомянутой книге. Он именуется одним из высших наместников (*а'ля хуляфа*) шейха Ахмада Талали.

Наша задача заключается в выявлении биографии нашего именитого земляка, по возможности, его фамилии и национальной принадлежности, тем более, что он, судя по всему, внес свой вклад в религиозное просвещение народов Верхней Кубани.

Семенова А.Б.

Словари как источник изучения названий растений в карачаево-балкарском языке

Как известно, в XI веке на Кавказе процветало государство алан. Современная территория Карачая и Балкарии, особенно Верхний Архыз, составило сердцевину этого государства. Аланию посещали ряд ученых-географов, путешественников и др. После себя они оставили источники, описывающие историю, быт, культуру и другие стороны жизни жителей этого края. В этих первоисточниках, наряду с вышеперечисленными данными находим ценным, хотя и неполные наблюдения по растительному миру, в том числе и по их названиям. Поскольку одним из основных компонентов карачаевцев и балкарцев составляют аланы, сведения об аланах относятся и к карачаево-балкарскому народу. Поэтому будет естественным историю изучения названий растений начинать со средневековых источников, оставленных учеными, географами и путешественниками и др. с X по XV вв.

Сведения арабских авторов о Восточной Европе являются важнейшим историческим источником. Их данные представляют собой достоверные сведения, они могут сопоставляться с данными из других источников и наблюдениями практической жизни, протекающей на нашей территории. Как сообщают более поздние географические источники, несколько столетий тому назад территория, занятая современным Карачаем и Балкарией, была почти покрыта девственными могучими лесами. Многоводная Кубань текла, окруженная вековыми елями и соснами. Могучие зубры бродили по нетронутым рукой человека лесам, и только многочисленные медведи да рыси нарушали покой. В местах, свободных от лесов, древние предки наши занимались земледелием.

Краткие отрывочные сведения о названиях растений на этих территориях содержится в трудах арабских и персидских географов и миссионеров X-XV вв.

В верованиях алан (карачаевцев и балкарцев) было распространено поклонение деревьям. Так, например, карачаевцы и балкарцы особенно почитали огромную ель. Ель считался нашими предками "жизнеподателем и дарователем всех благ". Жители собирались к нему, развешивали различные плоды и приносили жертвы. Священные деревья у них были неприкосновенны

В связи с этими данными представляет интерес вера алан в так называемое «мировое дерево», «небесное дерево» и «древо жизни», воплощающее в себе самые разные, но в то же время тесно связанные между собой мифологические представления, как например, источник жизни, символ плодородия, местопребывание после смерти или до рождения человеческой души, или воплощение души рода. В то же время оно отражало мироустройство, модель мира, связывало небо и землю, было опорой неба, осью и центром мира. Карачаево-балкарская пословица **терегинг болса, тиреуюнг болур** «если у тебя есть дерево, значит, есть опора», - говорит о том, что слова Терек означает защитника или покровителя рода.

Мотив «древа жизни» был одним из популярных сюжетов в аланском изобразительном искусстве.

Однако письменные источники по интересующему нас вопросу немногочисленны и содержат слишком общие материалы. Но

подкрепленные историческими и другими сведениями, значительно пополняют наши сведения о флористической лексике.

Хорошее представление о культурах, выращиваемых аланами в домонгольское время, можно получить по многочисленным палеоботаническим находкам. В ряде аланских поселений в зерновых ямах XII в. были выявлены богатый ассортимент культурных (а вместе с ними и сорных) растений: **будай** – *пшеница*, **чабдар**, **къара будай** – *рожь*, **арна** – *ячмень*, **тары** – *просо*, **зынтхы** – *овес*, **джайма къудор** – *чечевица*. Наряду с ними были найдены и семена сорных растений.

Из фруктовых и огородных культур культивировались яблоня, груша. Об этом свидетельствуют палеоботанические исследования, случаи единичных находок семян яблони. Например, в зерновых материалах Архызского городища выявлено 15 видов культурных растений. Упоминания о занятии карачаевцев и балкарцев земледелием, можно обнаружить в свидетельствах современников эпохи Къарчи.

В зерновых материалах Архызского городища не является редкостью и просо. Из технических культур были распространены лен и конопля. Лен в Архызских материалах встречается чаще конопли. Сельское хозяйство не ограничивалось разведением лишь полевых культур. Имели место здесь бахчеводство и садоводство. О том свидетельствуют топонимы – **Алмалы** – *гала «яблонева поляна»*, **Кёгетли** «*фруктовый*». Современной топонимии встречаются много названий деревьев и растений. В любом народе некоторые места, часто называются традиционно, по тому, что здесь когда-то произрастала. Обычно на первом месте стоят названия, связанные с березой, липой, можжевельником. Например **Къайынлы-Къулакъ** «*берёзовая балка*», **Къайынлы-Тёбе** «*берёзовый холм*».

Древне- и среднетюркские письменные памятники служат ценным источником для сравнительно-сопоставительного исследования истории развития и определения пластов лексики современных тюркских языков [Баскаков 1969, 74]⁹¹.

В настоящее время почти единственным источником для углубленного изучения истории тюркских языков является трехтомный словарь «*Divanü lügat - it-türk*» – «Словарь тюркских языков» Махмуда Кашгари (XI в.).

Словарь в настоящее время является почти единственным источником информации о жизни тюрков в XI в. В нем, наряду с языковым материалом болгарских племен и других соседних народов, приводится большое количество названий растений и злаков, которые и ныне встречаются почти во всех тюркских языках. В словаре значение большинства слов объясняется и уточняется с помощью соответствующего иллюстративного материала: с этой целью широко используются пословицы и поговорки, дастаны, песни, поэтические обрывки типа: «Андуз болса ат олмэс» (Андыз болса, ат ёлмез) «Пока девясил растет, конь от болезней не падает», «Атасы ачыг алымала йёсэ, оглынын теши_камар» (Атасы ачы алма ашаса? уланыны тиши къамар) «Отец кислое яблочко съест, а у сына уже оскомину набьет» [4.1 т., 94], «Арпа-бугдай аш болар, алтын-кумуш дааш болар» (Арпа-будай аш болур, алтын – кюмюш таш болур) «Ячмень и пшеница окажутся едой, золото и серебро окажутся камнем», «Egir bolsa, er olmas» (Аир болса, эр ёлмез) «Если будет аир болотный [как средство для лечения желудка], мужчина не умрет» [ДТС 1969, 166].⁹² Как видно из примеров, приведенные термины? связанные с растительным миром претерпели лишь незначительные фонетические изменения, и они, в основном, совпадают с лексикой современного карачаево-балкарского литературного языка. В словаре среди терминов, связанных с растительным миром можно назвать следующие из злаков: ачра (арпа) - ячмень, тарыу (тары) - просо, budjaj (будай) - пшеница, kendir (кендир) - конопля; из овощей: turma (турма) - редька, gabag (каб) - тыква, gauran (гауун) - дыня, sogan (сохан) - лук, samursag (сарысмакъ) - чеснок и т.д.

В среднетюркском памятнике «Китаб-эт тухфат уз-закыйа филлугат ат-тюркийа» (XIV в.), написанного неизвестным автором, зафиксирован богатый лексический материал животного и растительного мира [Нуриева 1982, 62-72]. Ботаническая лексика в рукописи представлена двумя ярко выраженными пластами. Первый состоит из восточных заимствований типа алма - яблоко, арпа - ячмень, чукундур (чюгюндюр) - свекла. Тюркский пласт ботанической лексики типа агаш - дерево, карач.-балк. агъач; борчак - горох, карач.-балк. дикий горох, йуа/жуа дикий лук, карач.-балк. джууа - гриб, йузум - виноград, карач.-балк.

джюзюм и т.д. В рукописи приведены сорока пяти тюркских названий. В современном карачаево-балкарском языке употребляется большинство из них.

Своеобразный растительный мир нашего горного края изучали и исследовали многие знаменитые ботаники и путешественники. Они наряду с описанием жизни и быта религиозных верований, различных обрядов и т. п., своих сочинениях оставили и языковой материал, главным образом, лексического характера. Среди этих слов имеются и названия некоторых названий растений.

Первые шаги научного познания природы нашего края связаны с именем Петра I, который организовал на Кавказ четыре экспедиции.

Сбор сведений широкого научного профиля всегда входил в задачу экспедиций того времени. Их научные описания путешествий содержат не только данные по ботанике, но и имеют исключительно ценные сведения в области языка. У них мы ранние описания, дополненные рисунками туземных (карачаево-балкарских) названий полевых и огородных культур, возделываемых в XVIII в.

Фактически первые ботанические исследования были на Кавказе около 300 лет назад, начал европейский ученый французский ботаник Ж.П. Турнефор посетив Закавказье в 1700-1702 гг. В XVIII веке ботанические исследования охватывали преимущественно периферические области Кавказа - Предкавказскую равнину, восточные предгорья Большого Кавказа, Грузию, Армению и берега Каспия.

Как известно, интерес к изучению карачаево-балкарского языка, в частности, названий флоры и фауны возрос в середине XVIII века, благодаря экспедициям и трудам Г.Ф.Миллера (1771), И.Х.Буксбаум (1721-1724), И.Г.Гмелина, А.Д.Гюльденштадта (1768-1775), П. Палласа (1793-1794) и др.

Серьезные исследования высокогорных районов Большого Кавказа начались только в XIX веке, когда были опубликованы и многие работы по флоре этого региона - М. Биберштейн (1808-1819), А.Х. Роллова (1808), К.Мейер (1831), Р.Ф. Гогенакер (1833, 1838) и К.Кох (1848-1851). Обобщающая сводка К.Ф. Ледебура (1841-1853) "Flora Rossica..." включила и материалы по флоре Кавказа.

Второй период изучения флоры охватывает начало XX века до конца 30-х годов прошлого столетия и характеризуется интенсификацией флористических исследований, охвативших весь Кавказ (Н.И.Кузнецов, Я.С.Медведев, А.А. Гроссгейм, Д.И. Со-сновский). Результатом их было создание А.А. Гроссгеймом (1939-1967) капитального труда «Флора Кавказа». В этот же период широко проводились геоботанические исследования, непосредственно связанные с запросами сельскохозяйственного производства. Многочисленные экспедиции, в которых принимали участие А.А. Гроссгейм, Н.А. и Е.А.Буш, А.К. Магакьян, А.Р. Долуханов, П.Д.Ярошенко и другие ботаники, провели огромную работу по инвентаризации высокогорных пастбищ Кавказа. Результаты этой работы нашли отражение в сводках Н.А.Буша (1935), А.К. Магакьяна (1941) и А.А. Гроссгейма (1948), картах растительности Кавказа.

Флористические исследования в долине Теберды начались с 90-х годов XIX века, когда этот район посетили В.И. Липский, С. Сомье и Е. Левье, И.Я.Акинфиев, Н.А.Буш, Д.И.Литвинов и другие ботаники. Первая флористическая сводка по Тебердинской долине опубликована Е.А.Буш (1909), в ней указано более 550 видов растений.

1935 году флору нынешнего Тебердинского заповедника изучали Б.А.Федченко и Д.К.Волгунов. Первый вариант флоры заповедника был составлен Д.К.Волгуновым в 1938 году, но он не был опубликован и хранится в виде рукописи в библиотеке ТГБЗ. В этой сводке приведено 1014 видов сосудистых растений. В 1938-1940 гг. изучением флоры занимался К.И.Марусяк, а в 1948-1949 гг. работу по инвентаризации флоры продолжил В.Н.Кононов. Составленный им в 1959 г. список включал 1154 вида, но он также не был опубликован. Первый опубликованный список сосудистых растений ТГБЗ появился лишь 15 лет назад (Воробьева, Кононов, 1991). Он составлен Ф.М.Воробьевой на основании собственных длительных наблюдений и анализа списка В.Н.Кононова. В настоящее время опубликован новая сводка (Воробьева, Онипченко, 2001), включающая 1133 вида сосудистых растений.

В дальнейшем фитонимы нашли отражение как в печатных, так и в рукописных словарях разных авторов. Рассмотрим наи-

более важные в этом отношении труды, которые, в какой-то мере, могут оказать помощь в изучении карачаево-балкарской флористической лексики.

XVIII веке академик Иоганн Антон Гильденштедт, который по поручению Санкт-Петербургской академии наук совершил путешествие по Кавказу и собрал многочисленные сведения из жизни различных народов, среди которых имеются и карачаево-балкарские языковые данные. По итогам путешествия были опубликованы его дневники на немецком и русском языках. В материалах И.А. Гильденштедта имеется огромное количество фактического материала по истории, этнографии, лингвистике и многим другим научным дисциплинам. В них содержатся и словари, среди которых имеются и названия растений. [И.А. Гильденштедт, 2002. 60].⁹³

Многоаспектное исследование флоры нашего региона в XIX веке провёл известный врач Александр Ризенкампф. Его труды и по сей день сохраняют свое значение как основополагающие. Так в своей работе «Пятигорская флора» (1882—1883гг.) он привел наименования 1244 видов растений. А после его смерти Кавказское Горное общество опубликовало еще один его список – «Более редкие или примечательные растения Пятигорского края» (1904), включивший 108 видов.

Более обширный опыт составления «Флоры России» в целом предпринял П.С.Паллас. «Флора» вышла на латинском языке в двух томах (1784-1788). Первая часть первого тома была переведена В.Зуевым на русский язык – «Описание растений Российского государства с их изображениями».(1786).

Во введении Паллас указал главнейшие особенности флоры различных частей России. В первой и второй частях Паллас описал 281 вида растений, относящихся к 80 родам, преимущественно деревья и кустарники, приведены изображения 115 видов растений, по тому времени превосходно выполненных рисунками, раскрашенных от руки. Описывая растения, Паллас приводит имена авторов, ссылки на источники, синонимы, местонахождения, приведены также народные названия растений на многих языках России, в том числе и на карачаево-балкарском.

Для изучения фитонимии современного Карачая и Балкарии ценным источником является книга – «Россия. Полное геогра-

фическое описание нашего отечества», изданный под редакцией В.П.Семенова. Третья глава этой книги целиком посвящена описанию растительного и животного мира. [Живописная Россия, 1901, 69-110].⁹⁴

В XIX веке появляются в свет печатные словари, составленные и написанные русскими тюркологами и преподавателями из карачаево-балкарцев. Такими являются двуязычные словари А. Кириченко, И. Акбаева, У. Байрамкулова, Х.О. Лайпанова, Х.Т. Тохчукова и М.А. Дудова и др. Так накапливался лексикографический опыт, который в дальнейшем дал возможность издавать большие и качественно новые переводные словари.

Рукописный словарь преподавателей первой светской школы в Карачае Н. Кириченко и И. М. Алейникова является самым большим Русско-карачаевским - словарем XIX века. Этот словарь есть памятник карачаево-балкарской лексикографии, и он заслуживает самого тщательного изучения. В этом словаре нашли отражение названия растений. Карачаевские слова, приведенные в качестве переводов-эквивалентов, в основном, передают точно значение русских слов и лексику карачаево-балкарского языка того периода. Например: *береза - къаин, яблоня - алма, тополь - бусакъ* и др.

Весьма ценен небольшой словарь «Тылмач» - русском и карачаево-балкарских языках составленный Исмаилом Акбаевым. Словарь издан в 1926 году Баталпашинске (ныне г. Черкесск) на арабской и русской графике. Этот словарь ценен и тем, что в нем сохранились карачаево-балкарские названия растений ныне не встречающихся в современных словарях.

В 1941 году коллективом авторов Лайпановым Х.О., Тохчуковым Х.Т. и Дудовым М.А. был выпущен русско-карачаево-балкарский словарь для начальных школ. В словаре интересующая нас лексика флоры представлена 103 названиями. Среди них упоминаются названия деревьев, злаков, трав, ягод. Например, *вишня - балий, конопля - кендир, лук - сохан, горчица - татран* и т.п.

Наиболее содержательным печатным русско-карачаево-балкарским словарями являются «Русско-Карачаево-балкарский словарь» изданный под редакцией Х. И. Суюнчева и И.Х. Урусбиева [1965] включающий в себя около 35 тысяч лексических

единиц, «Карачаево-балкарско-Русский словарь» под редакцией Х. И. Суюнчева, С. Гочияевой и И.Х. Урусбиева [1985], так же «Толковый словарь Карачаево-балкарский языка» под редакцией М.Ж. Гузеева, Х.И. Ахматова, А.А. Джаппуева и др. [1996 - 2002]. В них приводятся большое число названий растений, снабженные в некоторых случаях пояснениями на карачаево-балкарском языке. В словарях зафиксированы фитонимические единицы редко употребляемые в современном карачаево-балкарском языке. Одновременно приведены целые синонимические ряды для передачи одного фитонима.

Для исследуемой теме большую ценность имеют книги Акбаева и Байрамкулова. В 1925 году И.Акбаевым и У. Байрамкуловым был переведен и издан учебник «Природоведения» часть 1., У. Байрамкуловым «Джанлы Табигъат» часть 2. [1931]. В книгах более 160 названий растений с их фонетическими вариантами довольно полно отражают флористический пласт лексики того периода. Из них такие названия как **джер тоблукъла** – *грибы* (с.74), **габу** - *мох* (с. 73) в современном карачаево-балкарском языке не употребляются. Особенно ценным является то, что в словаре зафиксировано большое количество редких названий растений как **раса** - *папоротник* (с.71), **джурка** – *земляная груша* (с.11), **чичек** - *цветок* (с.52), **занбак чичек** – *лилия* (с.54) и др. Некоторые материалы содержат внешнее описание редко встречаемых растений.

В книге Г.Н. Кадаева «Лекарственные растения Карачаево-Черкесии» [1963] включены почти все известные для исследования территории лекарственные растения. При этом отдельно для каждого из растений даны названия на русском и карачаево-балкарском и др. языках. По каждому виду приведены характерные их местообитания, районы распространения, а также частота встречаемости.

С выходом в свет составленным М.О. Боташевым «Карачаево-балкарско-русского терминологического словаря объектов природы» [1998] сделан определенный шаг в деле упорядочения ботанической номенклатуры карачаево-балкарского языка. В данный словарь включены новые ботанические термины вошедшие в употребление последние годы.

В настоящее время он является единственным словарем такого плана, имеющим широкое практическое употребление людьми всех возрастов. Однако многие случаи калькирования буквальных переводов русских наименований растений на карачаево-балкарский язык, встречающиеся в данном словаре не могут считаться удовлетворительными.

Анализ словарей и других источников показал, что составители стремились как можно точнее передать содержание эквивалентов с тем, чтобы избежать различных толкований и искажений тех или иных названий, растений. В итоге карачаево-балкарская флористическая терминология обогатилась большим количеством новых названий, многие термины были уточнены. Однако некоторые переводы не вполне свободны от некоторых недостатков.

А.Х.Семенов

Начало функционирования железнодорожных коммуникаций на Западном Кавказе

Открытие железной дороги Ростов-Владикавказ 13 августа 1875 году дало начало новым проектам, не только в экономическом направлении, но и в плане развития курортов Северного Кавказа.

Железная дорога способствовала быстрому передвижению отдыхающих. Улучшилось обслуживание и проживание отдыхающих, строились современные гостиницы и лечебницы, курорты Кавминвод в какой-то степени стали отвечать своему назначению.

Помимо Кавминвод разрабатывался план о открытии новых курортов в Карачае. Был открыт курорт для больных легкими в Теберде. Также разрабатывался план для исследования Учкуланского ущелья, долины Б. Зеленчука.

К тому же рассматривался проект проведения к данным ущельям удобных транспортных и железных дорог. Проект проведения дороги, Теберда-Сухум возникал ещё, в 50-х годах 19 в., когда вице-адмиралом Серябряковым была организована экспедиция для изучения дорог от Сухум-Кале до Кавказской Линии. Маршрут пролегал от Сухум-Кале через крепости Цебель,

Марашби, Кодорское ущелья, оттуда через ущелья Чхалта, откуда они вышли на Марухский перевал, вниз по ущелью Марухи и далее на Николаевский пост (ст.Красногорская), расположенный на берегу р. Кубань.

Временно и.д. командующего войсками Кавказской Линии В.М.Козловского в своем предписании 10 июля 1854 г. начальнику центра Кавказской линии генералу А.П.Грамотину о строительстве дороги от Теберды до Сухум-Кале пишет: «В бытность мою в отряде на Теберде я просил лично Ваше превосходительство приказать приступить к разработке дорог в верх по Теберде на урочище Агур, где нужно прорубить просеки для безопасного движения по ущелью и затем, передвинув туда отряд, расследовать тропы на Даут и Уччулан, а другую, через перевал на дорогу от Сухум-Кале через Дам прямо в Карачай и по возможности хотя одну из этих троп, более необходимую по соображению Вашему, также разработать, о чем и донесено мною г. Командующему корпусом от 29 прошлого июня №1941...».

Российских предпринимателей интересовали полезные ископаемые края, о которых довольно много писали в газетах и журналах того времени. Ещё 20-х годах XIX в. Академией наук была организована научная экспедиция в Большой Карачай для изучения природы региона. Участниками экспедиции были крупные ученые того времени: физик адъютант Академии наук Ленц, ботаник адъютант Дерптского университета Майер, хранитель зоологического кабинета Менетрие и геолог 8-го класса Вансович. Экспедицию возглавлял генерал от Кавалерии Г.А.Емануэль. Учеными было обнаружены серебро-свинцовые руды, каменный уголь и другие природные богатства.

Развитию промышленности в Большом Карачае препятствовало отсутствие дорожных коммуникаций (не считая троп) в долине верховий Кубани. Из отчета начальника Хумаринского участка Баталпашинского отдела С.Д. Шмыткина в нач. XX в. следует: «Едва ли есть в Кубанской области такой уголок, как Карачай, изрезанный по всем направлениям от главного хребта глубокими ущельями, по которым текут шумные горные реки и ручьи. Дороги идут только по этим ущельям над самым берегом реки. Постоянные обвалы, осыпи камней требуют всегда исправления и очистки дорог, с этим мириться ещё возможно, но

горные потоки как например Даут, иногда окончательно уничтожают, все труды населения по возведению дорог...».

В середине 60-х годов XIX в. было начато строительство колесной дороги от Хумаринского укрепления до центра Карачая – аула Учкулан. В основном дорога строилась за счет карачаевского общества, со стороны администрации Кубанской области, было обещано выделить на строительство деньги, мастеров-бурильщиков и подрывных работ и 6 рот солдат.

Но вместо 6 рот солдат были присланы 2 роты; нехватка мастеров и строительных материалов тормозила строительство дороги, оплата рабочих несмотря на трудности, на ненормированный рабочий день, была низкой (бурильщик получал 16 рублей в месяц, кузнецы – 20 рублей), а строители – карачаевцы вообще никакой оплаты за свои труды не получали. Из-за этих и других причин дорога строилась медленно и трудно.

«При устройстве дороги, - писал вскоре после окончания сооружения дороги в 1879 г. Г.Петров, - пришлось потрудиться порядочно не только работавшим на ней солдатам-саперам, но и населению в некоторых местах полотно буквально высекалось в плотной скале, камни приходилось рвать порохом в иных же местах нужно было соорудить дорогу из бревен и камней, так как сыпучесть грунта и напор быстрого течения Кубани не позволяли продолжать путь иначе».

Построенной колёсной дороги в Б.Карачай было недостаточно для вывоза своих товаров карачаевцам, и предпринимателям разрабатывающим рудные ископаемые, на территории Б.Карачая, свою продукцию (свинец, цинк, уголь и др.), на российский рынок. Так как расстояние до ж/д. линии Ростов-Владикавказ (точнее - до ближайшей станции Невинномысской) составляла порядка 120 верст, перевозка продукции рудников на колесном транспорте обходилось дорого. Поэтому проект проведение железнодорожной линии ст. Невинномысск - Теберда - Сухум, которая должна была пройти по территории Карачая, заинтересовал предпринимателей. Инженером Томашевским, который являлся одним из учредителей Худеского рудника, была подана докладная записка министру финансов «О перевальной Сухумской железной дороге от ст. Невинномысской или

Кодора на Сухуми с веткой «Карачаевской» Эльбрусским рудником. Ветка протяженностью в 35 верст».

По проекту, предложенному администрацией акционерного общества «Эльбрус», маршрут дороги должен был пройти по Военно-Сухумскому тракту. Предлагалось вести ее по правому берегу р. Кубани от станции Невинномысская до Беломечетской (25 верст), где дорога переходила бы на левый берег р. Кубани и далее по маршруту ст.Красногорская - небольшой туннель, которую нужно было соорудить, для избежание постройки двух мостов, - Тебердинское ущелье - перевал - побережье Черного моря. По мнению автора проекта, постройка линии железной дороги Невинномысск-Теберда-Сухуми особых затруднений в техническом отношении не имела. Предлагалось от места, слияния рр.Кубани и Теберды, где проходила линия железной дороги, провести железнодорожную ветку до р.Индыша, где были рудники акционерного общества «Эльбрус», по левому берегу р. Кубань, чтобы не загораживать существующую колесную дорогу.

Дальше проектировался «Блейхентовский» проволочно-канатный путь, между Индышом и Тохтаул-Чалганом и выше до Учкулана.

Осуществление данного проекта ж/д. линии ст. Невинномысск-Теберда-Сухуми с веткой в центр Большого Карачая, способствовало бы не только развитию горной промышленности и вывозу карачаевцам большими партиями свои товары в центр России и Закавказья, но и дало бы возможность развитию курорта Теберда, и открытию нового курорта в Учкуланском ущелье. Как отмечал в своем записке кандидат естественных и математических наук С.И. Богданов: «Популярностью своей Теберда обязана не столько климатическим условиям, сколько выгодному расположению по известной своими красотами в горной части Военно-Сухумской дороге, посещаемой ежегодно туристами, и обильно расточаемый рекламам».

С.И.Богданов сравнивает климатические условия Тебердинского ущелья и Хурзука и пишет в своем записке:

«Главнейшие сравнительные данные о климатических условиях Теберды и Хурзука, что в местности лежащие несколько восточнее Теберды у верховьев р. Кубани, при впадении в неё у

аула Хурзук и Учкулан, по данным летописи Императорской главной физической обсерватории, находятся в более благоприятных условиях, нежели Теберда.

	в Теберде	в Хурзуке и Учкулане
Высота местности над уровнем моря	600-630 м.	600-630 м.
Сред. годовое. количества атмосферных осадков	*113 дней	*75 дней
Сред. снежного покрова в апреле	*1 см	*0см
Число дней со сплошным покровом	50	24
Ясных дней	140 (без указ. степени облачности)	*98 0 (ясных дней с облачностью)
Среднее годовая t°	+ 5,3 $^{\circ}\text{C}$	+6,7 $^{\circ}\text{C}$
Самая низкая в году t° под утро	- 19 $^{\circ}\text{C}$	-19,2 $^{\circ}\text{C}$
Высшая t° летом	+ 27 $^{\circ}\text{C}$ (в тени), + 41, 25 $^{\circ}\text{C}$ (на солнце)	+ 25,4 $^{\circ}\text{C}$ (в тени), + 30, 6 $^{\circ}\text{C}$ (на солнце)
Среднее t° ниже 0 $^{\circ}\text{C}$	4 месяца	3 месяца
Последний морозный день I полугодие	В начале мая	В конце марта
Первый мороз	В начале сентября	В середине ноября
Период сильных ветров	Ноябрь-март	Январь-март
Болотистые низины	есть	нету

Принимая во внимание климатические преимущества Хурзукского селения, минеральные источники, расположенные по верховьям реки Кубани, отсутствие болотистых низин в окрестностях Хурзука и населенность этого района, нельзя не признать, что эти данные более благоприятны для развития здесь курорта, чем в Теберде, причем в упомянутом Хурзуке и в 2 соседних се-

лениях в 5 верстах расстоянии от Хурзука живет ныне около 23 000 чел. Кандидат естественных и математических наук С.И. Богданов 6.III.15 г. ».

Так, по исследованиям Императорской главной физической обсерватории, верховье Кубани находилось в более благоприятных климатических условиях, нежели Теберда, которая как отмечалось выше, популярностью своей обязана была расположению в горной части Военно-Сухумской дороги. Поэтому проведение железной дороги Теберда-Сухуми с веткой на Учкулан, способствовала бы развитию и открытию новых курортов и притоку отдыхающих, к тому же «сел. Учкулан находится в 25 верстах от живописной горы Эльбрус».

Р.Т. Хатуев

Суфийское осмысление власти

В основу суфийских политических воззрений была положена кораническое понимание природы власти, которое здесь требует особого напоминания. Согласно Корану, Аллаху в целом «принадлежит власть над небесами и землей» (85:9; здесь и далее – в пер. И.Крачковского). Он – абсолютный вселенский самодержец, власть которого ограничена не может быть никем, *кроме него самого*.

И он ограничивает свою власть – *соизволяя* сотворенным им существам вести себя согласно определенным Богом рамкам свободы воли. Причем такая свобода дана в важнейшем деле веры в Бога: «Кто хочет пусть верует, а кто не хочет пусть не верует» (18:29). Творец неизменно подчеркивает: «Не тиран Я для рабов» (50:28).

Правда, в обмен на дарование такой свободы воли Бог справедливо требует *ответственности*: «Скажи: «Все – от Аллаха». Почему же эти люди никак не могут понять рассказа? Что постигло тебя из хорошего, то – от Аллаха, а что постигло от дурного – *то от самого себя*» (4:80-81). Как видим, хотя, в конечном счете, все – от Бога, властителя всего сущего, но дурное – от самих людей как расплата за неправильное пользование дарованной свободой выбора.

Бог же соизволяет, чтобы одни из сотворенных имели власть над другими. Таким образом, Бог как бы «делегировает» часть своей власти «вниз», а вместе с властью – и ответственность за ее использование. Именно в этом плане следует рассматривать тезис «всякая власть – от Бога», который вовсе не означает, что всякую власть нужно чтить и признавать.

Иное восприятие этого тезиса ведет к тому, что нужно чтить и власть... Сатаны. Она ведь тоже «делегирована» ему Богом, о чем прямо говорится в Коране, причем неоднократно: «Поистине, рабы Мои – нет для тебя /Сатаны/ над ними власти, кроме тех из заблудшихся, кто последовал за тобой» (15:42), «Власть его /сатаны/ - только над теми, которые избирают его покровителем и которые придают Ему сотоварищей» (16:106).

Именно благодаря соизволению Бога ограничить свою власть передачей ее части «вниз» и возникает вселенская «партия Сатаны», которая до скончания времен будет вести войну с «партией Аллаха» (58:20, 22).

Эта власть Сатаны над своими приверженцами сохраняется за ним до того Дня, когда «придет к ним наказание... Власть тогда – у Аллаха» (22:54-55), т.е. Бог возвращает себе все «делегированные» на определенное время властные полномочия.

Итак, вечная и абсолютная власть – у Творца, а временная и ограниченная может – по его же соизволению – быть и у сотворенных.

Как видим, в Коране выстроена достаточно стройная и логически выверенная концепция власти, где, в отличие от конъюнктурных толкований Корна (типа марксистских или ваххабитских) нет пресловутого «исламского фатализма». Наименее «фаталистическим» и наиболее эгалитарным течением в мусульманстве является с у ф и з м, который, в общем-то, и стал знаменем исламизации горцев рассматриваемого региона в XVIII в.

Суфийская политическая философия, в том виде, в котором она проявилась в рассматриваемом регионе, имела два направления – рационалистическое и мистическое. В данной статье мы рассмотрим второе каждое из них в отдельности.

а) Рационализм («поучения»).

Один из ведущих отечественных специалистов по философии исламского мира доктор философских наук А.А. Игнатенко, рас-

смагивая общественно-политическую мысль мусульманского средневековья, выделяет три ее рационалистических течения. Это – рационализм умозрительный (*фаласифа* – продолжатели традиции античной философии), «реалистический» («школа» Ибн Халдуна и его последователей) и «*пригматический*» (выражен в особом, социально-политическом жанре литературы – «поучениях владыкам») ⁹⁵.

Именно последнее течение рационализма мы обнаруживаем в общественно-политической мысли рассматриваемого региона.

Прослеживая генезис жанра «поучений», А.А. Игнатенко видит истоки его в глубинных идеях средневекового сознания. В частности, речь идет относительно представлений о «*перводвижителе*» – «внешнем по отношению к предмету или существу, приводимому в движение, и передающему ему свои, несколько редуцированные свойства». У этой установки, есть эквивалент в виде идеи *подражания подданных правителю*, «воспроизведения в их поведении его собственных поступков». Как отмечает А.А. Игнатенко, для средневекового сознания условием и даже частью успеха политики («целенаправленного и результативного управления обществом») выступает *мораль*. Из этого проистекает задача – правитель должен быть *морально совершенным* образцом подражания. Одним из средств решения данной задачи (создания «операциональной и результативной этической концепции») и выступали «поучения», которые «в отличие от исламских законоведов, опирающихся в первую очередь, если не исключительно, на Коран и сунну.., призывали к извлечению пользы вообще из политической истории, в том числе из истории немусульманских народов» ⁹⁶.

Таковы, согласно А.А.Игнатенко, причины, предпосылки, условия возникновения жанра «поучений», их прикладные (прагматические), политические функции. Разделяя эти положения исследователя, мы, со своей стороны добавили бы лишь несколько моментов.

Во-первых, идея о «перводвижителе» носит космологический характер, а идея подражания подданных правителю выступает его эквивалентом на уровне общественно-бытовом, социальном. Речь, по сути, идет о вариации известной модели макрокосм-микрокосм, возникшей в глубокой архаике.

Во-вторых, морально-нравственные императивы, которым следует идеальный правитель (функция коего заключена в обеспечении блага своим подданным), также не являются достоянием средневековья – они оформились за тысячелетия до появления первых государств и мировых религий⁹⁷.

Восприятие теократической, в своей основе, и суфийской, по сути, *идеи примата духовной власти (шейха) над властью светской (хана)* выражено в народном фольклоре Центрального Кавказа, в частности, в балкарской волшебной сказке «Завистливые братья» (впервые опубликована в 1963 г. на кар.-балк.яз.). В ней для нас важна мысль не столько о том, что власть – в лице хана – может быть справедливой и несправедливой (эта идея бытовала и до исламизации), сколько представление о том, что путь к *справедливой власти* пролегает лишь *через приобщение к шейху*. Последний представлен могущественной фигурой, доступ к которому исключительно тяжел даже для обладателей ханских кровей.

Жанр «поучений владыкам» в карачаево-балкарской философской поэзии получил отражение в ряде произведений. Авторство одного из них у карачаевцев связывается с именем старца *Карт-Баба́* (букв. «Старец- Баба́»), творчество которого мы уже затрагивали⁹⁸. Здесь отметим, что термин «баба́» у тюрков обозначал странствующих проповедников, миссионеров⁹⁹, в данному случае – суфия-дервиша.

Рассматриваемое произведение фиксируется в разных версиях, которые уже публиковались, в т.ч. и в переводе автора этих строк¹⁰⁰. Мы рассмотрим ту версию, которая изложена стариком Магометом Байчоровым (1990). Вкратце сюжет таков. Единственный сын некоего Рафий-хана отправляется за своей невестой, где один завистник убивает его на пиру. Друзья погибшего, не зная как принести хану горестную весть, обратились к старику, именующемуся «Карт-Баба́/й/». Последний соглашается помочь и, явившись в дом Рафий-хана, где шла подготовка к встрече жениха и невесты, запел песнь, в которой есть такие слова:

*Если хвалишься: я – царь, /то/ Зулкарнай и Сулейман
Намурт и Мухаммат – и они ушли из мира.*

Не радуйся: у меня есть дитя, воссев на трон,

Пятистам детям родитель пророк Нух достопочтенный

*И он тоже ушел из мира.
Загружавший грузом тысячу верблюдов, сидя на златом
престоле,
Золотом и серебром заполнявший лик земли,
Со скота зекят не давший, о погибели не знавший,
На путь веры не вступавший, и Карыл ушел из мира.
/.../
Возложи на сердце терпенье, говоря «его предписанный
день пришел.*

Песня-плач (кюу), изреченная поэтом, поведала хану о случившемся, погрузила его в раздумья. «Что поделать, - произнес хан - подобных мне разлучившихся со своими единственными есть и, наверное, будет много людей». Тем самым он показал, что смирился с судьбой¹⁰¹.

Здесь следует отметить несколько моментов относительно персонажей «Плача...». Во-первых, обращаясь к Рафий-хану, певец исходит из того, что все упомянутые лица хану и другим слушателям хорошо известны. Действительно, все они, Нух (библ. Ной), Карыл (коран. Карун, библ. Корей) и др., – популярные персонажи многочисленных произведений мусульманской (арабской, персидской и тюркской) литературы. Это, а также некоторые мусульманские термины (*зекят*), не должны оставить сомнения в принадлежности и рассказчика, и слушателя к мусульманской умме (религиозной общине).

Во-вторых, четверо из этих персонажей являются правителями – *Зулкарнай* (коран. Зу-ль-Карнайн), *Сулейман* (библ. Соломон), *Намурт* (библ. Нимрод), *Мухаммад*; они приводятся в пример правителю (Рафий-хану).

В-третьих, здесь проявляется характерная черта жанра «поучений» – в качестве примера используются исторические примеры не только правоверных правителей, но и могущественных владык из числа «неверных» (как в случае с Нимродом, гонителем пророка Ибрахима/Авраама).

Правители, позднейшие слушатели старинного «Плача...», должны были брать пример с мудрого Рафий-хана. Основная идея, которую внушает «Плач...», состоит в том, правитель должен уметь подчиняться, в данном случае – Божьему предопределению (*джазыу*), которым установлен срок (*аджал*). Это

подчинение, в свою очередь, выступает главным условием обретением способности к терпению (*сабырлыкъ*), которое выступает одним из высших человеческих качеств и в Коране («терпение – от Аллаха»), и в народе (*сабыр тюбю – сары алтын* «под терпением – желто золото»).

Как отмечают специалисты, одним «из самых существенных вопросов» мусульманской агиологии (от др.-греч. *Аγίος* «священный; святой»), является феномен «пронизывавшего все средневековые особое направления в культе святых, вытекающего из той или иной политической ситуации в жизни Востока». Другая, «достаточно самостоятельная ветвь мусульманской агиологии», тесно связана с суфизмом («наибольший процент персонажей в составе агиологии дают представители суфизма») ¹⁰².

Суфийская практика «поучений» широко использует образы из доисламской истории, которые фиксируются в Коране. Некоторые из таких образов в силу своей популярности и назидательной функции перешли из религиозной сферы в фольклорную. Например, кораническая история о пророке-правителе *Юсуфе* (из одноименной 12-й суры) легла в основу карачаевской народной сказки «Юсуп».

Здесь он представлен как сын безымянного хана, отца 12-ти сыновей, из которых десятеро старших – от первой жены, а двое младших – Юсуп и Бунямин (библ. Вениамин) – от второй.

В сказке воспроизводятся все основные коранические эпизоды:

- о сне Юсуфа, увидевшего солнце, луну, 11 звезд, его окружавших и ему поклонявшихся; о том, что отец, которому это было рассказано, запретил Юсуфу говорить о своем сне братьям, которые из-за зависти могли причинить неприятности;

- о заговоре братьев, бросивших Юсуфа в колодезь, об их выдумке про волка;

- об извлечении его оттуда купцами (которые купили Юсуфа у братьев), подаривших его бездетному правителю-наместнику (*джирым патчах*);

- о влюбленности в Юсуфа жены того наместника, оклеветавшей его;

- о заключении его в тюрьму, где он толковал сны двух заключенных, одно из которых казнили, а другого вернули на прежний пост;

- о толковании Юсуфом сна царя (*патчах*) о семи тощих и семи упитанных коровах т.д.

- о назначении Юсуфа царским наместником;

- о прибытии в ту страну его родителей и братьев.

Но, с другой стороны, в Коране не упоминается имя Вениамина, да и других братьев Юсуфа. Поэтому справедливо полагать, что составители сказки знали и другие религиозные источники, видимо, суфийские. (Эта сказка была записана в 1969 г. фольклористом Р.А. -А. Ортабаевой из Карачаево-Черкесского НИИ у старика Джамбота Бостанова, 1899 г.р., опубликована на кар.-балк.яз. в 1987 г.)¹⁰³.

Другим популярным библейско-кораническим правителем-пророком в карачаево-балкарской фольклорной традиции выступает *Дауд (библ. Давид)*.

Примечателен сам факт того, что из всех национальных версий нартского эпоса цикл Дауда (*Дебет, Деуэт*) встречается лишь в карачаево-балкарской – и не просто встречается, а является основополагающим. С полным основанием это можно связать и с тем, что в тюркской части *уммы* (мировой мусульманской общины) именно Дауд является самым популярным кораническим персонажем из числа пророков, предшествовавших Мухаммаду. В казахском эпосе «Кобланды-Батыр» он выступает как «покровитель кузнецов, часто сам искусный кузнец», в казахских народных преданиях «ему приписывалась необыкновенная способность изготавливать крепкие кольчуги и мечи», к нему, «облачаясь в доспехи, богатыри обращались с молитвой»¹⁰⁴. В среднеазиатском культе святых Дауд считался *пиром* (покровителем) «профессий, имеющих дело с металлом – кузнецов, медников и прочих»¹⁰⁵.

Такая популярность пророка-царя, очевидно, обусловлена традицией тюрков, у которых кузнечный культ фиксируется в самых глубоких пластах культуры. Кузнечное ремесло, сакрализованное издревле, в этой традиции считается «царским». В этой связи японский востоковед Масао Мори отмечает, что «государственная власть кагана в тюркском государстве основывалась на

волшебного-колдовского влияния, которым пользовались шаманы-кузнецы»¹⁰⁶. Иными словами, культ вождя носил теократический характер, соединяя в одной социальной роли функции высшего носителя светской и духовной власти.

Такая традиция сохранялась и у той части тюрков, которые, казалось бы, исламизировались полностью. Турецкие летописи XVII века считают важным подчеркнуть, что османский правитель Селим I «овладел искусством златокузнеца» еще в отрочестве¹⁰⁷. Поскольку османский владыка с 1517 года на правах халифа соединял в одном лице власти светскую /султанат/ и духовную /имамат/, его занятие кузнечеством являло прозрачную параллель с кузнечным ремеслом Дауда, такого же носителя светской (царь) и духовной (пророк) властей.

Отголосок таких теократических представлений можно обнаружить и в карачаевских преданиях о легендарном правителе Карче (предке княжеских родов), место рождения которого локализуется в доме кузнеца¹⁰⁸.

Как видим, для популярности образа Дауда в карачаево-балкарской среде имелись культурные предпосылки доисламского происхождения.

После исламизации Карачая и Балкарии почитание образа Давида, уже с именем не тюркизированным (*Деует/Дебет*), а арабизированным (*Дауд*) получило второй импульс. Коран превозносит царя-пророка: «Помяни Нашего могучего раба Дауда... Мы подчинили /ему/ горы, и они славословили вместе с ним после полудня и утром. А также птиц, собранных вместе... Мы укрепили его власть и даровали мудрость и решающее слово... Воистину, он приближен к Нам, и ему уготовано прекрасное место возвращения... О Дауд! Воистину Мы назначили тебя наместником на земле» (Коран, 38:17-20, 25; пер. Э.Р.Кулиева).

В карачаево-балкарской религиозной (суфийской) поэзии Дауду отводится эсхатологическая роль. В одном из зикров Исмаила Семенова говорится, что в Судный День:

Пророк Даут будет читать Коран,
Ясно аят за аятом,
Дивному голосу Даута
Восемь /врат/ рая покачиваться¹⁰⁹.

В других зикрах повторяется коранический тезис о том, что Дауд был в числе тех пророков, которым Аллах ниспосылал свои писания.

Фигура халифа *Али* (ум.661 г.) высоко почитаема не только в суфийских орденах, но и в широких массах «средних» мусульман. И, вопреки стереотипу, не только среди шиитов, но и суннитов. Например, в суннитской Средней Азии существует «богатейший комплекс этнографических данных», поверья, легенды и сведения об Али (его «подлинно богатырских подвигах», его чудесном коне Дуль-Дуле, мече Зульфикаре и т.д.), который «может считаться одним из самых ранних и едва ли не популярнейших святых мусульманской агиологии»¹¹⁰.

Так в зикре «Святые» (*Аулията*) Исмаила Семенова говорится

Абубакир, Умар, Осман –

Возле шахида Али.

Хасан, Хусейн, Хамзат –

В крови шахида Али.

/.../

Ай, Земля, как ты красива, –

Во чреве храня Посланника.

Абубакир, Умар, Осман –

В крови шахида Али.

Ай, Земля, как ты чудна, –

Завершив свет Посланника,

Хасан, Хусейн, Хамзат –

Погрузившись в кровь шахидов»¹¹¹..

Обратим внимание на то, что из четырех халифов здесь шахидом именуется только Али, хотя насильственной смертью пали и два его предшественника – упомянутые Умар (644 г.) и Осман (656 г.).

В зикрах указывается и на эсхатологическую роль Али. Так, в стихе «День Страшного Суда» (*Къыямат кюн*) Исмаила Семенова говорится, что в тот День:

Хазрат Али – обладатель зульфикара,

В руке его – зеленый флаг...

/.../

Хазрат Али – обладатель зульфикара,

*Оружие его – на поясе...*¹¹²

Относительно же других «праведных халифах» говорится лишь то, что они, как и Али, будут в раю, где имеются разные масхабы (*Ол жаннетде болурла, Тюрлю-тюрлю масхапла, Абу-бакир, Умар, Осман, Анда Алий асхапла*)¹¹³.

Особо трепетное отношение в зикрах к сыновьям Али и Фатимы – Хасану и Хусейну:

Хасан и Хусейн –

Сыновья Фатимы.

На голове – золотые волосы,

*Алмазные брови их*¹¹⁴

Упоминавшийся в стихе *зульфикар* (араб. *зу-ль-факар* «обладатель позвонков»; кар.-балк. *зульфугьар*) – это клинок Али, по преданию, подаренный ему пророком. В карачаево-балкарском фольклоре встречаются и другие фонетические варианты этого наименования (*сюлюгюр*); с ним, видимо, связано карачаевские имя *Сылпагьар* и фамилия *Сылпагьарлары* (Салпагаровы). Сабля под названием *зулбухар* встречается и в вайнахском фольклоре¹¹⁵.

Добавим, что об исключительно высоком, практически не имеющем аналогов, положении Али в умме свидетельствуют не только шиитские, но и суннитские источники. Так в сборниках хадисов Аль-Бухари и Муслима приводятся слова пророка, обращенные к Али: «Разве не хочешь ты занимать при мне такое же положение, которое занимал /пророк/ Харун при /пророке/ Мусе, с той лишь разницей, что после меня пророка уже не будет?»¹¹⁶.

Как видим, образы былинных, сказочных и исторических правителей в «мусульманский период» истории Центрального Кавказа выступали активными фигурантами процесса духовной ориентации как социума в целом, так и его правящей элиты.

б) Мистицизм

Если до исламизации фигура правителя уравнивалась фигурами «божьих людей» (в лице служителей языческих культов, певцов-*джырчы*, юродивых-*тели* и т.п.), то отныне это место прочно занимает духовный вождь-шейх. Его власть основывалась на приобщении к «свету Мухаммада» (араб. *ан-нур ал-Мухаммади*, кар.-балк. *Мухаммадны нюрю*). Такое приобщение

обеспечивалось через связь с пророком Мухаммадом через цепь духовной генеалогии (*силсила*), по которой суфийский наставник, шейх (*устаз*, *муршид*) обретал *карамат* – особой мистической благодати.

Бог познаваемый («Свет Мухаммада» - Логос). Поскольку в основе власти шейха лежит именно концепция «света Мухаммада», то применительно к рассматриваемому региону необходимо осветить степень ее разработанности и проявления. Эта концепция озвучивалась местными поэтами-суфиями, – например, Исмаилом /Чокуна/-эфенди Акбаевым, – в зикрах, слушателями которых были тысячи людей. Но глубинный смысл многих ее идей был доступен лишь ограниченному кругу самих суфиев. Таковым, в частности, было понятие о Логосе, которое выражалось через представление о «свете Мухаммада».

Предвечность. Идея о «свете»-Логосе ярко отражена в зикре о рождении пророка, который сочинил Чокуна-эфенди еще при царе, и который использовался в богослужебной практике мусульман Карачая до конца XX в.. В ключевых строках зикра говорится:

Халкъдан алгъа джаратды
Файгъамбар боллукъ нюрюн¹¹⁷
Создал /Аллах/ прежде народа
Свет, который станет пророком.

Здесь обозначена предвечность «света Мухаммада», созданного еще до людей («народа»), т.е. и до Адама – прародителя самого Мухаммада в земной жизни. Как отмечают специалисты, согласно суфийской доктрине Логоса «непосредственным знанием, полученным от бога», обладает Печать посланников (*хатим ар-русул*) и Печать святости (*хатим ал-авлия*), т.е. Мухаммад, который «до своего земного рождения «пребывал с Богом», «находился в царстве Ближайшего»¹¹⁸.

В связи с данной темой хотелось бы упомянуть предание (в изложении Дж.С. Тримингэма) о «свете Мухаммада» из «Мавлида» Мухаммада 'Усмана ал-Миргани, почерпнувшего многое «особенно от традиции ордена накшбандийа»¹¹⁹:

«Когда Бог пожелал создать эти высшие и низшие миры, он взял пригоршню своего Света – и это был Мухаммад... Он (пророк) сказал Джабиру: «Первое, что Бог сотворил, был Свет

вашего Пророка как бы в ответ на свою задачу, и я был Пророком, когда Адам еще был водой и глиной». Пророк спросил Джибрила: «Сколько лет тебе, о Джибрил?». Тот сказал: «Я не знаю, скажу только, что планета появляется на четвертом небе раз в 70 000 лет (это скрытые знаки), а я видел ее точно 72 000 раз». Пророк сказал для того, чтобы сообщить о своем ранге и тайне своего Света: «Клянусь славой моего господина, я и есть планета, которую ты видел, о Джибрил, на небе благодетеля, а также другие предметы, которые пером невозможно описать на бумаге и которую даже оба писца, пишущие о добре и зле, не могут зафиксировать»¹²⁰.

Указание Тримингэма на близость ал-Миргани к накшбандийской традиции находит прямое подтверждение в выявленном нами накшбандийском трактате (в 1997 г. хран. у Батчаева Карачыка, с. Маруха, КЧР; светокопия - в архиве КНИИ), где приводится схожая версия. Здесь эпизод беседы пророка с архангелом Джабраилом (Джибрилом) приводится со ссылкой на пророка и в изложении имама Рафи'и. В предании говорится о том, что однажды пророк, ожидавший Джабраила решил не вставать с места, когда ангел явится. Так он и сделал, на что Джабраил, кажется, обиделся. Далее, со слов пророка, говорится:

«Тогда я сказал: «Когда один человек заходит к другому человеку, то, встанет младший старшему или старший младшему?»

Джабраил сказал: «Младший встанет старшему».

Тогда я спросил Джабраила: «Посмотрим, сколько тебе лет. Ты старше или старше я?»

Джабраил сказал: «Я не знаю, однако есть на небе одна звезда (юлдуз). Встающая один раз в тридцать шесть тысяч лет. Я видел ту звезду встающей семьсот раз».

Тогда я сказал Джабраилу: «В самый начальный раз, когда та звезда родилась, в то время, когда ты увидел ее, не видел ли ты какую-либо вещь на Престоле (арш)?».

Джабраил сказал: «В то время на Престоле видел я один фонарь с каким-то светом (нур) внутри».

Тогда я сказал Джабраилу: «Если б ты увидел этот свет, ты узнал бы его?»

Джабраил сказал: «Я смог бы узнать».

В конце концов ангел узнаёт свет, а Пророк говорит: «За тысячелетия до того, как были созданы и звезды, небеса и земли, тот свет (*нур*), созданный Аллахом Всевышним из Своего Света, и явился моим светом»¹²¹.

Как отмечает Дж.С. Тримингэм в связи с приведенным им преданием в версии «Мавлида» ал-Миргани, концепция предания «представляет интерес не только с академической точки зрения, так как услышать ее можно во время отправлений зикра»¹²². Это замечание, безусловно, относится и к версии нашего «Документа А».

Эманация. В приведенном зикре Чокуна-эфенди говорится о втором элементе доктрины Логоса – земном воплощении предвечного «света» в образе пророка («свет, который станет пророком»). Поскольку «свет Мухаммада» – часть света самого Бога, то его земное воплощение означает истечение (эманацию) Божественного Логоса.

«Если в христианстве Иисус является единократным воплощением Логоса, - отмечается исследователями, - то в суфизме проявление божественного Логоса представлено длинным рядом пророков и посланников божьих («расул», мн. «русул»), завершающимся Мухаммадом, – по земной хронологии, последним, а в вечности – первым из русул. Все посланники были «вдохновлены светом» Мухаммада. Знание Закона обреталось ими лишь в нише Печати святости, т.е. источником его служил неисчерпаемый Логос»¹²³.

Трансцендентность - имманентность. Суфии отвергали господствующую у традиционалистов доктрину исключительной трансцендентности Бога. Как пишет Ибн Араби, «экзотерист, который настаивает только на божественной трансцендентности... оскорбляет Бога и его посланников... ибо признает лишь одну часть божественного откровения и отрицает другую»¹²⁴. В данном вопросе суфии представлялись на правильном пути, поскольку «последовательное принятие принципа трансцендентности ведет к дуализму, исключающему органическую связь общего и частного, единичного и множественного»¹²⁵.

В хадисе «кудси» («священном хадисе», где приводятся слова самого Аллаха, не являющиеся частью Корана), излюбленном суфиями, приводится ответ Бога на вопрос царя-пророка Дауда о

причинах сотворения мира: «Я был скрытым сокровищем, и я захотел быть известным. Вот почему я сотворил мир»¹²⁶. Здесь, во-первых, имманентность Бога миру выступает желанием и волей Его самого. Во-вторых, имманентность выступает Божественной целью миротворения. В-третьих, одной из форм проявленности миру является эманация Логоса. Именно в этом плане следует рассматривать тезис многих суфийских течений о том, что Бог сотворил мир ради Мухаммада. Этот тезис известен и по зикрам Чокуна-эфенди:

*Создал /Он/ ради него
Семь небес, зѐмли,
Явил /Он/ ради него,
Женщин и мужчин.
Задумал Аллах
Распространить свет его,
Начал свет его
Переходить от одного к другому, -
От чистого отца,
К почтенной матери повернулся,
Лучшее родительство
Избрано для пророка¹²⁷.*

Сотворения мира «ради Мухаммада» означает миротворение ради проявления Божественного Логоса, выраженного в «свете Мухаммада», т.е. проявленности самого Бога. Непонимание (или неприятие, вызванное буквальным восприятием) выражения «ради Мухаммада» фундаменталистами и вызывает их резкое осуждение этого тезиса, которому они противопоставляют известный аят о том, что Аллах сотворил джиннов и людей только для того, чтобы они поклонялись Ему.

Итак, поскольку эманация есть земная проявленность Божественного бытия, то очевидным становится положительное решение вопроса о Божественной имманентности.

Гносеологический аспект догмата божественной имманентности имел огромное практическое значение

Во-первых, он, по сути, отменял догмат традиционного суннизма о том, что «врата иджитхада закрыты» – догмат отнюдь не гносеологический, а прикладной. Речь в этом догмате идет о том, что после великих имамов – основателей четырех религиоз-

но-правовых школ (*мазхабов*) – мусульмане не могут быть *муджтахидами*, т.е. имеющими право на *иджтихад*, самостоятельное суждение по принципиальным вопросам шариата и вынесения соответствующих решений. Многие мусульманские мыслители, включая и современных, именно в закрепощающем творческом начале человека догмате о «закрытых вратах иджтихада» видят исток цивилизационной отсталости исламского мира. Еще знаменитый исламский философ современности Мухаммад Икбал (1873-1938) отмечал, что «закрытие дверей иджтихада – чистый вымысел, выдвинутый отчасти благодаря кристаллизации юридической мысли в исламе, а частично вследствие интеллектуальной лени, которая, особенно в периоды духовного упадка, превращает великих мыслителей в идолов»¹²⁸.

Во-вторых, признание имманентности означает не только возможность познания Божественного бытия. Из допущения нисхождения (эманации) субстанции Божественного бытия в наш мир логически вытекает и допущение обратного – возможности *восхождения* из нашего мира к Божественному бытию, непосредственного приобщения к нему. С соответствующими, разумеется, последствиями, в том числе – обретением сверхъестественных знаний и способностей и, следовательно, в конечном счете, обретением *власти*.

Отсюда, в-третьих, остается шаг до соблазна найти «технику» восхождения, т.е. инструментария обретения власти. Собственно говоря, мистического восхождения в царство Божественного бытия могло и не быть, главное – чтобы такая возможность была признана. Поэтому вполне естественным представляется обретение политической власти суфийскими корпорациями – будь это на Кавказе (имамат Шамиля), в Средней Азии (клан Ходжи-Ахрара), Африке (монархия суфиев-сенуситов в Ливии до 1969 г.) и др.

Как видим, гносеологический аспект породил и сугубо политические результаты.

Северный Кавказ в творчестве Н.С.Тихонова

Имя и творчество Н. С. Тихонова, в современном литературоведении находится в некотором забвении. На данный момент, существует факт нивелирования литературной ценности его произведений. Эта участь, постигшая многих известных и выдающихся поэтов советского времени. В переломный период в истории России, когда с алтаря массового сознания, за короткий срок, были сброшены коммунистические идолы, и страна вступала на новый исторический путь, произошло и резкое отторжение практически от всего его культурного наследия. Более остальных видов искусств подверглась такой духовной экзекуции литература. И это понятно, так как она в силу своей специфики, являясь одним из самых мощных инструментов влияющих на общественное сознание, была архиполитизированна.

Но сейчас настает время, когда необходимо, как говориться отделить зерна от плевел. И из этого огромного советского литературного наследия, выделяются произведения, имеющие определенную, высокохудожественную ценность. М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов, несмотря на коммунистическую матрицу применяемую ими в жизни и творчестве, навсегда останутся в истории российской и мировой литературы как великие художники слова. Наверняка, этот процесс будет продолжительным, и время отшлифует еще некоторые имена советских писателей, которые займут почетные места в новейшей литературной истории России. В свете этой тенденции творчество Н. Тихонова может претерпеть, на мой взгляд, новый этап переосмысления читателем, новую литературную реинкарнацию.

Н. С. Тихонов (1896-1979) выдающийся советский писатель, прошедший две войны: гражданскую и отечественную. Журналист, поэт и прозаик, публицист, общественный деятель. Его литературный диапазон невероятно широк. Личность многогранная, обладающая поразительным талантом. Человек, в котором жажда к путешествию обладала неукротимой силой, при этом, посредством своего огромного и светлого дара художника, ему удавалось разноцветными нитями ярких впечатлений вышивать на поэтическом полотне потрясающие картины. Одной из этих

литературных картин и стал Кавказ. Тихонов испытывал особенную страсть к этому гордому краю, и посвятил ему множество стихов, поэм, рассказов. Он часто повторял слова М.Лермонтова: «Кавказские горы, вы для меня священны»...

Творчество Н. Тихонова посвященное Кавказу занимает огромное место, как в его литературной биографии, так и в жизни. Оно концептуально, масштабно и обладает поразительной глубиной. Причем он один из немногих русских поэтов, который не ограничился какой-то одной кавказской страной, а совершил «поэтический поход» по всем Кавказу, как по Южному, так и по Северному. География его путешествий необычайно обширна, он объездил Грузию, Армению, Осетию, Дагестан, Чечню, Ингушетию. Был на Кубани, в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Он исходил множество кавказских долин, ущелий, став настоящим «сыном гор». Кавказ пленил поэта не только красотой необычайного ландшафта и мужественностью горцев. Кавказ он воспринимал еще и как огромную арену, где происходили глобальные политические и социальные битвы в гражданскую войну, где в 20-30 годы шла грандиозная стройка социализма, которая, имела свои особенности, противоречия и сложности, отразившиеся в этнических, религиозных и социально-исторических формациях, в отличие от внедрения новой власти на территории России. Так же, для поэта, «душевный подъем здесь соединяется с сосредоточенным исследованием, упоением с анализом...Тихонов принял в свое сердце не только горы, но и горцев – их прошлое и настоящее, их беды и радости, их песни и труды. И это прикосновение... к горской жизни побуждало его все глубже входить в нее, разносторонне изучать ее особенности, накапливать все новые факты, которые, в свою очередь, требовали воплощения, выражения в стихах и в прозе»¹²⁹.

Характерным для всего кавказского творчества Тихонова является то, что, в большинстве его произведений Кавказ отражен сугубо через призму социалистического видения, что не умаляет художественной яркости и глубины этих произведений. Для поэта особенно значима просветительская миссия советской власти среди народов Кавказа. Поразителен, тот факт что Тихонову, за редким исключением, удается раскрывать на поэтическом полотне синтез кардинальных преобразований с исконными обы-

чаями кавказских горцев. Он осознает необходимость в определенных вопросах находить консенсус между их вековыми ценностями и новыми советскими идеологическими установками. Чувствуется личная толерантность писателя. Он очень корректен в своих высказываниях о социальных и национальных проблемах кавказцев, чем демонстрирует свое знание местного этноменталитета и подлинное уважение народов Кавказа.

Одним из достоинств его мировоззренческой концепции, является тот факт, что он был приверженцем сохранения культур малых народов, он подчеркивал их право на сохранение своей индивидуальности и видел в этом историческую и моральную справедливость. Пропагандируя в своем творчестве идеи интернациональной дружбы, при этом он не был сторонником духовной ассимиляции. Как истинный художник он прекрасно понимал, даже будучи ярким коммунистом что: «обнажение-обнаружение многоликости, полиэтничности – неиссякаемый источник духовного общечеловеческого богатства. Многоликости, а не нивелированного общеклассового условного лица»¹³⁰.

В своих воспоминаниях Р. Гамзатов, называет Тихонова «вечным всадником» и приводит описание первой своей встречи с ним в ауле Цаца летом 1933 года. Когда он вместе с В. Луговым и П. Павленко, прежде чем приехать к его отцу «прошли весь Дагестан, побывали в высокогорном Куруше, где горянки «из кунацкой за окошко облака метут метлой», в Гунибе, в Ашагестале у Сулеймана Стальского»¹³¹.

Так, в «Я, как лезгин, смотрел с заветной кручи» отражена попытка перевоплощения поэта в горца, попытка показать становление социалистической действительности его глазами. Картина возникшего на небе самолета приведшая к изумлению горцев, своего рода символ новой жизни. Тут же подчеркивается гордость присущая горцам испокон веков, и не случайно они наблюдают картину с высокой горы, и самолет проходит сквозь тучи под ними. Хотя им в диковину этот железный летающий механизм, тем не менее, они созерцают его, не выдавая своего смятения, «бросив улыбаться», в напряженном, гордом спокойствии, сохраняя чувство непоколебимого достоинства:

Следили горцы за гуденья силой,
Как птицы за полетом стрекозы,

И предков кровь, что лица заострила,
На мир смотреть учила сверху вниз.

Поэт, отождествляя себя с кавказцами, как бы вместе с ними вспоминает недавнюю историю, переноситься во времена гражданской войны. Правда, у поэта происходит некая национальная эклектика в образе героя стихотворения. На самом деле, автор берет срез пограничной действительности, между Дагестаном и Грузией, которая тесно сплетена между собой, но в априори передает общекавказский колорит. И словно, перед ночным костром, в рассказах балладных проходят видения прошлых лет:

Задышим мы пожаров долгим чадом,
Услышим пули по всему пути.
Увидим, как дымились Цинандали,
И крепости взлетали в простоте,
Свидетелей ущелья поглощали,
Аулов сто пылало вслед за тем.

Но прошло время, и победа большевиков представлена как самый благотворный поворот в жизни горцев: «...нет мюридов...Нет Орбелиани... Только огоньки шли винными совхозами...Хлопковыми полями». И «победы большевистские утехи» гарантируют идеалистическую модель мирной и гармоничной жизни:

И не шумя излишними страстями,
Хлепать хинкал, заправив чесноком,
Старинными делиться повестями,
Не вымещая злобы ни на ком.

Так же для поэта кажется очевидным, что только советская власть способна ликвидировать раздоры кавказских народов на почве национальной вражды, сплотить их воедино. При этом, декламируется, пожалуй, самая высоконравственная пропагандистская идея коммунистов интернационализм:

И кахетинец будет черноусый
С лезгином пить до самого утра
Для горных дев подарит гостю бусы,
Любимые кусочки серебра.

Примечательно то, что подмечены яркие, характерные детали кавказского ландшафта и быта: «винные совхозы», «бурки», «хинкали», «кусочки серебра» (известно, какими мастерами се-

ребриных изделий, украшений и оружия являются дагестанские умельцы).

Основные же поэтические произведения Н. Тихонова посвященные Кавказу были собраны им в цикл «Горы», куда вошли 15 стихотворений написанных с 1938-1940 год. Преимущественно они пейзажного характера.

Балкарский поэт К. Кулиев писал о поэтическом Кавказе Тихонова:

В твоих строках мощно дышат
Наши горы, наши, кручи,
Словно ты и впрямь родился
На Баксане, меж теснин¹³².

Впечатление о своем пребывании в Кабардино-Балкарии, Тихонов отобразил в стихотворениях «Я снова посетил Донгуз-орун», «Эльбрус с Бечасына», «Верхний Хулам». Эти вершины и перевалы были хорошо знакомы Тихонову. Он неоднократно взбирался на них. В первом, поэт говорит о своем походе в живописное ущелье Донгуз-Орун, которое переводится с карачаево-балкарского, как «пастбище диких кабанов». Поэт говорит, о том, что среди сурового климата Северного Кавказа, где снега «остры, свежи», его собственная душа кристаллизуется, жизнь обретает чистоту и строгость. И его герой возвышенно рад от сопричастности к этой загадочной природе. Он взволнован и одухотворен этой встречей:

И ставить ногу в пенистый поток,
И знать тревогу каменных берлог.
В глуши угрюмой, лежа у костра,
Перебирать все думы до утра.

Во втором стихотворение, автор аллегорично воспроизводит панораму Эльбруса. Он представляет его, как картину, написанную мастером. Она «светится мелом» «по аспидной мгле». Холстом для этой горы становится целое небо. Его красота и величие имеют фантастическую, нереальную природу происхождения:

Вычерчивал мастер
Во весь небосклон
Его как на части
Разбившейся сон.

В «Верхнем Хуламе» Тихоновым вновь переданы его эмоции от восхождения на один из красивейших перевалов в Приэльбруссии. Ощущение высоты вызывает головокружение и чувство эфемерного полета: «Как будто затяжным прыжком / Лечу, и дух мне захватило, / И тянет вниз пространства сила...». Поэт, как подлинный художник слова очень тонко и изысканно обрисовал открывшийся ему чудесный вид, подметил характерные особенности открывшейся ему панорамы. Его Хулам поэтичен, нежен и мужественен:

Над темным кратером безмерным,
В зеленом трепете неверном –
Гранит со снегом пополам –
Вечерний высится Хулам.

Образ горы представлен еще элементами портрета: над «лбами» скал «туманов белых вьется прядь». Этот прием прозополеи привносит в восприятие стихотворения какой-то теплый, душевный оттенок, словно речь идет о живом человеке. Последние строки: «Природы игрища слепые - / Преображенный в камни гнев» - подразумевают не только вулканическое происхождение этой горы, но и возможно, это еще метафора истории бесчисленных локальных и масштабных войн происходивших в ущельях Кавказа, и вечными свидетелями которых были горы. Ведь не зря у скал «воинствующие лбы» и камень так «ожесточен».

В 1927 году Тихонов пребывал в доме отдыха в Теберде в Карачаево-Черкесии и назвал это место «красивейшим уголком мира». Следует отметить, что многие видные деятели науки и искусства посещали Теберду и воодушевлялись ее красотами. А. Серафимович написал там рассказы «Девушка с гор», «Адымей», М. Шагинян – повесть «Своя судьба», С. Михалков читал впервые свои иронические стихи. Не раз Н. Тихонов поднимался на Домбай, впечатления от которого легли в основу его стихов альпинистской тематики. Он был одним из первопроходцев туристического маршрута № 43 через Клухорский перевал. Стихотворение «Горных рек нескончаемый гул» посвящено одноименной реке Теберда. Оно является еще одним очередным подтверждением иступленной влюбленности поэта в Кавказскую природу, в его горы и реки, в его людей, признанием себя практический таким же горцем как и коренные жители:

Горных рек нескончаемый гул,
Пред которым я вечно в долгу.
Он в крови моей, в сердце моем,
С этим гулом мы вместе умрем.

Он обращается к водам Теберды, ведая им, что знал «реки, что были горды», о том, что читал с увлечением «их надменный и грозный язык». Противопоставляет им поэт, видимо, тихие, равнинные реки России: «Знал я тихие воды, что шли, / Как спокойные думы земли». Но с годами, с опытом он «стал теперь прост и жесток» и ему больше по душе «безыменный поток», который «с ледяной он сбегает коры». То, что автор, называет реку безыменной, конечно же, не от незнания его названия. Ассоциируя себя с этой рекой, он говорит о своем стремление к покою, о некоторой душевной усталости и возможно это его мысли о смерти, после которого уже не важны имена и лица. В то же время, возможно, его любовь к безымянным потокам, это своего рода, ностальгия по юности, когда река его жизни только-только набиралась от маленьких истоков и неизведанность будущего дразнила и горячила его молодую кровь. Но теперь эта река предстает перед нами в образе пожилого человека, хотя еще с «молодыми глазами»:

Он ворчать свои мыли привык;
То седеет он, словно старик,
То в его молодые глаза
Удивляясь, глядится гроза.

Далее, картина оживляется целым рядом образов, которые поют свои песни реке. Начинается этот ряд с пастуха, поющего о «прошлых веках», что дополняет характерной особенностью кавказский пейзаж. И ставшее уже перманентным, точнее пронизавший все творчество Тихонова, его прием советизировать буквально весь свой поэтический материал, и здесь, в пейзажном стихотворении находит свое применение. Для Тихонова поэтизация любой реальности не обходиться без прохождения ее сквозь призму советской действительности. И, вслед за пастухом, который явно со своими старинными песнями олицетворяет пассивную позицию к новой власти, идет «пешеход» (само слово новое для того времени в отображении кавказской действительности), который позиционируется, как передовой человек, по-

ющий «про бессмертный советский народ». Далее персонажи аполитичные: альпинист, песни которого о вершинах и горянка, поющая «про девичьи сны». Реке оказывается «великая честь» сохранить этот разнотонный глас народа, она уполномочивается «через жизнь эти песни пронести». И она отображается как животворная хранительница людских секретов, дум и откровений, в частности и самого поэта.

Удивительно лирическое, тонкое стихотворение о горянке ткающей пряжу при вечернем свете:

Женщина в дверях стояла
В закате с головы до ног,
И пряжу черную мотала
На черный свой челнок.

Выделяя в разных стихотворениях отдельные черты кавказской женщины, поэт в своем цикле воссоздает практически цельный образ. В данном случае она предстает перед нами в момент исполнения привычной домашней работы. Этот процесс обыденного труда показан с невероятным лиризмом. Метафора «в закате с головы до ног», рождает в представлении возможно немолодую, но красивую женщину, окутанную в вечерний, мягкий, золотисто-багрянный свет. Герой, наблюдая за этой картиной, приходит к философско-элегичным размышлениям, высказавший их в аллегоричном ключе: «Мотала жизнь мою, как пряжу, / Горянки той рука». Жизнь устойчиво ассоциируется с нитью, имеющей начало и конец, и она неумолимо мотается в клубок из наших дней, поступков и души.

Дальше, как бы заставляя автора очнуться от невеселых мыслей, он видит безмятежную картину аульской жизни: идущий к дому «бык с травой во рту» и «красными рогами». Эта умиротворяющая обстановка как бы напоминает, что жизнь еще продолжается, что клубок судьбы еще не размотан до конца. Кстати, «красные рога», возможно, не просто художественный эпитет, а весьма реальная данность: многие кавказские народы имели привычку красить рога быков именно в красный цвет. Еще по языческим верованиям, считалось, что красный цвет отгоняет злых духов, и способствует защите от сглаза. А так, как бык равнялся огромному денежному эквиваленту, то естественно, его ценность была велика, и такое богатство всячески оберегалось

от возможной порчи. Раскаленный, дрожащий «заката уголь предпоследний» как бы синонимичен с образом очага, где горит еще огонь.

Далее очень поэтичная зарисовка вида соседнего аула, который просматривался «меж рогов» этого быка, «и не было оправы лучше» для этой картины. А то, что «сизый пар, вползая кручей, домов лизал бока» (сублимация образа быка в метафору, передающую природное явление) усиливают мирную, теплую провинциальную обстановку. Завершается стихотворение риторико-философской сентенцией, в которой глубокая печаль от сознания неминуемости смерти, смешана с чувством гордого смирения и утешения от «торжества простых высот».

О зимних метаморфозах в горах написано стихотворение «Первый снег». Тихоновым обрисовывается удивительно живописная картина этого природного явления. Снежный покров, легший за ночь на горный хребет у поэта синонимичен некой «торжественности». А «зубья, башни, клювы, шпили» пьют «зеленный воздух». Видимо, такая цветовая характеристика спровоцировано обилием хвойного, лесного массива, который так характерен у подножья и на склонах кавказских гор. Особую динамичность произведению придает действие сорвавшейся лавины с «тех безмолвий львиных», который нарушает «долинный мир» и превращает его в одно снежное месиво, «облачное море». Перечисляя «жертвы» этой лавины Тихонов приводит характерные реалии кавказской флоры и фауны: «красный барбарис», «ястреба с глазами одержимых», «трава темнобородая», «перепелы, забитые непогодой». Поэтика Тихонова, в этом стихотворении находит особенно красочные формы и воплощения:

Там в дуновенье силы справедливой
Закрыла птиц своей молочной гривой,
Рассыпалась на луге белом блюде,
И только пыль слетела ниже — людям.

Концовка приобретает обобщенно-философское содержание, что вообще характерно для тихоновского стиля. Поэт утверждает, что результат схода лавины это «напряженье каменных пород», которые свое «страдание» передают таким вот своеобразным «движением». Горы олицетворены с людьми, они подвержены человеческим свойствам и чувствам. Автор сравнивает

эту неукротимую стихию с «мужеством», которое «по-новому встает, когда к нему приходит испытанье». Так же он подчеркивает мысль о том, что любое действие в природе, каким бы оно разрушительным не было, имеет свой тайный смысл и подчинен внутреннему закону:

Так напряженье каменных пород,
Свое страданье передав движеньем,
Слепой несправедливости полет

Заметное место в кавказском творчестве Тихонова занимают переводы различных северокавказских поэтов. Вообще, следует отметить, что возникновение такого творческого импульса, желание поэта перевести на свой национальный язык произведение иноязычное, говорит о том, что происходит некий момент истины во взаимодействии двух различных культур. Это какой-то сакральный акт взаимопроникновения, нахождение общих точек соприкосновения в системе эстетических координат другой ментальной плоскости, другого ценностного мира. Да и просто, восхищение, и преклонение перед талантом и глубиной инонационального произведения. И вот желание донести до своего читателя свою восторженность, поделиться с ним какими-то поэтическими открытиями в этой иноязычной среде, всегда двигало поэтами загоревшихся идеей художественного перевода. Сам Тихонов писал: «Переводы – это подлинное творчество, это служение высокому искусству, это передача лучших образцов...культурного наследия и новейших достижений самому широкому читателю»¹³³.

Тихонов перевел множество стихотворений и не только авторские переводы, но и эпические, фольклорные произведения, причем с различных кавказских языков. Это, и карачаево-балкарский, и абхазский, и чеченский, и аварский и др. Как один из значительных переводов из Кайсына Кулиева, можно выделить его «Над старой книгой горских песен» посвященное памяти Эфенди Капиева. Это стихотворение является своего рода эпическим песенником, где, казалось бы, разные сюжеты, но они выдержанны в одном стиле. Здесь автор, обозревая содержание и смысл старинных песен, сам становится их соавтором. Основная тема, это героика эпических сказаний и песен о древних воинах горцах и ожидание горянки любимого мужа с сраже-

ний. При этом она слагает невероятно грустные и щемящие душу песни. Тихонову удастся передать в переводе проникновенную поэтичность и тоску этих песен:

Горянка песни многие сложила.
Я знаю песни девушки-красы,
Что сердца боль в стихи свои вложила
И волосы сложила в две косы.
И среди строк певучих и звенящих
Я вижу черные глаза, потом
Наездников, ущельями спешащих,
И тонких рук девический излом.

В книге песен оживают отважные войны, умершие в жестоких боях: «Погибшие в бесчисленных сражениях, / Тут из могил храбрейшие встают».

Лаконично, но очень ярко обрисовываются некоторые детали портрета горца и быта их жизни. От чего картины в воображение оживают, наполняются красками и движением:

И горец через перевал шагает,
Лед на усах, у бездны на краю,
.....
А горец с гор и в дождь пришедший ночью
Он тяжело бурку мокрую волочит.
И смуглая жена бежит навстречу,
Прижавшись к жесткой, мокрой бороде,
Его целует, бурку взяв на плечи,
Относит в дом, на турий рог надеть.

Характерные кавказские реалии очень тонко подчеркивают специфику национальной одежды и горского жилища: бурка, башлыки, турий рог. Память о доблестных сынах гор увековечена в этих песнях народа. Восхваляется смелость и мужество древних воинов, их самоотверженность, гордость, и в то же время скромность: «Похвал за подвиг в мире не искав, / Идя за сердцем, и за все в ответе, / - А если я погибну, - не сказав».

Типичной характеристикой поэтики этих песен является перманентное использование олицетворения, причем как безымянными авторами самих древних песен: «Вы сравнивали в песнях зубы милых / Со снегом гор, над пропастью вися», так и непо-

средственно Кулиевым: «Вы как река, создали песни тоже; Как птицы, песни старые летают; Под солнцем гор сияют великаны».

Автор проникнут высоким сознанием, того, что эти старинные песни, своего рода духовное богатство народа, некий моральный завет, эквивалент духовного завещания будущим поколениям быть такими же храбрыми и благородными как их предки. Он благодарен им и готов, продолжить их традицию: «Вы песни мне оставившие эти», «Примите же вы мой поклон глубокий.... / Коротких дней, как вы, имея сроки, / Я, в песни превращая их живу».

Так же автором высказана мысль, что песни являются летописью жизни горцев, каждое значимое историческое событие находит свой отпечаток в фольклоре, тем самым как бы увековечиваясь в народной памяти.

Потребность в песне, склонность к такому виду творческого самовыражения предоставляется как черта национального характера, некая аксиома, не подвергающаяся анализу и доказательству, само собой разумеющаяся естественность, как природный закон, генетическая врожденность народа:

Не может птица не летать, - и скажем:
Так песни мы рожаем в добрый час,
Уходим мы из мира, песням нашим
Давая жить гораздо дольше нас.

Основная идея произведения заключается в преемственности духовных ценностей между поколениями, в том, что жизнь продолжается, рождая все новых героев и новые песни. И вера в то, что новые люди будут сильными и достойными своих отцов не вызывает сомнения:

Мир полон будет после нас другими,
И этим новым, сильным молодым
Мы с радостями многими земными
Оставим песни – наш подарок им.

Ярким этническим мотивом проникнуто другое стихотворение Кулиева в переводе Тихонова «Тень орла». В основе его языческое поверье будто бы мифический покровитель гор и лесов Апсаты предвещал удачу охотникам, войнам и путникам, если на горах мелькала тень орла: «Как увидим орлиную тень на скале - / Нам удачу большую пошлет Апсаты» - пели древние охотники.

Это стало своего рода народным фразеологизмом, устойчивым речевым оборотом, применяемым уже во многих жизненных ситуациях. Непокколебимая вера в такую установку, подобно какому то заговору способствовала психологически выстоять горцам в тяжелых испытаниях выпавших на их долю:

Когда тяжесть беды на плечах, как обвал,
Нес, в теснинах блуждая, мой крепкий народ,
Ту же тяжесть неся, я одно повторял:
«Все равно тень орла на скалу упадет!»

Конечно, автор здесь подразумевает, конкретный трагический эпизод в истории карачаево-балкарского народа, когда в 1943-44 гг. по приказу Сталина, выборочно, целые народы Северного Кавказа подверглись депортации. Тихонову удалось максимально передать эмоциональный накал этих стихотворений, их национальное своеобразие, авторскую поэтику и ритм. Что не могло не сыграть определенную роль в вопросе взаимодействия двух культурных миров, их взаимопроникновения. А образ птицы, в частности орла, сокола, один из самых ярких и благородных символов кавказского поэтического мира. Он устойчив и присущ культурам практически всех народов Северного Кавказа. И то, что именно к птицам, обращены последние слова воинов из перевода чеченского эпоса «Песня о Гамзате», и им поручается почетная миссия передать прощальный привет своим любимым, своему народу, показатель высокой поэтичности и авторитетности этого символа.

Следует отметить, что тема Кавказа в поэзии начала 20 века получила очень яркое воплощение в творчестве Н.Тихонова. Это в частности, а в целом, учитывая, тот факт, что Кавказ образовал в литературе этого времени новый, мощный виток, поэтически «мобилизовал» вокруг себя множество выдающихся поэтов (А.Белый, О.Мандельштам, Б. Пастернак и др.) можно смело утверждать, что она стала одной из ярких тематических каркасов русской литературы; и «непрерывность присутствия темы кавказской войны (вообще, Кавказа – прим.автора) в русской литературе позволяет говорить о ее своеобразном культурном кавказоцентризме»¹³⁴. С этой точки зрения, концепт Кавказа в русской поэзии 20-30 годов отраженный Н.С. Тихоновым сохраняя некую преемственность романтического изображения действи-

тельности созданную еще классиками, явился чрезвычайно интересным и прогрессивным литературным явлением.

А.Ю. Узденова

Система аграрного управления Карачаево-Черкесии во втор. пол. XX в.

Аграрное управление - «то звено, где организуются, трансформируются и реализуются экономические законы общества, определяются формы организационно-экономических отношений, пропорции развития отраслей народного хозяйства, его региональные аспекты, вырабатываются формы и методы функционирования предприятий и организаций». Содержанием управления выступают планирование, организация, контроль, координация, регулирования¹³⁵.

Вплоть до распада СССР действовали две линии реализации аграрной политики - советская (государственная) и партийная.

Согласно закону РСФСР «О Карачаево-Черкесской автономной области» от 1981 г., высшим региональным органом власти, осуществляющим руководство хозяйственным строительством на территории КЧАО выступал *областной Совет народных депутатов*. В его компетенцию входило обеспечение государственного руководства «колхозами, иными кооперативными организациями и их объединениями», за Советом закреплялось также руководство всеми предприятиями и организациями областного подчинения (ст.13). Данным актом определялась компетенция облсовет в планировании и отчетности хозяйственных структур областного подчинения (ст.18), ценообразования (ст.20). Отдельно выделялась статья 23-я «Полномочия в области сельского хозяйства и заготовок». Здесь было прямо указано, что облсовет «руководит сельскохозяйственным производством» (п.1), «руководит мелиоративным строительством» (п.6), «руководит ветеринарной службой» (п.9), «утверждает плановые задания по государственным закупкам» сельскохозяйственных районом, сельскохозяйственным предприятиям, объединениям и организациям областного подчинения (п.2), осуществляет контроль за работой заготовительных организаций (п.4), за соблюдением колхозных уставов (п.7). Были прописаны и полномочия

в области управления и контроля над земельными ресурсами (ст.24), предоставления и изъятия земельных участков, изменения границ и размеров землепользований колхозов, совхозов, других сельхозпредприятий (ст.24)¹³⁶.

Непосредственно исполнение аграрной политики возлагалось на *исполнительный комитет областного Совета народных депутатов (облисполком)*.

Профильным ведомством выступало *управление сельского хозяйства (УСХ) Карачаево-Черкесского облисполкома*. В начале 1960-х гг. оно было сравнительно небольшим, компактным органом, где управленческие позиции занимали в преимущественно молодые специалисты в возрасте менее сорока лет. Так, по состоянию на начало 1964 г. здесь работали: начальник управления 37-летний *Дмитрий Николаевич Онежко* (по специальности инженер-механик), его заместитель 39-летний *Михаил Николаевич Эфрос* (по специальности ученый-зоотехник), главный агроном области 39-летний *Иван Дмитриевич Юрьев* (по специальности ученый-агроном). Все они имели высшее образование, что в управленческой среде аграрной отрасли КЧАО еще не носило массового характера. Впоследствии данную структуру также возглавляли профессионалы с опытом хозяйственного управления. В 1965 г. ОСХУ возглавил 42-летний *Магомед Сарыбиевич Токов* (выпускник Ташкентского СХИ), а в 1968 г. - 37-летний *Борис Михайлович Володин*, Герой Социалистического Труда (выпускник зоотехнического факультета ССХИ).

Деятельность всех хозяйств аграрного сектора в рамках района курировал *отдел сельского хозяйства /ОСХ/ райисполкома*, или исполнительного комитета районного совета депутатов. ОСХ имел двойное подчинение - по линии территориальной (подчиняясь решению райисполкома и райсовета) и по линии ведомственной (будучи подотчетным УСХ).

Районный ОСХ и областное УСХ дублировались соответствующими подразделениями и должностными лицами партийных структур. В частности, имелась должность секретаря обкома КПСС по сельскому хозяйству, который по партийной линии был подотчетен секретарю крайкома КПСС и секретарю ЦК КПСС по сельскому хозяйству.

Установка руководства страны на ограничение вмешательства партийных структур в дела оперативного управления сельхозпредприятий более-менее действовало на уровне самих колхозов и совхозов. Здесь партийные лидеры (секретари парткомов) выступали при решении кадровых вопросов основными помощниками председателя колхоза (директора совхоза), которые реально и обладали «наибольшей властью в селе». На селе председатель сельсовета уступал им по влиянию, а партийная власть «не играла той большой роли, как в городе»¹³⁷.

В 1960-1970-е гг. функционировал областной трест совхозов¹³⁸, что, видимо, указывает на поиски оптимизации организационно-управленческих форм государственной части агропредприятий.

После майского (1982 г.) пленума ЦК партии в стране была создана система Госагропрома СССР, в состав которой входил и *Агропромышленный комитет КЧАО*. Руководство страны считало «принципиальным шагом» стало создание в центре и на местах единых органов управления АПК, которые были призваны «обеспечить реальную и эффективную интеграцию сельского хозяйства и связанных с ним отраслей промышленности»¹³⁹.

Областной Агропромкомитет возглавлял председатель в ранге первого заместителя председателя облисполкома. Функционировали следующие внутренние подразделения Комитета:

1) отдел планирования и социально-экономического развития, в т.ч.:

- группа сводного плана экономических взаимоотношений и ценообразования;
- группа планирования труда и заработной платы;
- подотдел планирования сельскохозяйственного производства;
- подотдел планирования промышленности и других отраслей;

2) отдел нормирования, организации труда и заработной платы, в т.ч.:

- группа по нормированию, организации и оплате труда в сельском хозяйстве;

3) отдел финансов и кредитов;

4) отдел бухгалтерского учета и отчетности, в т.ч.:

- подотдел бухгалтерского учета и отчетности в сельхозпредприятиях;

- группа бухгалтерского учета и отчетности в предприятиях промышленности и других отраслях;

- расчетная группа;

- группа по внедрению АСУ и диспетчерской связи;

- группа по юридическим вопросам;

- группа по ревизиям сельскохозяйственных предприятий, организаций промышленности и других отраслей;

5) отдел по производству и заготовке продукции животноводства, в т.ч.:

- группа по производству и заготовке молока;

- группа по производству и заготовке мяса крупного рогатого скота и птицы;

- группа по овцеводству и свиноводству;

6) отдел по производству и заготовке продукции растениеводства, в т.ч.:

- подотдел по производству и заготовкам зерна, технических культур и семеноводства;

- подотдел горного луговодства и химизации;

- группа по использованию мелиорируемых земель и кормопроизводству;

7) отдел ветеринарии с Госветинспекцией;

8) отдел землепользования и землеустройства с Госинспекцией по использованию и охране земель;

9) отдел по переработке сельскохозяйственной продукции и пищевой промышленности;

10) отдел по механизации и электрификации производства с инспекцией Госсельхозтехнадзора, в т.ч.:

- подотдел по механизации и эксплуатации машин, оборудования и использования топливно-энергетических ресурсов;

- подотдел по механизации трудоемких процессов в животноводстве;

- подотдел по ремонту машин и оборудования;

- Готехнадзор;

- охрана труда, техники безопасности и противопожарной охраны;

12) отдел использования транспорта;

- 13) отдел по материально-техническому обеспечению, в т.ч.:
- подотдел снабжения машинами и оборудованием;
 - подотдел снабжения товарами производственного назначения;
 - подотдел по снабжению запчастями машин и оборудования;
 - подотдел по снабжению запчастями животноводческого оборудования;
 - подотдел по снабжению поставок средств химизации;
- 14) отдел кадров и учебных заведений, в т.ч.:
- подотдел внедрения и пропаганды достижений науки и передового опыта;
 - группа по организации социалистического соревнования;
 - группа ГО и спецработе;
 - группа специалистов по делам комитета;
- 15) Госинспекция по заготовкам и качеству сельскохозяйственной продукции;
- 16) общий отдел.

Судя по ведомственным источникам, это было довольно крупное ведомство со штатом в 165 ответственных. У председателя Комитета было восемь заместителей, один из них – первый; почти 30 штатных единиц составляли руководители подразделений - отделов и подотделов. Кроме того, здесь трудились 125 специалистов четырех градаций (главные, ведущие, старшие и «просто» специалисты)¹⁴⁰.

На уровне районов функционировали *районные агропромышленные объединения* (РАПО). Каждое из них возглавлял председатель, у которого было до 3-х заместителей (по экономике, по производству, по механизации, по животноводству). В каждом РАПО функционировали, как правило, гл. агроном, гл. ветврач, гл. зоотехник, гл. экономист.

В 1986 г. аппарат головной конторы аграрного хозяйства состоял из председателя (директора), 1-2 заместителей, 3-4 выгладел отраслевых руководителей (гл. агроном, гл. зоотехник, гл. ветврач, нач. участка, цеха), 2-х функциональных руководителей (гл. бухгалтер, гл. экономист), - в среднем восемь руководителей¹⁴¹.

После образования КЧР (1991 г.) управление экономическими рычагами региона перешло к республиканскому руководству.

Согласно местному закону «О Совете министров Карачаево-Черкесской Республики», в его ведении находились «управление экономическими и социально-культурными процессами, создает условия для свободного предпринимательства на основе рационального сочетания всех форм собственности, демонополизации экономики, реализации правового механизма рыночной экономики»; правительство составляло прогнозы экономического развития (ст.21)¹⁴².

Позднее компетенция этого органа власти была обозначена в новом законе «О Правительстве Карачаево-Черкесской Республики» (1997 г.), откуда исчезли положения об управлении экономическими процессами, демонополизации, прогнозах. Здесь упоминается об определении форм и методов государственного воздействия на экономические процессы о разработке и представлении на утверждение республиканскому парламенту программы социально-экономического развития, обеспечении его исполнения (ст.18)¹⁴³.

Правительство во главе с председателем подчинялось Главе КЧР, который выступал главой исполнительной власти республики¹⁴⁴ и, таким образом, выступает высшей инстанцией в осуществлении региональной аграрной политики.

Реализация решений правительства и главы КЧР, а также непосредственное управление аграрной политикой осуществлялось министерством сельского хозяйства и продовольствия КЧР.

Была создана государственная инспекция о закупкам, реализации, сертификации и контролю за качеством безопасностью сельхозпродукции, сырья и продовольствия (*Госпродинспекция*) КЧР, функции которой были определены республиканским законом «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» (1999). В этом акте были определены и полномочия правительства КЧР в данной сфере¹⁴⁵

Научное обеспечение управленческих органов, ответственных за проведение аграрной политики, осуществлялось за счет нескольких местных, а также краевых исследовательских структур. В первую очередь это был *Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт сельского хозяйства* (КЧНИИСХ), помимо которого в регионе действовал *Карачае-*

во-Черкесский проектно-исследовательский отдел Ставропольского филиала Кубаньгипрозем; последний проводил ряд исследований, в т.ч. луговых трав для рационального использования пастбищ¹⁴⁶. Кроме того государственные и партийные органы опирались на деятельность ученых-аграриев *отдела экономики Карачаево-Черкесского НИИ экономики, истории, языка и литературы*. Еще в 1950-е гг. были созданы три *сортоиспытательных научных учреждения* Черкесское, Усть-Джегутинское и Зеленчукское, которые проводили совместно с хозяйствами исследовательскую работу по сортоиспытанию и выращиванию гибридных семян¹⁴⁷. Кроме того в области проводилась работа научными сотрудниками *Ставропольского НИИ сельского хозяйства (СНИИСХ)* и *Ставропольского НИИ гидротехники и мелиорации*.

Их функционирование стимулировалось политикой центральных органов власти. 26 августа 1976 г. было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйственной науки и укреплению ее связи с производством». В 1978 г. Минсельхоз СССР издал «Положение о порядке внедрения достижений науки, техники и передового опыта в сельскохозяйственное производство», согласно которому в составе краевых и областных управлений сельского хозяйства предусматривалось создание специальных подразделений, основной задачей которых являлось «составление сводных планов внедрения, контроль и координация работ по их осуществлению, постоянное совершенствование системы внедрения во всех звеньях сельхозпроизводства и подготовка по этим вопросам соответствующих нормативных и инструктивных документов». 11 августа 1978 г. было издано совместное постановление Госкомитета по науке и технике СССР и президиума ВСЦПС «Об утверждении общих методических указаний о порядке изучения и внедрения передового опыта»¹⁴⁸.

По распоряжению Совета министров РСФСР от 11 апреля 1984 г. за №423-р на базе специализированного на производстве семян многолетних трав совхоза «Таллык» (Прикубанский район КЧАО) было образовано одноименное опытно-производственное хозяйство. Оно входило в структуру Карачае-

во-Черкесский филиала СНИИСХ, а после выделения автономии из состава края - непосредственно подчинялось КЧНИИСХ. Хозяйство имело земельную площадь свыше 2,8 тыс. га (в т.ч. пашни 2,4 тыс. га)¹⁴⁹.

Б.Г. Урусов

К вопросу о направлениях работы Карачаевского НИИ в 1930-е гг.

Курс руководства Карачаевской автономной области, которое поручило правлению КНИИ «составить план работы, поставив в качестве первоочередных работ основных проблем развития народного хозяйства области»¹⁵⁰, судя по всему, и определило приоритет в начале исследовательской деятельности института. А именно с изучения проблем экономического развития Карачая, и, прежде всего – аграрного сектора.

И уже в конце февраля 1933 г. сотрудниками института были подготовлены «рукописи трех работ по основным вопросам сельского хозяйства области», составлено около 200 диаграмм и картограмм, отражающих состояние всех отраслей экономики¹⁵¹.

Еще одним важным направлением работы института стали филологические исследования, в первую очередь – по проблемам *терминологии*. И судя по всему, именно этот вопрос в свое время, явился главным катализатором восстановления НИИ. 20 февраля 1933 г. президиум облисполкома поручил руководству НИИ «немедленно приступить к работе терминологической комиссии, назначив председателем комиссии Байрамкулова Умара с освобождением его от работы в ОблОНО (областном отделе народного образования, - авт.)»¹⁵².

Уже в следующем месяце вопрос о терминологической работе НИИ был вновь заслушан (в лице и.о. директора К.Марусяка) на заседании президиума облисполкома, который утвердил план этой работы, а также состав терминологической комиссии: Айтек Батчаев (с заменой на А. Хасанова), Алий Хасанов, Валентина Айбазова, К. Марусяк, Н. Токов, Якуб Коркмазов, Умар Байрамкулов, Исмаил Каракотов, Алимджашар Батдыев¹⁵³.

Вопросы терминологии рассматривались и в последующие годы. Следует подчеркнуть, что восстановлению деятельности

НИИ до войны предшествовало заседание бюро обкома партии 25 апреля 1935 г. по вопросу *"О языковом строительстве"*. В документе, принятом по итогам обсуждения проблемы, говорилось:

"1. Признать, что в языковом строительстве дело создания и введения нового алфавита и установлении орфографии является в основном пройденным этапом, в дальнейшей работе по языковому строительству важнейшей задачей поставить обогащение языка и выработку грамматики (особенно карачаевского синтаксиса)".

В документе выражается согласие с предложением Краевого комитета нового алфавита и Северо-Кавказского Горского института о введении в карачаевский алфавит некоторых букв ("в" и т.п.). В этом же документе отмечались некоторые проблемы языкового строительства – как то насыщение языка заимствованиями из арабского, турецкого и др. тюркских языков и наряду с этим *"тенденции к русификации языка путем замены имеющихся в карачаевском языке слов русскими, – без всякой к тому необходимости, и для тех и для других характерным является игнорирование народного карачаевского языка"*.

Причину этого бюро этого видело в том,¹ что процесс языкового строительства велся в Крайкоме Нового алфавита и Краевом Горском Институте при этом в области отстранились от этой работы.

Бюро утвердило состав Комитета по языку и письменности (при облысполкоме), в который вошли: К.-А.Курджикиев (председатель), Х.Аппаев (зам.), Д.Байкулов (отв. секретарь), И.Тамбиев, Карабашев, Маурер, Родзинский, Созаруков, Кормазов. На Комитет были возложены:

- разработка в скорейшее время /к 1 июня/ орфографии (с обсуждением и апробированием ее в учебных заведениях, областном совещании); проведение работ по составлению и изданию "орфографических словарей слов, употребляемых в народной речи";

- закончить к 1 июля составление, рецензирование, утверждение терминологических словарей "по общественно-политическому циклу, географии, естествознанию и математике";

- организовать "тщательный пересмотр действующей и составление новой грамматики", приняв "в основу создания правил литературного языка оборот разговорной народной речи".

Комитету также вменялось в обязанности "широко вовлечь массы в работы по созданию новых слов в духе родного языка, установив за каждое принятое комитетом новое слово выдачу его автору денежной премии".

Тем же решением государственным органам предписывалось принять нормативные акты, обязывающие нациздателство, авторов, редакторов, переводчиков "и все организации Карачая во вновь выпускаемых работах и ведомственной переписке на родном языке пользоваться только терминами, утвержденными и опубликованными в специальных словарях". Изучение новых слов и терминов предусматривалось организовать во всех школах.

В том же документе содержится просьба к Северо-Кавказскому крайкому ВКП/б/ "разрешить создание при Облкомитете по языку и письменности Научно-исследовательского института по языку"¹⁵⁴.

Уже в 1937 г. было выделено 6000 руб. для финансирования экспедиции по языковому строительству в селенья Карачая и Балкарии, которую организовал Карачаевский комитет нового алфавита¹⁵⁵ (зам. председателя комитета тогда являлся зав. облОНО, и.о. директора КНИИ Я.Джабаккуев¹⁵⁶).

29 января 1938 г. решением бюро обкома партии была создана очередная терминологическая комиссия («Комиссия по просмотру терминов карачаевского языка») под руководством секретаря обкома И.Темирова. В ее состав вошли работники КНИИ (Акбаев, Дудов), а также Алиев Ракай, Глоов Ахмат, Григорьева, Коркмазов Кёккёз (Нациздателство), Коркмазов Якуб, Медвед, Текеев Ахмат¹⁵⁷.

Обращалось внимание на *орфографию* родного языка. В 1934 г. на русском языке А.К.Боровковым была издана орфография карачаевского языка, на который ее перевел и опубликовал несколько лет спустя М.О.Акбаев (в газете «Къызыл Къарачай» за № 244 /1772/ от 21.XI.1938).

Важным направлением деятельности ученых КНИИ было *составление словарей*. 19 октября 1934 г. бюро обкома пар-

тии поручило составление карачаевско-русского и русско-карачаевского словарей бригаде в составе У.Д.Алиева (руководитель), Рамазана Текеева и Магомета Кипкеева, обязав их предоставить рукопись к 1 августа 1935 г. Тем же решением Абул-Кериму Халкечеву поручалось «до передачи рукописи в печать обеспечить тщательный просмотр и рецензию» краевого Научно-исследовательского института (в Ростове-на-Дону) и областной рецензионной комиссии (Аппаев, Кипкеев, Койчуев)¹⁵⁸. Однако план выполнен не был, а работа бригады составителей, поголовно репрессированных, – забраксована. В областной прессе про это писалось: «Составлением русско-карачаевского словаря руководил некто Алиев Умар и его «бригада», состоявшая из Текеева Р., Халкечева, Каракотова и других проходимцев. В своей работе над словарем они руководствовались русско-английским словарем, явно не соответствующим для Карачаевской области. Слова переносились механически, нужные и ненужные. Брались слова церковно-славянские, масса архаизмов и узко-технических терминов загромождала словарь. Не имея никакого основания на это, Алиев получил от бывших директоров Карачаевского института (НИИ, - авт.) Тамбиева и Халилова, до 9 тысяч рублей. Члены «бригады» получали огромные деньги, представляя недоброкачественный материал»¹⁵⁹.

В 1937 г. составлена новая, вторая по счету, бригада по составлению русско-карачаевского словаря, в которую вошли директор НИИ Х.Лайпанов, научный сотрудник НИИ М.Дудов, Гербеков, Кипкеев, Тохчуков. В помощь бригаде был приглашен из Москвы на короткий срок проф. Боровков из Института востоковедения АН СССР. Как отмечала областная газета, «по мнению Боровкова, членам бригады и работникам института надо создать свой словник. Взяв определенную букву алфавита, надо на нее делать выписки всех слов, пользуясь сочинениями Ленина – Сталина, популярно-художественной литературой, газетами, используя готовые словари одного из наиболее родственных Карачаю восточных языков»¹⁶⁰.

Рукописи терминологических словарей по естествознанию, географии, родному языку и арифметике были подготовлены в НИИ уже к марту 1938 г.¹⁶¹

В книге «Советский Карачай. 1920-1940 гг.» (Микоян-Шахар, 1940) отмечено, что к тому времени НИИ уже составил орфографический словарь и краткий русско-карачаевский словарь. В 1941 г. в областном центре вышел в свет «Русско-карачаевский школьный словарь».

Естественно, сотрудники института привлекались и к решению проблем смены национального *алфавита*. Следует напомнить, что такая смена в Карачае происходила неоднократно. Вплоть до второй половины 1920-х гг. местная пресса и учебники издавались на арабице. Затем было принято решение перейти на алфавит, созданный на базе латиницы. 29 декабря 1927 г. решением партийного руководства КАО был утвержден состав областного «Комитета Нового Тюркского /Латинского/ алфавита», в который вошли Рамазан Текеев (тогдашний редактор газеты «Таулу Джашау»), Исмаил Каракетов, Умар Байрамкулов, Али Хасанов, Кайсынов /работник типографии/. Некоторые из них были определены в редакционно-издательскую комиссию (Каракетов, Байрамкулов, Хасанов), а кандидатами к ним стали Тамбиев (видимо, Ислам) и Магомет Кочкаров¹⁶². Через несколько месяцев, в июле 1928 г., партийное руководство области отмечало, что «благодаря проявленной т.Текеевым инициативе газета «Таулу Джашау» в своей карачаевской части перешла на латинскую графику»¹⁶³.

Десять лет спустя, в 1938 году, был разработан новый алфавит карачаевского языка на основе кириллицы, в чем самое активное участие принял тогдашний директор НИИ М. О. Акбаев.

Вопрос о переходе на кириллицу был рассмотрен впервые на высшем провинциальном уровне *16 января 1938 г.* На заседании бюро обкома партии специально рассматривался вопрос "О переходе с латинского графика на русскую графику карачаевской письменности". По данной теме выступили М. О. Акбаев, секретари обкома партии Храмков и И. К. Темиров. В постановлении говорилось:

«Действующий ныне латинизированный карачаевский алфавит сыграл большое значение в поднятии культуры карачаевского народа и нанес сокрушительный удар арабистам, буржуазным националистам, пытавшимся тормозить культурное развитие Карачая. Потребности дальнейшего развития и роста культуры

Карачая обнаруживают и выявляют крупные недочеты действующего карачаевского алфавита на латинизированной основе, как в политическом, так и в педагогическом, культурном, хозяйственном росте Карачаевской области.

1. Латинизированный алфавит затрудняет дело овладения молодым поколением и взрослыми основ науки. Ребенок, обучающийся в 1-м классе, должен усвоить около 70 букв.знаков на карачаевском и русском языках, тем более начертание букв латинизированного алфавита, особенно заглавных букв с надстрочными и подстрочными знаками является весьма трудным. Латинизированный алфавит не дает возможности до конца разработать орфографию родного языка. Недостаток знаков создает удвоенные знаки /.../

Отсутствие мягкого знака "ь" не дает навыка правильного чтения русских и других некарачаевских слов с мягким знаком, как, например: культура – култура, большевик – болшевик и т.д.

Латинизированный алфавит является тормозом сближения карачаевского языка с русским языком, на котором написаны произведения Ленина – Сталина.

Под латинский алфавит не подведена полиграфическая база. Современный же алфавит карачаевского народа лишает возможности пользоваться полиграфической базой русской письменности, что не может не рассматриваться как тормоз в деле развития культуры карачаевского народа.

Балкарская народность с латинизированного алфавита перешла на русский алфавит, язык которой одинаков с карачаевским языком и народности эти взаимно пользуются всей литературой издания на обоих языках и т.д.

Исходя из этого бюро Обкома ВКП(б) постановляет:

Считать необходимым переход с латинизированного карачаевского на новый алфавит на основе русской графики с буквосочетанием для выражения специфических звуков карачаевского языка.

Создать комиссию в составе т.т. Акбаева и Коркмазова для составления проекта нового карачаевского алфавита на основе русской графики и представить в Обком ВКП(б).

Просить Крайком и ЦК ВКП(б) разрешить переход на новый карачаевский алфавит на основе русской графики и шрифта»¹⁶⁴.

Вопрос "Об ускорении перехода на новый алфавит в области" был специально рассмотрен на заседании бюро обкома партии 7 октября 1938 г. В постановлении говорилось: "По требованию грядущихся, Обкома и Облисполкома нашей области, Народный Комиссар просвещения РСФСР утвердил новый алфавит карачаевского языка на основе русской графики. Это мероприятие создает возможность быстрого культурного роста трудящихся нашей области, овладеть всеми высотами науки и культуры великого русского народа, изучать в подлинниках труды Ленина – Сталина, еще боле укреплять братский союз народов СССР".

Еще одним важнейшим направлением работы ученых КНИИ являлись этнография и фольклористика. В 1936 г. сотрудники КНИИ записали на ноты до 30 разных мотивов песен дореволюционного времени; тогда же проектировался их выпуск в сборнике¹⁶⁵. В 1939-1940 гг. сотрудники НИИ (Лайпанов, Дудов, Урусов) производили полевые экспедиции, в ходе которых делались записи песен, легенд о башенных сооружениях на р.Кубани, языческих верованиях и др. Ряд материалов был опубликован, в т.ч. книги «Эски кьарачай джырла» (Старинные карачаевские песни. Микоян-Шахар, 1940), «Кьарачай таурухла» (Карачаевские сказки. Микоян-Шахар, 1940).

Сотрудниками КНИИ велась источниковедческая (архивно-библиотечная) работа. Как признавалось в 1939 г., в Карачае «вопросы экономики, культуры, искусства, истории мало исследуются и изучаются. В области имеется НИИ... Он занят в основном вопросами языка и письменности и пока еще недостаточно вопросами истории Карачая»¹⁶⁶.

Тем не менее, работа в этом направлении проводилась. Сотрудники института работали в архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Пятигорска, Баталпашинска и др. «Институтом, - отмечалось в 1940 г., - собран богатый фонд архивных и печатных документов по истории дореволюционного Карачая, пишутся статьи по истории, этнографии, археологии народа». («Итоги хозяйственного развития и культурного строительства КАО». Л. 75).

Уже до войны ученые КНИИ были знакомы с массой источников по истории карачаево-балкарского народа XVII-XVIII вв. (А.Ламберти, Ж.Шарден, Шильтбергер, И.А.Гильденштедт,

Я.Потоцкий, Рейнеггс, П.-С.Паллас, Вахушти), не говоря уже о литературе XIX-нач. XX вв. (Г.-Ю.Клапрот, Ф.Леонтович, Бутков, К.Ф.Сталь, В.М.Сысоев, Л.П.Загурский, А.Фиркович, Р.Эркерт, Н.А.Вырубов, И.Пантюхов, Щукин, В.Миллер, Н.А.Караулов, К.П.Патканов и др.). Незадолго до начала войны областная газета сообщала, что директор НИИ в библиотеке Академии наук обнаружил донесение русского посольства в Мегрелию (1639-1640 гг.)¹⁶⁷.

Научные работники НИИ начали археологическое освоение родного края. Вопрос "Об археолого-исторической работе на территории Карачаевского автономной области" специально рассматривался на бюро обкома партии 31 мая 1940 г. Власти констатировали, что:

- "Карачаевская автономная область является районом очень богатым археологическими и историческими памятниками";

- "памятники области должны представлять большую научную ценность – как для общей истории, так и для истории нашего Союза, тем более, для понимания истории края и обитающего теперь в нем карачаевского народа – поскольку Карачаевская область лежит на оживленнейших участках путей древних международных отношений";

- "до сих пор область не имела никакого систематического ни учета, ни исследования своих памятников";

- "памятники не только не исследуются и не охраняются, а наоборот – подвергаются уничтожению на почве кладоискательства местным населением".

Ввиду этого партийное руководство предписывало создать археологический отдел в составе Карачаевского областного краеведческого музея. Были достаточно четко обозначены задачи этого музейного подразделения:

- "оказывать всяческую помощь – в силу своих возможностей - любому другому научному учреждению, разрешающему ту или другую частную историческую задачу в пределах Карачая, - имеющему на то соответствующие полномочия";

- сбор "археологического материала по истории... карачаевского народа";

- "воссоздание Генуэзских торговых путей в пределах Карачая".

Предусматривалось, что "весь добываемый вещественный материал должен поступать на постоянное хранение в музей, весь же собираемый фольклорный материал – на постоянное хранение в научно-исследовательский институт". Указывалось, что "весь собранный материал этих учреждений должен оставаться доступным для любого научного работника, имеющего на это соответствующие полномочия".

Далее предписывалось через государственные органы власти "в кратчайший срок добиться проведения реальных мер по охране археолого-исторических памятников области"¹⁶⁸.

(Совершенно очевидно, что и сейчас – почти семь десятилетий спустя – проблема охраны памятников по-прежнему остаётся острой. Чиновничество проявляет если не прямое пособничество "черным археологам", то однозначное попустительство. И это при многократном увеличении численности государственных силовых структур).

Летом 1940 г. была проведена 2,5-месячная совместная экспедиция КНИИ и кафедры истории народов СССР Карачаево-Черкесского госпединститута (КЧГПИ) в составе директора НИИ Х.О.Лайпанова, преподавателей КЧГПИ К.М.Петралеви́ча, Л.А.Сердобольской и 3-х студентов-выпускников. Об этом упоминала и пресса¹⁶⁹.

Работа началась с долины Б.Зеленчука и завершилась в долине Теберды, т.е. продвигалась с запада на восток. Близ аула Архыз в урочище "Старое Жилище" (кар. *Эски Джурт*) участники экспедиции зафиксировали остатки древней церкви, а над ней, на скале – еще более древней небольшой часовни. "Везде были видны следы былой земледельческой культуры – кучи камней, собранных с полей, каменные валы – границы сельскохозяйственных участков"¹⁷⁰. Добавим, что карачаевцы именуют это место "Эски джурт" и в связи с тем, что именно близ аула Архыз локализовалась резиденция их легендарного предводителя Карчи. Здесь расположены развалины сооружения, которое карачаевцы издавна называют *Къарча-Къала* (букв. "Крепость Карчи")¹⁷¹. Упоминается и другой архызский топоним, связанный с именем Карчи – *Къарча-Тёбе* кар.-балк. "Бугор Карчи". Как пишет в 1957 г. Х.Лайпанов, в Архызе "на горе имеется большой курган, называемый Карча-тёбе, где Карча якобы жил со своими

воинами, охраняя от врагов вход в долину. На кургане сохранились развалины жилищ и основание наблюдательной башни"¹⁷².

В долине р.Марухи экспедиция отметила наличие "следов древнего земледелия"¹⁷³.

Участники экспедиции выявили близ Верхней Теберды остатки древнего поселения, в 5 км от устья ущелья Гидам – руины древней крепости на известковой кладке. У жителей Верхней Теберды исследователи обнаружили три каменные плиты с Амгатинского городища (на одной – изображение семи человек в бурках, на второй – четырех бегущих оленей с теленком, на третьей – всадника с луком и тамги в виде стержня на горизонтальной основе и полукруга на верхнем конце). Эти плиты были переданы в Карачаевский краеведческий музей, но были утрачены, видимо, в годы пребывания карачаевцев в местах депортации¹⁷⁴.

Чомаев З.А.-К.

Из хроники «исламской политики» Российской империи

Основы государственной политики в отношении мусульманской части населения страны начали закладывать при Петре I, когда рекрутская повинность стала распространяться на мусульман (1722 г.). В следующем десятилетии была учреждена Новокрещенская контора, которая первые несколько лет именовалась Новокрещенской комиссией (1731 г.).

В целях реализации политики христианизации 11 сентября 1740 г. был издан указ Анны Иоанновны (автор текста - архиеп-рей Казанской епархии Лука Конашевич), согласно которому крестившийся получал от государства денежное вознаграждение (от 50 копеек до 1 рубля 50 копеек) и подарок. 19 ноября 1742 г. новая царица, Елизавета Петровна подписывает доклад Сената о сносе всех построенных после 1552 г. мечетей (в Казанском уезде по этому указу снесли 418 мечетей из 536, в Астраханской губернии - 29 из 40.). Правда, затем последовал ее же указ о разрешении мусульманам Казанского, Свяжского и Симбирского уездов строить мечети в селах с населением не менее 300 человек мужского пола, в которых нет христиан.

Восстание мусульман Поволжья под руководством башкирского имам Батырши 1755-1756 гг. побудило правительство резко изменить курс: прекратилось разрушение мечетей, за мусульманами официально признали право строить новые храмы.

При Екатерине II Новокрещенская контора была закрыта (1764 г.), в последующие годы в Казани открылись Апанаевское, Ахундовское и Амирхановское медресе (1771 - 1780 гг.). При той же царице - в типографии Российской Академии наук был напечатан арабский текст Корана (1787 год). Наконец, 22 сентября 1788 г. был издан указ Екатерины II о создании Оренбургского магометанского духовного собрания, которое располагалось в Уфе (после недолгого пребывания в Оренбурге). Это был первый официальный муфтият России, в состав которого вошли муфтий, назначаемый главой государства, а также три кадия, сменявшиеся каждые 3 года. Последние вначале назначались, позднее стали избираться ратушей, а с 1854 г. - после роспуска мусульманской ратуши - выборы производились совещанием в составе председателя русской ратуши, полицмейстера и ахуна (главы казанских мусульман).

23 января 1794 г. указ о создании еще одного муфтията - Магометанского Духовного правления в Крыму /Симферополь/, деятельность коего позднее была регламентирована Положением о Таврическом магометанском духовенстве (1831 г.).

При Павле I мусульмане получили разрешение на издание религиозной литературы (1800 г.), а затем в Казани начала действовать национальная типография, которая с 1801 по 1829 гг. издала свыше 290 тыс. экземпляров книг религиозного и светского содержания (93 названия), в т.ч., среди них - 43175 экземпляров Корана.

В 1857 г. были определены границы канонической территории уфимского муфтията - Оренбургского округа, в который включались «все прочие губернии и области, кроме Закавказского края, азиатских иноземцев (ташкенцев, бухарцев), живущих в некоторых городах Сибири без принятия подданства» (статья 1142-я XI тома Свода законов).

В 1872 г. были созданы еще два духовных управления - суннитское и шиитское Закавказские магометанские правления,

первое из которых управлялось муфтиям, а второе - шейх-уль-исламом.

Ходатайство командующего войсками Кавказского военного округа перед военным министром об учреждении Управления духовными делами мусульман Кубанской и Терской областей (1889 г.) не было удовлетворено правительством. Основание служило то, что «при таком устройстве муфтий и духовное управление будут затруднять непосредственное воздействие администрации на духовенство» (История религий в России. – М., 2001. С.448).

Таким образом мусульманское духовенство Северного Кавказа продолжало оставаться в ведении уфимского муфтията, который до революции возглавляли:

с 1788 г. - *Мохаммеджан аль-Борындыкый (Гусейнов)*

1823-1838 гг. - *Габдессалам аль-Богельмави аль-Габдери (Абрахимов)*

1840-1863 гг. *Габделвахид аль-Джабали аль-Арбашичи (Сулейманов)*

1863-1884 гг. - *хаджи Салим-Гирей аль-Чингизи (Тевкелев).*

1886-1915 гг. - *мирза Мохаммадьяр бине Туксабай Султанов*

С 1915 г. *Мухаммед-Сафа Баязитов.*

Следующим шагом в либерализации конфессиональной политики стал указ, провозглашавший принципы веротерпимости (12 декабря 1904 г.). В правление последнего царя были проведены исламские форумы - Всероссийский мусульманский съезд (1906 г.), Всероссийский мусульманский съезд в Петербурге, который выработал проект «Пожелания об управлении духовными делами мусульман» (1914 г.) и др.

В 1911 г. было издано распоряжение о недопущении к преподаванию в мектебе и медресе мусульман, получивших богословское образование за границей, преимущественно в Турции и Египте

ЮБИЛЕИ

«МУЗЕ ЛИШЬ ОДНОЙ СЛУЖУ ...»

(К 70-ЛЕТИЮ Р.С. ТЕБУЕВА)

Становление первого послевоенного поколения ученых-историков горских народов Северного Кавказа практически происходило на глазах ныне живущего поколения. К их плеяде относятся и наши земляки, в ряду которых достойное место уже не первое десятилетие занимает Рамазан Сагитович Тебуев.

Он родился 19 ноября 1938 г. в родовом гнезде Тебуевых – старинном карачаевском ауле Учкулан. Он лишился малой родины спустя несколько дней после пятого своего дня рождения, когда со своей матушкой Айшат (урожденной Коркмазовой) был изгнан в Центральную Азию. Он рано лишился отца и долгие, тяжкие годы изгнания выживал на чужбине под сенью Бога и оберегающим крылом многострадальной матери. Как вспоминает Рамазан Сагитович, по иронии судьбы, в село, где жила семья Тебуевых, в начале 1950-х гг. были сосланы члены семьи Л.Берии – его мать-старушка и сестра. И, что самое поразительное, вместе с ними на лавочке часто мирно сидели и беседовали о многотрудной юдоли старушки-карачаевки. Переменчива жизнь!..

Вернувшись на родину в 1957 г., он несколько лет трудился в совхозе «Учкуланский». Несколько лет спустя поступил в первый вуз страны – МГУ им М.В.Ломоносова. Здесь он и получил высшее образование на историческом факультете (1963-1968). В числе его наставников были выдающиеся служители Клио – академик Б.А.Рыбаков, член-корреспонденты АН СССР М.О.Косвен и П.А.Арциховский, проф.П.А.Зайончковский и др. Воспитателем, подлинным ангелом-покровителем являлся археолог-медиевист Я.А.Федоров. Этот выдающийся русский ученый долгие годы заменял Рамазану отца – и знал об этом. «Я вижу, - пишет Яков Александрович молодому ученому в августе 1974 г., - что мой долг – срочно заняться вопросами этногенеза карачаевцев... Буду работать от сердца – ты знаешь, карачаевский народ мне не чужой». И завершает: «Прими от меня отцовский сердечный привет». С теплом Р.С.Тебуев сейчас вспоминает и других наставников. Забавный и поучительный эпизод. Из-

брав для своей курсовой работы популярную тогда тему «400-летие добровольного присоединения народов Северного Кавказа к России» он пришел к проф. Зайончковскому. Тот сразу же указал на полку, попросив взять оттуда книгу с историческими картами. Раскрыв одну из них, датированную 1550-ми гг., профессор попросил посмотреть, каково расстояние от тогдашней России до кавказских горцев. Оказалось – сотни километров. «Так как же, любезный, горцы могли войти в состав России, с которой даже не граничили? Тем более – в средневековье!» Стало стыдно, вспоминает Тебуев, что я доверился пропаганде, но урок – на всю жизнь: прочь дутые авторитеты, верь только фактам, только источникам!.. Кстати, в годы студенчества он успевал подрабатывать на жизнь и в знаменитой киностудии «Мосфильм», где в ту пору практиковался перевод на карачаевский язык художественных фильмов и киножурналов для показа в Карачаево-Черкесии....

Уже на последнем курсе (1967 г.) он устроился на работу в Карачаево-Черкесский НИИ истории, языка и литературы, где стал работать младшим научным сотрудником. В 1969-1990 гг. – старший научный сотрудник, с 1992 г. – зав. сектором истории и этнографии карачаевского отдела, с 1996 г. – зам. директора по социально-экономическим вопросам.

Долгие годы он работал в архивах Краснодара, Ростова, Москвы, Тбилиси, вводя в научный оборот значительный массив источников, который не потеряли своей ценности и сегодня. Кстати, именно тогда им была затронута тема «прорыва к морю», которая в виде проекта трассы Черкесск – Адлер овладела умами нынешних лидеров республики. Оказывается, еще при Николае II был разработан проект (и не один!) прокладки железной дороги Невинномысск – Сухум по нашей территории и – в т.ч. и с тоннелем – через Главный Кавказский хребет. Как не поверить в истину о хорошо забытом старом...

Итогом первых лет научного труда молодого ученого стала вышедшая в 1974 г. первая его монография «Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии». По сути, она стала первым научным исследованием, не просто раскрывшим тему всего дореволюционного периода истории промышленности Верхней

Кубани, но и убедительно осветившим созидательную роль вхождения региона в состав России.

Р.С.Тебуев продолжил исследования в данном направлении и в последующие десятилетия. По итогам их написана весьма солидная монография «От сохи до электроники. Из экономической истории Карачаево-Черкесии XX в.» (в печати).

На рубеже 1980-90-х гг. пали оковы идеологической цензуры, позволившие ученым разрабатывать доселе запрещенные темы отечественной истории. Конечно, для Рамазана Сагитовича, да и большинства его историков-сверстников, лично переживших ужасы депортации, период 1943-1957 гг. в карачаевской истории стал наиболее значимым. Тебуев был включен в рабочую группу научных сотрудников, которая в годы «перестройки» была создана при облизполкоме. Они были призваны выявить пласт архивного материала, необходимый для процесса реабилитации народа. Итогом работы Р.С.Тебуева и его коллег стал составленный им сборник «Депортация карачаевцев: документы рассказывают», изданный КЧИГИ в 1997 г. В своей обширной вводной статье к сборнику составитель приводит не только хронологию этнических репрессий сталинского режима, но и тему незавершенности реабилитации карачаевцев после актов 1957 г. Освещается болезненная тема морального шельмования, импульсами к чему служили 4-й (1974 г.) и 3-й (1981 г.) пленумы обкома КПСС, другие мероприятия тогдашних властей. Он стал одним из авторов учебного пособия «Народы Карачаево-Черкесии: история и культура» (раздел о карачаевцах). Затем вышла монография «Очерки истории карачаево-балкарцев» (2003 г., в соавторстве). Его перу принадлежит несколько десятков научных статей. Помимо сугубо научной работы, он вел и педагогическую деятельность в КЧГУ и КЧГТА. Именно он впервые разработал и вел в университете спецкурсы «Внутренняя политика России на Кавказе (XVI-XIX вв.)» и «Буржуазные реформы на Северном Кавказе и их последствия».

Его научные заслуги получили широкое признание: ему было присуждено ученое звание старшего научного сотрудника, а 2001 г. он был принят в действительные члены петербургской Академии гуманитарных наук. В 2002 г. указом Президента КЧР

ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской Республики».

Можно высказать надежду, что научная неутомимость и исследовательская скрупулезность, равным образом и присущие ему глубокая порядочность и добросердечие, еще долгие годы будут радовать не только служителей Клио, но и всех подлинных любителей истории родного края.

Р.Т. Хатуев, И.М. Шаманов

НА ПУТИ РЕАБИЛИТАЦИИ *(К 50-ЛЕТИЮ М.А.КАРАКЕТОВА)*

Он, несмотря на заслуженную ученую степень, не относится к числу профессиональных научных работников. Его, скорее, можно назвать организатором, в том числе и научной политики республиканского руководства, в которой определенное место занял и наш институт.

Мурат Аубекирович родился 3 апреля 1958 г. в селе Важное. После окончания средней школы №2 в г.Карачаевске (1975) трудился грузчиком в Карачаевском конденсаторном заводе (1975-1976), а с затем - грузчиком и экспедитором Усть-Джегутинского предприятия розничной торговли (1976), грузчиком овощной базы Черкесского горпищеторга (1976-1977).

Прошел срочную службу в Вооруженных силах СССР (1977-1979), после чего работал в Карачаево-Черкесском цементном заводе (слесарь по ремонту оборудования 4-го разряда, 1979), в тресте «Карачаево-Черкесскводстрой» (секретарь комитета ВЛКСМ, 1979-1981), в ВУКС мелиоративных систем Ставропольского края (начальник штаба, 1981-1983).

Затем - на работе в политических структурах: с января 1983 г. - инструктор организационного отдела Ставропольского крайкома ВЛКСМ, с октября того же года - первый секретарь Малокарачаевского райкома ВЛКСМ, с августа 1985 г. - инструктор отдела оргпартработы Карачаево-Черкесского обкома КПСС, с октября того же года - первый секретарь обкома ВЛКСМ. На рубеже 1980-90-х гг. поддерживал национальное движение по реа-

билитации карачаевского народа, участвовал в связанных с ней общественных мероприятиях, в т.ч. и в организации последних.

В мае 1990 г. переехал в Ставрополь, где работал в крайкоме КПСС, вначале - ответ. организатором отдела организационно-партийной работы и кадровой работы, с января 1991 г. - консультантом отдела по связям с общественно-политическими организациями и национальной политики.

С мая 1991 г. работал в Москве (коммерческий директор ТОО «Оскар»).

Несколько лет спустя вернулся в Черкесск, где включился в активную общественно-политическую деятельность (в 1998-2000 гг. - генеральный секретарь МКА «Алан»). На первых выборах Главы КЧР - фактический руководитель штаба генерала армии В.М.Семенова, который одержал победу, завоевав во втором туре голосования свыше 75% голосов (16.05.1999).

В период обострения общественно-политической ситуации М.А.Каракетов довольно смело выступал против отдельных руководителей «силовиков» КЧР и России в связи с прокатившимися по республике терактами (взрывы в домах русских сторонников Семенова - атамана отдела Н.Первакова, депутата парламента КЧР В.Титаренко, члена республиканского избиркома КЧР А.Алексанова, доверенного лица кандидата Г.Токарева, лидера Союза молодежи А.Беланова и др.). *«Странно, - заявил в те дни М.Каракетов, - что все эти бандитские преступления происходят, как и ранее, под негласным покровительством прокурора Карачаево-Черкесии Ауеса Куджева и под наблюдением заместителя министра внутренних дел /России/ Ивана Голубева».* Далее он сказал, что эти лица *«своим бездействием и пособничеством поощряют бандитствующие элементы к беззаконию и совершению преступлений»* («Независимая газета», 10.09.1999).

Однако М.А.Каракетов по принципиальным соображениям отказался войти в состав нового руководства республики и в 2001-2003 гг. возглавлял оппозиционную РОО «Возрождение». После новых выборов лидера республики (2003) возглавил Администрацию Президента КЧР.

Несмотря на то, что ученые КНИИ единодушно и категорически отвергали антинародный курс М.Бадтыева (для сохранения

своего режима навесившего на Карачай ярлык «центра международного терроризма» и пытавшегося играть на теме «карачаевского экстремизма»), адресовали критику и лично руководителю его администрации, Мурат Аубекирович сохранил достаточно хорошие отношения с научным миром. В 2004 г. оказал непосредственную поддержку делу культурной реабилитации карачаевского народа - в плане возрождения Карачаевского НИИ. Его помощь в организации стационарной исследовательской станции в п.Азиатском (Урупский район) была с благодарностью отмечена руководством КНИИ в республиканской прессе (Газ. «Экспресс-Почта», 23.09.2004).

В декабре 2006 г. М.А.Каракетов в диссертационном совете при Ставропольском госуниверситете успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по теме «Развитие макроинвестиционного механизма (на материалах Карачаево-Черкесской республики и Ставропольского края»).

В 2008 г. ему присвоено почетное звание Заслуженного работника государственной службы Карачаево-Черкесии.

УТРАТЫ

Профессор
К.Т. ЛАЙПАНОВ

17 июня 2008 г. Карачаево-Черкесия простилась с одним из зачинателей современной историографии республики Кази Тамаевичем Лайпановым.

Он родился 12 декабря 1924 г. в селенье Джегутинском в семье Лайпановы Тана Таулуевича и Даумхан Хамзатовны (урожденной Борлаковой). Еще до совершеннолетия, в июле 1942 г. добровольцем ушел на службу в Вооруженные Силы СССР. Сначала являлся курсантом I-го Орджоникидзевского Краснознаменного общевоинского военного училища (июль - октябрь 1942 г.) и, еще будучи командиром отделения курсантов, принял боевое крещение в битве за Кавказ.

В качестве командира взвода ПТР 4-го отдельного батальона 103-й отдельной курсантской бригады 47-й Приморской армии с ноября 1942 г. до 13 января 1943 г. участвовал в жестоких боях под Новороссийском, где был тяжело ранен. Длительное время находился на излечении в военных госпиталях Геленджика, Сочи, Баку (13 января - 29 июня 1943 г.), стал инвалидом Отечественной войны II группы и, по состоянию здоровья, был уволен из армии и прибыл на родину, где три месяца проработал учителем начальной школы с.Гюрюльдеука.

В местах депортации трудился бригадиром грузчиков в хлопкозаводе №101 в Южно-Казахстанской области, затем - военруком средней школы в пос.Кант Кантского района Фрунзенской области Киргизии. В 1946-1949 гг. учился на историческом факультете Киргизского госпединститута, который окончил с отличием, затем - факультет языка и литературы Киргизского заочного пединститута (октябрь 1953 г., с отличием).

С августа 1949 по август 1956 г. работал учителем, завучем Кантской средней школы, где преподавал уроки истории, психологии, логики, русского языка, литературы..

После возвращения в Карачай с 1956 г. преподавал историю и психологию в Джегутинской средней школе, с 1958 г. - карача-

евский язык, фольклор и литературу в Карачаево-Черкесском госпединституте.

В 1959-1962 гг. обучается в аспирантуре Азербайджанского госуниверситета им. С.М.Кирова, где блестяще защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидат исторических наук (7.05.1964).

С февраля 1963 г. работает с.н.с. Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, затем в Карачаево-Черкесском госпединституте: с марта 1967 г. - ассистент кафедры марксизма-ленинизма, с сентября 1967 г. - ст. преподаватель, с 1968 г. - доцент, с 1984 г. - профессор той же кафедры. Получил ученое звание профессора (05.1987). С 1 сентября 1995 г. и до конца своих дней - профессор кафедры политологии и истории Карачаево-Черкесской государственной технологической академии.

Им было опубликовано около 200 научных, учебных и учебно-методических работ. Особенно существенный вклад он внес в изучение истории Февральской и Октябрьской революций. Великой Отечественной войны, жизни и деятельности многих революционеров и общественно-политических деятелей, а в последние годы жизни - и в вопросы этнической истории карачаево-балкарцев и других тюркских народов. Широко известны его монографии "Октябрь в Карачаево-Черкесии" (1971), "Борцы за власть Советов" (в соавторстве, 1976), "На крыле времени" (1977), "Умар Алиев" (1986 г., в соавторстве), "О происхождении тюркских народов" (1993, в соавторстве). Он является соавтором таких капитальных научных трудов, как "Очерки истории Карачаево-Черкесии" (т. I, 1967; т. II, 1972), "История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней" (1988). В соавторстве им составлен "Русско-карачаево-балкарский словарь" (1965).

Казн Танаевич с первых дней существования воссозданного Карачаевского НИИ помогал научной молодежи, поддерживал с ними тесные связи, выполнял роль доброго наставника, неформального тамады. В архив Института им был передан ряд материалов, а по его личному желанию именно под редакцией сотрудников Карачаевского НИИ и под нашим грифом увидели свет его работы «Карачай и карачаевцы. Очерки, статьи, заметки» (2005), «Тюркский мир: истоки и связи» (2008).

Активно участвовал в национальном движении, последовательно, до конца жизни отстаивал идею восстановления самостоятельной национальной государственности карачаевского народа, преступно ликвидированного сталинским режимом в 1943 г. Избирался сопредседателем Карачаевской демократической организации «Джамагъат», народным депутатом Карачаево-Черкесского областного Совета народных депутатов.

Награжден орденами Славы III-й степени, Отечественной войны I-й степени, орденом Дружбы (1998), 15-тью медалями, в т.ч. боевыми. Отличник народного просвещения РСФСР (1977), действительный член - академик Международной тюркской академии, Заслуженный деятель науки КЧР. Некоторое время являлся членом Научного Совета Академии Наук СССР.

Кази Танаевич для нас являлся образцом настоящего горца, который не раз смотрел в лицо смерти, испытал тяжкие духовные и физические страдания, но оставался исключительно жизнерадостным, доброжелательным человеком, подлинным интернационалистом.

Ученый Совет КНИИ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Бердников И.С.

Об управлении духовных дел магометан

Илья Степанович Бердников — выдающийся канонист, доктор церковного права. Родился в 1839 году. Профессор Казанской Духовной академии и Императорского Казанского университета. Умер в 1915 году.

В духовные дела магометан правительство наше долгое время не входило. Только при Императрице Екатерине II было обращено внимание на организацию магометанского духовенства. В 1788 году было учреждено в г. Уфе духовное магометанское Собрание для заведования всеми духовными делами этого исповедания на восточной окраине России. Магометане, жившие на юге и западе России, подлежали ведению Таврического муфтия. В 1794 году и там — в Симферополе, было учреждено магометанское духовное Правление (Варадинов. История Министерства внутренних дел. Ч. II. Кн. 1. С. 134–135). В 1831 году был издан устав о Таврическом магометанском духовенстве; он был первым систематическим сводом законов о магометанском духовенстве. Он был применен и к управлению магометанским духовенством в Оренбургской округе и лег в основание Положения о духовном управлении магометан, заключающемся в Своде Законов.

В 1872 году было издано Положение об управлении духовными делами магометан Закавказского края, которые доселе были изъяты из ведения Оренбургского и Таврического магометанского Правления. В главных чертах это положение сходно с порядками, принятыми для Оренбургского и Таврического Правления; но в нем точнее определены некоторые пункты, касающиеся государственного положения магометанской веры. В Продолжении в Своду Законов 1890 года к ст. 1142 Устава Ин. Исповеданий приложено было «Положение об управлении Закавказского мусульманского духовенства Шиитского и Суннитского учений». Впоследствии оно инкорпорировано в Изложе-

ние Устава ин. испов. 1896 года и занимает здесь статьи 1443–1672.

Магометанское духовенство кроме того, что ведает и судит духовные дела магометан, еще имеет право суда и в некоторых гражданских делах. Так, например, оно имеет право рассматривать и решать по правилам магометанской веры дела о частной собственности, возникающие между магометанами по завещаниям или при разделах наследственных имуществ. Впрочем, недовольные решениями его по сим делам могут обращаться в общие судебные места с просьбою о рассмотрении и решении их дел по общим законам Империи. Кроме того, магометанское духовенство имеет право решать дела о неповиновении детей родителям и дела о нарушении супружеской верности. Но ни в этих, ни в других случаях оно не может приговаривать к телесным или посрамительным наказаниям, а ограничивается лишь увещеваниями и наложением духовного наказания и исправления. Если же оно сочтет нужным присоединить и светское наказание, то приговор его представляется чрез Духовное Правление к местному губернатору, который дает сему приговору дальнейший ход по общим законам (уст. ин. испов. 1896 г. ст. 1346–1347, 1399). В положении о Закавказском духовенстве магометанском права его уменьшены в этом отношении: ему предоставлено только разбирать дела гражданские в качестве третейских судей то есть когда обе спорящие стороны обратятся к кому-либо из духовных лиц с просьбой о разбирательстве и изъявят свое удовлетворение постановленным решением (Уст. ин. испов., ст. 1507–1510).

Магометанское духовенство назначается по выбору магометанского общества и по утверждению государственной властью. Муфтий назначается Высочайшим указом, кадии назначаются с утверждения Сената, а приходское духовенство — с утверждения губернского начальства (уст. ин. исп. 1360–1363, 1416). Также точно в Закавказье Шейх-Уль-Ислам назначается Высочайшим повелением, члены Духовного Правления определяются Кавказским наместником, а прочие духовные лица — губернатором (ст. 1460–1463). Гражданское начальство при представлении и утверждении кандидатов магометанского духовенства обращает внимание не только на степень их подготовленности к

своему служению и на нравственные качества, но и на преданность престолу и закону (ст. 1414). В Закавказском крае требуется относительно избираемых лиц удостоверение, что они не принадлежат к каким-либо не дозволенным со стороны правительства обществам или учениям, например, мюридизму; требуется подписка самих избираемых, что они и впредь не будут принадлежать к воспрещенным обществам и фракциям политическим (ст. 1458). В обеспечение политической благонадежности лица, определяемые на должность по ведомству мусульманского духовенства, прежде вступления в оную приводятся к присяге на верность Государю и на точное исполнение своих обязанностей по установленной форме (ст. 1371–1373, 1469). Правительственные места для управления магометанским духовенством считаются правительственными учреждениями, имеют правительственную печать, вообще носят официальный характер. Они подчинены местному губернскому правлению, а служащие в них канцелярские чиновники считаются на государственной службе (Уст. ин. испов. 1374–1376, 1378, 1403, 1407, 1411, 1415, 1444–1445, 1449, 1450, 1460, 1469, 1488, 1513, 1516, 1528–1529, 1530, 1534–1536, 1541).

Магометанские духовные лица своим положением обязываются исполнять известные гражданские обязанности. Так, в Положении о Закавказском магометанском духовенстве выражены следующие требования к ним. Мусульманское духовенство, исполняя обязанности по отправлению богослужения, обрядов и треб по правилам своей веры, с тем вместе обязано исполнять неуклонно законы и распоряжения правительства. Независимо от собственного примера оно обязано поучениями своими внушать одноверцам непоколебимую верность и преданность Государю Императору и послушание установленным властям. Все высокочестивые дни должны быть чествуемы духовенством в мечетях возношением, по обрядам мусульманской религии, молений Господу Богу о здравии и долголетии Государя Императора, Государыни Императрицы, Наследника Престола и всего Царствующего Дома, согласно правилам и предписаниям по сему предмету от высшего начальства. Чины мусульманского духовенства обязаны по требованию правительственных мест и лиц приводить мусульман к присяге, неуклонно соблюдая пред-

писанные шариатом условия для действительности, силы и ненарушимости клятвенного обещания, а также должны увещевать обвиняемых и преступников исполнять вообще поручения начальства, свойственные духовному званию. Если явится надобность отправлять богослужение по случаю общественных бедствий, а равно и мусульманских праздников представлениями, торжественными ходами и народными сближениями, то старшее в приходе духовное лицо обязано заблаговременно доводить до сведения местной полицейской власти и поступать во всем согласно распоряжениям оной. В случае обнаружения между мусульманами вредных и нетерпимых правительством толкований и учений или неблагонамеренных разглашений каждое духовное лицо обязано отвращать от оных вразумлениями и увещаниями и немедленно доносить о том местному начальству. Мусульманские духовные лица подчинены единственно властям, установленным русским правительством. Им воспрещается без особого позволения главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе обращаться к иностранным духовным или иным властям за какими-либо наставлениями и разъяснениями; в случае получения таковых они обязаны немедленно представлять оные местному гражданскому начальству, под опасением за сокрытие их взыскания по уголовным законам. При погребении умерших духовенство мусульманское должно руководствоваться установленными для сего общими законоположениями. Сбор для отправления за границу и самая отсылка за границу даяний мусульман на дела благотворительности, а равно доходов с имуществ мечетских, училищных и иных, именуемых вакуфами, без предварительного на то согласия Духовного Правления и разрешения главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе воспрещается под опасением ответственности по законам уголовным. О всяком нарушении сего правила и обнаруженном покушении на оное мусульманские духовные лица обязаны доводить до сведения местного гражданского начальства (Уст. ин. испов., ст. 1483–1488, 1491–1492).

Содержание приходского магометанского духовенства лежит на обязанности приходских обществ. Размер сего содержания определяется особыми приговорами (Уст. ин. исп., ст. 1391, 1468, 1583). На содержание же должностного духовенства и пра-

вительственных учреждений по управлению мусульманским духовенством отпускаются средства из казны (ст. 1411). В случае командировок и переездов по распоряжению правительства лица магометанского духовенства получают прогонные деньги из казны. Казии, в случае разъездов по обязанностям надзора за приходским духовенством, получают необходимые для того перевозочные средства от подлежащих приходских и сельских обществ. Мечети, школы, кладбища и другие духовные установления магометанские содержатся на их частные средства. Для этого магометанам дозволяется дарить и отказывать по завещанию в пользу своих духовных установлений движимые и недвижимые имущества, которые называются у них вакуфами. Разрешается также делать особые сборы от доброхотных приношений мусульман под именем зеката, мал-имама и др. (Уст. ин. испов., ст. 1391, 1546–1553, 1661–1668). В положении о Закавказском мусульманском духовенстве выражено предположение о возможности производить содержание и должностному духовенству, вместо казенных средств, из остатков от частных доходов и сборов, находящихся в распоряжении мусульманского духовенства (ст. 1663).

По общему правилу лица, отправляющие богослужение по обрядам вер нехристианских, не составляют особых в государстве сословий. Тем не менее они и их дети пользуются по своему особому положению некоторыми преимуществами. Таковые преимущества усвоятся и магометанскому духовенству. Так, духовные лица, принадлежащие к округу Таврического магометанского Духовного Правления, а равно и дети их изъяты от телесных наказаний (Уст. ин. исп. 1896 г., ст. 1349). От воинской повинности они не освобождаются. Духовные чины Оренбургского магометанского округа и дети их изъяты от наказаний телесных. Они подлежат платежу податей и повинностей смотря по сословию, к которому принадлежали до назначения в духовенство. Но прихожане их, по добровольным их общественным приговорам, могут освобождать их от этих повинностей, принимая отправление их на себя (ст. 1419). В Закавказье духовные лица магометанского закона считаются свободными от платежа податей и повинностей, пока состоят на должности, или пожизненно, если прослужили беспорочно не менее двадцати лет или

оставят должность за увечьем (Уст. ин. исп., ст. 1473–1476). Дети Шейх-Уль-Ислама или Закавказского муфтия, прослуживших беспорочно не менее двадцати лет, пользуются правами потомственного почетного гражданства, а дети чинов высшего Закавказского мусульманского духовенства Шиитского и Суннитского учений, как то: меджлисов и казиев, прослуживших также не менее двадцати лет, — правами личного почетного гражданства (Свод Законов. Т. IX. Зак. о сост. 1899 г., ст. 511, п. 6. и ст. 512, п. 4).

Ислам и христианство на Северном Кавказе: история взаимоотношений

Екатерина II именным указом Правительствующему Сенату от 5 мая 1785 года учредила Кавказское наместничество, состоящее из двух областей: Кавказской и Астраханской(1). Увлеченная западными принципами веротерпимости и удовлетворяя потребности мусульманского населения России, императрица в 1788 году учредила в Уфе Оренбургский муфтият. В 1794 году появился второй муфтий – Таврический, в чьем ведении состояли крымские татары. В 90-х годах XIX века правительственной комиссией по татарским делам при МВД был поставлен вопрос о том, следует ли учреждать третий муфтият во Владикавказе, однако он так и остался открытым, поскольку многие российские деятели считали, что открытие муфтиятов было серьезной государственной ошибкой (2). Жизнь мусульман Кавказа руководили созданные в 1872 году Суннитские и Шиитские духовные управления, подведомственные царской администрации края. Центральным правительственным органом, контролировавшим жизнь российских мусульман, по-прежнему оставался Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел(3). А. И. Ногманов, казанский ученый, дает детальную периодизацию истории взаимоотношений между царизмом и исламом в России. Он выделяет 50-60 годы XIX века - 1917 г. как период «цивилизованного» или скрытого отрицания ислама, носившего не столько законодательный, сколько идеологический характер. «Цивилизованность» выражалась в завуалированности действий властей, в создании системы правовых ограничений для мусульман на уровне подзаконных и ведомственных актов. Качественно новый поворот в отношении Российского государства к исламу связан с реакцией российских мусульман на Крымскую войну, усилением отпадения крещеных татар, резким увеличением мусульманского населения империи за счет новых территориальных приобретений. Со второй половины XIX века ислам начинает рассматриваться уже как сила «опасная» для самой самодержавной власти, а не просто как чуждое православному государству вероисповедание(4).

На рубеже XIX – XX веков империя Романовых вступила в эпоху «сумерек монархии». Два последних десятилетия XIX века стали временем торжества охранительной политики «православного консерватизма», попыток «великодержавного» наступления на нравы неправославного населения империи(5). Российское правительство всячески препятствовало созданию самостоятельного северокавказского мусульманского духовного управления. Когда в 1889 г. командующий войсками Кавказского военного округа возбудил перед военным министром ходатайство об учреждении Управления духовными делами мусульман Кубанской и Терской областей, ему было отказано ввиду того, что «при таком устройстве муфтий и духовное управление будут затруднять непосредственное воздействие администрации на духовенство(6)».

Чиновники и местные духовные лидеры неоднократно высказывали пожелания об образовании нового муфтията для Северного Кавказа. В 1890 г. князь А. М. Дондуков-Корсаков предлагал создать духовное управление мусульман во Владикавказе. Этот проект был отклонен по настоянию МВД: усиление влияния служителей мусульманского культа уменьшило бы значение русского воздействия на население, духовенство и школы. За образование муфтията на Северном Кавказе высказывался и начальник Терской области(7). Во всеподданнейшем отчете за 1909 год наказной атаман Терского казачьего войска писал, что упорядочить религиозный вопрос можно лишь путем учреждения самостоятельного мусульманского духовного управления и семинарии с преподаванием в ней кроме богословских и светских наук на арабском и родном языках еще и русского языка. На полях данного отчета император Николай II начертил: «С этим я не согласен(8)». В 1893 году в Военном министерстве возник план переподчинения духовных дел мусульман Северного Кавказа местным гражданским властям, однако и этот план не осуществился.

Очень неудобным для горцев Терской области было расположение их духовного мусульманского правления. В Закавказье имелось в тот период Шиитское и Суннитское духовные правления, но ведение их не распространялось на Терскую и Кубанскую области. Мусульманское население этих областей подчи-

нялось учрежденному в Уфе магометанскому духовному собранию.

Оренбургское магометанское духовное собрание непосредственно главенствовало над всем исламским духовенством, включая область Таврического духовного управления с центром в городе Симферополе, западные губернии и Закавказье. Оренбургское собрание воздерживалось от управления духовными делами мусульман Северного Кавказа, ссылаясь на то, что последние до сих пор не были переданы в его ведение. Сама кавказская администрация не знала, к кому надлежит в случае необходимости обращаться — к муфтию закавказскому или оренбургскому. Таким образом, фактически Северный Кавказ в духовном отношении не подчинялся Оренбургскому духовному правлению, а в Терской и Кубанской областях религиозная жизнь находилась под контролем военных властей(9). На территории Терской области проживали в основном мусульмане-сунниты. Для суннитского ислама характерны прагматизм, установка на узаконение утвердившихся убеждений, обрядов и институтов.

Очерчивая в 1911 г. важнейшие стороны тогдашней русской жизни, фельдмаршал Д. А. Милютин полагал целесообразным предоставить лицам «иноплеменного» населения, в том числе и мусульманам, все «общие права по службе государственной и общественной, так же, как и по всем легальным видам деятельности»(10). Однако на практике российские мусульмане были лишены многих прав, в отличие, например, от христианского населения страны. Так, во Владикавказе была необходимость в создании духовной семинарии для подготовки кадиев и мулл, однако этого сделано не было. В то же время христианские духовные семинарии и школы действовали на Кавказе почти повсеместно. Чечня славилась ученостью своих мулл, в числе которых были духовные лидеры, известные на всем Кавказе. Мулла обыкновенно договаривался с общиной об исполнении богослужений и других обязанностей на один год, по прошествии которого по взаимному согласию договор мог быть оставлен в силе и на следующий год. Нередко сельский старшина бесплатно брал на себя обязанности муллы. Мечети являлись особым юридическим лицом. Они владели недвижимым (мечетные загоны и покосы) и движимым (мечетные овцы) имуществом. Население

выражало беспокойство – как бы правительство не уничтожило право мечетей на эти земли. По дорогам, вдали от поселений, встречались маленькие молельни, устроенные благочестивыми людьми над родником, выбивающимся из-под земли. Молельни составляли общее достояние. Здесь останавливались отдохнуть и помолиться(11).

До установления российской власти муллы не вели учета рожденных детей. По распоряжению наместника на Кавказе по мечетям стали рассылаться в 2-х экземплярах метрические книги, куда муллы были обязаны вписывать всех новорожденных. Велась книга на арабском языке, с обязательным переводом на русский язык, засвидетельствованном аульным старшиной. Проверкой метрических книг занимались кадии – шариатские судьи(12). На кадиях лежало общее наблюдение за духовенством, мечетями и мечетными школами. Кроме того, кадии, как неперемные члены горского словесного суда, решали брачные дела и принимали экзамены на утверждение духовных должностей. В случае обжалования решений кадия или горских судов по религиозным вопросам эти жалобы сообщались начальником области на заключение Оренбургскому магометанскому духовному собранию или же Закавказскому суннитскому духовному правлению и после получения такого заключения начальник области выносил окончательное решение. Для облегчения благонадежности призванных в царскую армию мусульман в каждом военном округе была введена должность штатного муллы.

Мусульмане в конце XVIII века составляли всего 4% населения России; их доля заметно выросла только в XIX веке. По материалам переписи 1897 года мусульмане являлись второй по численности после православных вероисповеданий группой населения империи. Их насчитывалось 13 889 421 человек. На Кавказе мусульмане составляли 1/3 населения(13). Только в период с 1853 по 1859 год в начавших тогда функционировать частных татарских типографиях было издано 82 300 экземпляров Корана, 169 900 экземпляров его частей (хавтиак). Каждый успех, достигнутый Россией на пути развития науки, техники, культуры и просвещения сказывался в какой-то мере на ее мусульманском населении: среди него появились обученные солдаты и офицеры, технически грамотные рабочие и специалисты,

зарождалась гуманитарная интеллигенция, в основном вышедшая из среды мусульманского духовенства, развивалось школьное дело, книгопечатание, журналистика, подчас опережавшие аналогичные явления в остальном мусульманском мире (14). На Северном Кавказе во второй половине XIX века государству приходилось быть особенно осмотрительным по отношению к исламу. К «нецивилизованным» средствам «отрицания» ислама власть старалась прибегать в редких случаях и только тогда, когда она вполне была уверена в своих силах и возможностях. Наместник на Кавказе (1862-1881 гг.) Михаил Николаевич Романов во всеподданейшем отчете главнокомандующего за 1863-1869 гг. сожалел о том, что «как ни желательно, в интересах православия и русской власти, уменьшить, по возможности, преобладание в горском населении мусульманского элемента, но, с одной стороны свойственная той же власти веротерпимость, а с другой – опасение неблагоприятных для спокойствия края последствий побуждают ограничиваться одними паллиативными средствами». Эти паллиативные средства, по мнению наместника, должны заключаться в поддержании христианства в крае и противодействие мусульманству в тех случаях, когда оно ведет свою пропаганду насильственно, с явно политическими целями(15). Начальник Терской области в своем отчете за 1892 год отметил некоторые моменты положительного влияния ислама на население вверенной ему территории. «Учение кунтистов, - писал он, - как в нравственных своих основаниях, так отчасти и в сфере мистической не только не вредно для туземного населения, но в значительной мере оказывает на него безусловно полезное влияние, налагая на своих последователей обязательство делать добрые дела и постоянно стремиться к общению с Богом...»(16). Чеченская устная традиция сохранила слова Кунта-Хаджи, еще в эпоху имамата Шамиля требовавшего прекратить войну, чтобы спасти народ от истребления. Так же устная традиция приписывает шейху Дени Арсанову следующие слова : «Как раньше для войны требовалась шашка, так сегодня нам нужны наука и знания» (17). В 1904 г. Терский областной комитет выступил с инициативой установить образовательный ценз для мусульманского духовенства. В 1894 г. МВД запретило преподавать в мусульманских школах иностранным подданным, а также

пользоваться религиозными книгами заграничного издания. Министерство просвещения упорно пыталось распространить свой контроль на мусульманские конфессиональные школы, но в этом вопросе не встречало поддержки МВД, боявшегося усиления недовольства мусульман. Первостепенное значение в «успокоении» кавказских мусульман, по словам военного министра Д. А. Милютин, могла сыграть организация Россией системы образования горцев «у себя самих» при участии лояльных по отношению к монархии Романовых исламских духовных лиц. Милютин как рационально мыслящий прагматик понимал, что лишь силой «подавлять религиозность» мусульман-горцев Кавказа нельзя и поэтому надо изыскивать более гибкие способы и обходные пути воздействия на местное «мусульманство». Мусульмане в Российской империи XIX века представляли собой значительную силу, что учитывали российские власти, не без успеха пытавшиеся привлечь их на свою сторону. В частности, известно, что османский консул в Тифлисе Хасан Хасиб жаловался в Стамбул на кавказского муфтия Хусейна Гаябова как главного проводника политики России среди мусульман, награжденного за это царским орденом Св.Владимира.

К концу XIX века мусульман в России было столько же, сколько и в Османской империи, - 18 млн. Вместе с тем верхушка мусульманских общин в России XIX века при всей своей внешней зависимости от царских властей на деле обладала весьма реальной самостоятельностью и умело ею пользовалась. «Дореволюционное мусульманское духовенство Русской империи, - писал известный на Западе чеченский историк Абдурахман Авторханов, - выступало не только как высшее моральное руководство живущих в ней мусульманских народов, но представляло собой одновременно и организованную национально-политическую силу, с которой считалось правительство. Оно представляло собой и экономическую силу - мусульманские учреждения владели вакфами, т. е. движимым и недвижимым имуществом, завещанным в пользу мечетей. Вакфы располагали благотворительными учреждениями (госпиталями, приютами для стариков, вдов, сирот). В их распоряжении имелись и земли, которые безвозмездно обрабатывались верующими» (18). Начало познания и сближения двух мировых культур началось для

России очень давно. Русские составляли 2/3 жителей всех улусов Золотой Орды, казацки войска в Орде так и называли «Ордынская Русь». Ранее преобладавшие в южнорусских степях кыпчаки-половцы составляли значительную часть казаков. Постоянная экономическая связь с русскими городами, где казаки сбывали продукты охоты, скотоводства и рыболовства, смешанные браки, нескончаемый приток беглецов из русских земель (по экономическим и религиозным причинам, но чаще – по политическим соображениям или в поисках безопасности) создавали условия для формирования в казацкой среде особого варианта русского этноса с обычаями, чертами языка и быта, заимствованными у других народов. А среди этих народов были потомки самых разных этносов. В частности, установлено наличие потомков хазар как среди татар Астрахани (мусульман), так и среди казаков Северного Кавказа (христиан)(19). В годы Кавказской войны беглых русских солдат и офицеров, казаков у Шамиля было очень много, и он очень ценил их. Для пленных и перебежчиков вблизи Ведено был построен отдельный поселок с церковью и костелом. Русских крестьянок или казачек, отбившихся от родного гнезда, Шамиль посылал в это поселение, и они вольны были выбрать там себе мужей, причем один из поселенцев, по общему избранию, исполнял при венчании обязанности священника. Если же кто из поселенцев добровольно принимал ислам, то такому предоставлялось право жениться на мусульманке и давался земельный надел. В имамате поляки даже создали полковой оркестр, игравший мазурку во время наступления горцев(20). При несомненном стремлении Шамиля придать войне религиозный характер связи между горцами-мусульманами (в первую очередь чеченцами) и русскими-христианами (прежде всего казаками) не прерывались. Об этом горско-казацком содружестве было немало написано в XIX веке, в частности о гребенском казаке, в 1819 году переплывшем буйный Терек, чтобы предупредить чеченцев о предстоящем штурме их селения Дады-Юрт; о бегстве к Шамилю казака Яхонтова с пятью товарищами в 1849 году, восьми казаков и казачек в 1850 году, 33 казаков и двух священников-старообрядцев в 1851 году. Справедливости ради надо подчеркнуть, что в целом ислам в России никогда не искоренялся. Правящая династия Романовых даже роднилась с касимовской зна-

тью: тетка Петра I Евдокия Васильевна Нарышкина (жена брата царицы Натальи Кирилловны) была внучкой касимовского царя Алп Арслана, происходившего по прямой линии от Кучума. При этом Москва всячески подчеркивала свое уважение к исламу. «Мой государь – говорил в Стамбуле русский посол Иван Новосильцев в 1570 году, – не враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саип Булат, господствует в Касимове, царь Кайбула в Юрьеве, князья ногайские в Романове, все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях»(21). Служилый касимовский хан Шах-Али (одно время бывший ханом Казани) командовал армией Ивана Грозного в Ливонской войне. Сам Иван Грозный со стороны матери происходил от князей Глинских, возводивших свой род к бежавшим в Литву в XIV веке потомкам золотоордынского правителя Мамайя. Царевич Худайкул (в крещении Петр Ибрагимович) четырежды замещал в Москве уходившего в военные походы великого князя Василия III (1505-1533). Знаменитому роду князей Юсуповых положил начало предводитель ногайских татар Юсуф-мирза, поступивший на службу к Ивану Грозному. Князья Урусовы происходили от Едигея (одного из полководцев Тамерлана), князья Черкасские – от мамлюкского султана Египта XV в. Сайф ад-Дина Иналя. Эмиры и князья, а также прибывшие с ними соплеменники (дружинники, родственники, друзья, единомышленники), постепенно смешиваясь с русскими, дали впоследствии начало множеству фамилий российского дворянства. К Корану и вообще учению ислама неоднократно обращались русские писатели и философы: А. Пушкин, И. Бунин, П. Чаадаев, Л. Толстой, В.Соловьев и Г.Федотов. Еще в 1716 году по приказу императора Петра Великого был переведен на русский язык Коран. В отличие от первых переводов, сделанных с французского и английского языков, в 1878 году впервые был создан перевод оригинального арабского текста Корана. Переводчиком был Гордий Саблуков, казанский миссионер и востоковед, учитель Н. Г. Чернышевского по Саратовской гимназии. В 1787 году в типографии Академии наук по приказу Екатерины II впервые в России был напечатан полный арабский текст Корана. В 1800 г. в России было разрешено печатать без ограничений мусульманскую религиозную литературу, чем и занялась специально от-

крытая для этого в 1802 г. типография в Казани. К 1806 году она издала ряд книг по исламу общим тиражом свыше 40000, в том числе 3500 экземпляров Корана. В 1832 году Коран был здесь же переиздан тиражом 6000, в 1852 году – 23600, к 1859 году тираж достиг 82300 экземпляров. Все эти издания получили широкое распространение среди мусульман не только в России, но и за ее пределами. Они послужили образцом для последующих изданий Корана в Османской империи, Индии и Египте. Характерно, что арабо-мусульманская культура и теология изучались по первоисточникам в научно-учебных заведениях империи, например в Казанском университете, в Ришельевском лицее Одессы: Л. Н. Толстой изучал арабский и турецкий языки в Казанском университете. В городах России (Петербурге, Казани, Баку, Оренбурге, Тифлисе, Бахчисарае, Ташкенте, Темир-Хан-Шуре) работали типографии с арабским шрифтом. В 1911-1914 гг. делались попытки перевода Корана на татарский и азербайджанский языки для мусульман, плохо знавших арабский. Все это происходило далеко не в светском государстве, а в стране, государственной религией которой являлось православие. К XIX в. русское правительство в основном поняло необходимость сотрудничества с мусульманами, а общественное мнение России стало проявлять постоянный интерес и уважение к исламу. По мере того, как с середины XIX в. происходило стремительное расширение границ Российской империи, постепенно менялась официальная позиция относительно исламоведческой подготовки чиновников. С конца XIX – начала XX вв. компетентность в области исламоведения стала входить в перечень профессионально значимых показателей для российских государственных служащих в регионах традиционного распространения ислама. В это время начинают действовать курсы по изучению основ мусульманского вероучения и шариата при Министерстве иностранных дел и Министерстве внутренних дел.

До сих пор остается без удовлетворительного ответа вопрос: в чем, собственно, причина столь длительного и ожесточенного противостояния между севеорокавказскими народами, прежде всего чеченцами, и Россией? Попытки объяснить его прежде всего религиозными противоречиями ничего на самом деле не объясняют. Из всех течений христианства и ислама особенно

близки по своей сути и духу православие и суннизм. Между приверженцами этих верований могло бы не быть серьезных конфликтов, если бы следователи всем предписаниям своих верований.

Православная церковь на Северном Кавказе с самого начала не проявляла особой миссионерской активности в отношении коренных горских народов, вследствие чего в XVII-XIX вв. одновременно с процессом становления в регионе православных церковных структур среди славянского населения происходило завершение исламизации кавказских горцев. В состав России, рассуждал В. С. Соловьев, входили представители западных и восточных народов; «...и если должна быть война, то это уже будет война междоусобная. Тут уже не одна христианская совесть, но и человеческая мудрость говорит о примирении»(22). Необходимо учитывать также тот факт, что ни в царское, ни в советское время у церкви не было ни потребности, ни возможности открыто объявлять о своем понимании принципа свободы совести: ее деятельность полностью контролировалась государством, и мнение церкви на сей счет власть не интересовало. Из истории российской экспансии следует, что в рамках своей традиционной политики и практики, государство, начиная с московских времен, обнаруживало определенную терпимость к верованиям своих неправославных подданных. И хотя оно приветствовало и поддерживало миссионерскую деятельность носителей православия, но лишь до той поры, пока такая деятельность не создавала угрозу для достижения главных первичных целей этого государства – поддержания социальной и политической стабильности и извлечения хозяйственной выгоды из интегрированных в состав России территорий(23).

В 1866 г. кистов-мусульман насильственно крестили. В начале XX века в кистинских селах увеличилась численность мусульманских проповедников. Отсутствием у кистов собственной письменности воспользовались муллы, пытавшиеся ввести у кистов изучение арабского языка, однако многие кисты, когда-то принявшие крещение, не позволили своим детям учить арабский язык(24). В России, по общему принципу, свобода проповеди принадлежала исключительно православной церкви, как господствовавшей, а следовательно, привилегированной. Иноверцы не

могли обращаться в свою веру православных. Всякое отпадение от православия считалось преступлением, против которого принимались как предупредительные, так и карательные меры. Отвлечение и отступление из православия в другую веру несло «своротителю» каторгу. Согласно закону 4 декабря 1862 г. иноверцы-нехристиане до 14-летнего возраста крестились не иначе, как с письменного согласия их родителей или опекунов, с 14 лет – без согласия последних. Решением Сената от 12 марта 1891 г. наказывались лица, препятствовавшие убеждением, угрозами и насильем принимать другим людям крещение. Однако в российском законодательстве так и остался открытым вопрос о наказаниях за насильственное обращение иноверца в христианское исповедание. По закону, дети, родившиеся в смешанных браках, должны были быть воспитаны в христианской вере. Высшего распоряжения о поселении христиан среди мусульман никогда на Кавказе не было, наоборот, приверженцам ислама запрещалось жить с христианами и их выселяли из сел. Согласно Переписи 1897 г., в Терской области проживало 39,5% православных, в Кубанской области – 91,1%, в Дагестанской области жило всего 2,9% православного населения. Процент староверов (3,72%) ко всему населению Терской области был самый высокий на Кавказе. Количество иудеев по отношению ко всему населению Терской области было довольно значительно (0,7%). В городе Москве эта величина составляла 0,77%, в Петербурге – 1,34%, в Нижегородской губернии 0,17%. Мусульман в Терской области было подавляющее большинство, по сравнению с количеством приверженцев других верований.

К сожалению, зачастую мусульмане Северного Кавказа были ограничены в некоторых правах, относящихся к свободе совести. Например, в Терской области преследовались зикристы, публично исполнявшие обряды своей веры; в армии и на государственной службе мусульмане могли подняться по иерархической лестнице только до определенного уровня и т.д. В то же время после завершения Кавказской войны, имея значительное политическое и военное превосходство, царское правительство не допустило насильственного крещения чеченцев, как это делали европейцы в своих колониях.

1 Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). – М., 2001. С.269.

2 Воронеж Е.Н. Нужны ли для России муфтии? – М., 1891. С.1.

3 Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. – М., 2001. С.23.

4 Ногманов А.И. Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI – начале XX в. // Пути познания России: новые подходы и интерпретация. – М., С.303.

5 Арапов Д.Ю. Указ. соч. С.24.

6 История религий в России. – М., 2001. С.448.

7 Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг. Дисс. канд. ист. наук. – СПб., 1999. С.301.

8 Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (19-нач.20 в.). – СПб., 1998. С.129.

9 Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг. Дисс. канд. ист. наук. – СПб., 1999. С. 301.

10 Арапов Д.Ю. Д.А.Милютин о «мусульманстве» // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных, экономических и технических наук: Межвузовский сборник научных и научно-методических трудов. Т.2. Вып.2. – М., 2003. С.229.

11 Труды Комиссий по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1908. С.216-217.

12 Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг., 1917. С.14.

13 Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю.Арапов. – М., 2001. С.24.

14 Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып.1. – М., 1998. С.23.

15 Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX -- начале XX века (на материалах Терской области). Дисс. канд ист.наук. – М., 2004. С.158.

16 Всеподданейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ, 1893. С.23.

17 Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. II. – М., 2001. С.16.

18 Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995. С.133-134.

19 Ланда Р.Г. Там же. С.77.

20 Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М., 1997. С.77.

21 Ланда Р.Г. Указ. соч. С.72-73.

22 Щетинина Г.И. Вл. Соловьев: исторические взгляды // История и Историки. – М., 1995. С.246.

23 Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 2000. С.107.

24 Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. – Тбилиси, 1990. С.231

Ибрагимова Зарема Хасановна,
кандидат исторических наук, с.н.с. Института востоковедения
РАН.
(«Религия и право», №1-2, 2006)

Из материалов 1-го съезда СОГК

**ВЫСТУПЛЕНИЕ Р. КАПЛАНОВА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА ОБЪЕДИНЕННЫХ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА**

Председатель предлагает заслушать доклад члена Президиума съезда Рашидхана Капланова об организации Союза Объединенных Горцев. Капланов: «Горцы! С установлением нового строя стало ясно, что переживаемый момент должен будет определить судьбы народов России, быть может, на много веков. Этот момент диктует необходимость коренного переустройства всех политических и социальных норм. Наступило время переоценки всех ценностей. Ясно, что теперь все, кто имеет силы подняться в уровень государственного строительства, должны немедленно мобилизовать свои силы. Нужно помнить, что кто не станет активным, организованным в этот ответственный момент, тот будет только материалом для строительства. В связи с этим определяются и наши задачи. События застали нас врасплох: мы не были подготовлены, не были организованны. И вот это последнее обстоятельство не могло не внушать нам опасений.

Не исключалась возможность старых приемов в отношении к народностям, приемов натравливания одной национальности на другую. Само собою являлась мысль о необходимости объединения. Много трудностей возникло при этом: мы были лишены всех источников и возможностей культурного развития. Все эти особенности положения и трудности мы учли и не остановились и перед тем, что у нас есть моменты, затрудняющие общую работу, например, разность языка, ибо мы знали, что вместе со всем этим мы имеем могучие цементирующие нас факторы: религия, право, условия экономического быта. Мы не могли не учесть и того, что не так давно мы, горцы Кавказа, бок о бок отстаивая свою свободу, орошали своей кровью наши горы. А это иногда может спаивать племена больше, чем что-либо другое. И вот все это дало нам возможность поставить на реальную почву вопрос об объединении. При этом мы не ограничились одной Терской областью, мы стали искать союзников, и это легко было сделать. Наши соседи дагестанцы отделяются от нас только

формальной границей, разделяющей одну область от другой. Ясно, что это деление чисто условное. Дальше. Мы отправились в Баку. Здесь не трудно было установить, что мусульмане Закавказья живут одними с нами идеалами. Так окончательно окрепла мысль о нашем Союзе. Каковы же основные цели нашего Союза. Прежде всего цель нашего Союза - чисто оборонительная. Мы говорим, кто задевает одного из нас, тот задевает всех нас, и в этом покушение на наши права, мы этого не допустим». (Громкие аплодисменты).

Эта часть речи Капланова была немедленно переведена на чеченский, кумыкский и кабардинский языки.

«Но, - продолжает Капланов, сохранение существующего положения нас не удовлетворяет. Мы должны добиться удовлетворения наших требований в реальных формах. В этом смысле наш Союз наступательный. Это не значит, что мы кому-то угрожаем, отнюдь нет, мы хотим только добиваться осуществления наших общих требований. Далее, каждое племя сохраняет полную возможность внутреннего самоопределения. Союз в этом отношении не будет делать никаких покушений, он хочет только обеспечить каждому племени возможности достижения его жизненных задач. Кроме того, наш Союз явится членом общекавказского мусульманского Союза. При этом мы не должны были забывать ни одной нашей народности, расколовшейся в отношении религии (аплодисменты). Мы не должны были выставлять положения, что только мусульмане могут быть членами нашего Союза. Как известно, часть осетин православные, часть - мусульмане, но они - горцы и их интересы - наши интересы (аплодисменты). Высшей инстанцией нашего Союза должны быть съезды, созываемые из расчета по одному делегату на каждые 15000 душ населения. Постоянным органом, проводящим в жизнь постановления съезда, программу его, должен быть исполнительный, Центральный Комитет Союза Объединенных Горцев. Вот в общих чертах тот проект Союза Объединенных Горцев, который выдвигает Временный Центральный Комитет» (аплодисменты).

2 мая 1917 года.

Во имя Аллаха Единого и Пророка Магомета.

Религиозная секция первого свободного Съезда Объединенных Горцев, заседавшая в городе Владикавказе 3-5 мая 1917 года пришла к следующим решениям:

1. Ввести во всех судах по всем делам мусульман правила Корана и Шариата.

2. В столице Российского государства должна быть учреждена должность Шейх Уль Ислама, избираемого мусульманами России на точном основании Шариата. Шейх Уль Ислам пользуется правами министра по мусульманским религиозным и политическим делам. При Шейх Уль Исламе должен быть совет из шести представителей, избранных по правилам Шариата: по два от Шафиитов, Ханифитов и Джафаритов.

3. Для мусульман Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Черноморской губернии, ногайцев, караногайцев и туркмен Ставропольской губернии учреждается должность «Кавказского муфтия» с резиденцией в городе Владикавказе. При муфтии должен быть совет из четырех кадиев по два от Шафиитов и Ханифитов.

4. Для мусульман каждой области: Дагестанской, Кубанской и Терской, со включением в последнюю ногайцев, караногайцев и туркмен Ставропольской губернии, учреждается Областные Шариатские суды, состоящие из кадиев, по одному от мусульман каждого округа, избираемых правоспособными мусульманами на точном основании Шариата. Эти суды являются апелляционными в отношении решений Окружных Шариатских судов.

5. Для мусульман каждого округа учреждаются должности

Окружного кадия и Шариатские Окружные суды, состоящие из кадиев, избранных на точном основании Шариата, по одному от каждого участка, суды эти являются первой инстанцией для всех дел, возникающих между мусульманами и апелляционной в отношении решений сельских кадиев. В округах, где существуют два горских Словесных суда, Шариатские суды учреждаются не менее двух.

6. Для каждого сельского общества учреждается должность сельского кадия, избираемого правоспособными мусульманами данного общества. Сельскому кадию подсудны только гражданские дела не свыше 300 рублей.

7. Сельские имамы избираются правоспособными по Шариату членами данного общества, а выборы кадиев всех судов производятся через уполномоченных от правоспособного населения соответствующего района, если затруднится собрание населения того района.

8. Сельские имамы и кадии экзаменуются Окружными кадиями, а сии последние и все члены Окружных и Областных Шариатских судов экзаменуются муфтиями. До осуществления муфтиата лица эти экзаменуются временным религиозным советом при Комитете Союза Объединенных Горцев (см. п. 15).

9. Определение количества уполномоченных для выбора сельских и окружных кадиев и членов Шариатских судов предоставляется усмотрению соответствующего собрания правоспособных избирателей.

10. Выборщиками муфтия и членов его совета являются по четыре уполномоченных от каждого участка знатоков Шариата.

11. Срок всех перечисленных выборных должностей кроме Шейх Уль Ислама исчисляется трехлетний. При вторичных выборах могут избираться и выбывающие.

12. Порядок выбора Шейх Уль Ислама и членов Совета, при нем должен быть установлен правомочным собранием всех мусульман России.

13. В каждом округе или племени должно быть открыто мусульманское учебное заведение, для подготовки мулл и кадиев с соответствующим курсом Шариата и необходимыми предметами светской науки

14. В г. Владикавказе, резиденции муфтиата, должно быть открыто высшее мусульманское учебное заведение (Юридическая Академия Шариатских наук), с полным курсом Шариата и всеми нужными предметами светской науки.

15. Религиозная секция постановила просить Горский Съезд об организации при Комитете Союза Объединенных Горцев особого религиозного совета из 9 лиц: по три от Дагестанской и Терской областей, два от Кубанской области и один от ногайцев, кабарогайцев и туркмен Ставропольской губернии. Религиозный совет должен ведать религиозными делами мусульман Северного Кавказа до учреждения муфтиата.

Приложение: арабский текст.

За председателя религиозной секции, товарищ председателя, Магомед Абдулкадыров.

При выработке правил о выборах согласно п. 9 и вообще, при судоустройстве, необходимо иметь ввиду мнения наших юристов, заключения коих должны лишь не нарушать прямых предписаний Шариата. Кроме того, срок, на который выбираются кадии (п.11), может быть и не трехлетний.

Духовная секция пришла к таким решениям:

1) Для мусульман Терской, Дагестанской, Кубанской и Сухумской областей, Ставропольской и Черноморской губерний и Закавказского округа учреждается «Кавказское Духовное Правление» с резиденцией в городе-Владикавказе.

Кавказское Горское Духовное Правление состоит из 9 духовных лиц, один из них Председатель правления, он же муфтий, остальные члены правления кадии, состав их определяется так: по три лица от Дагестанской и Терской областей, двое от Кубанской и Сухумской областей и Ставропольской и Черноморской губернии и Закавказского округа.

СПИСОК ЧЛЕНОВ КАВКАЗСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ, ИЗБРАННЫХ НА СЪЕЗДЕ

Единогласно избранных членов Кавказского Горского Духовного правления. Председатель правления - Гоцинский Нажмутдин. Члены правления по Терской области:

От ингушей:

Абдул-Карах-Хаджи.

От чеченцев:

Шугаип Эфенди.

От кабардинцев:

Шогенов Алихан - прапорщик.

От тюркского народа:

по Кубанской, Сухумской области и Ставропольской губерний:

Алиев Умар Эфенди Мударрис - преподаватель Высших Восточных училищ.

От черкесского народа:

по Кубанской области и Черноморской губернии:

Идрисов Сабит Молла.

От Дагестанской области:

- выборы отложены.

5 мая 1917 г.

ПРОТОКОЛ ОБЪЕДИНЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ СЪЕЗДА ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА СОВМЕСТНО С ВОЙСКОВЫМ КРУГОМ КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ.

Президиумом первого съезда горцев было получено от Президиума 2-го Войскового Круга следующее предложение: «В Президиум первого свободного съезда горцев, во Владикавказе, апреле и мае месяцах 1917 года:

Президиум 2-го свободного Войскового Круга Терского казачьего Войска просит Президиум Съезда горцев не отказать уведомить Президиум Круга, не сочтет ли Президиум Съезда Горцев полезным пойти навстречу искреннему желанию Президиума Войскового Круга устроить соединенное заседание двух съездов казаков и горцев для упрочения на вечные времена добрососедских отношений, а затем для совместной, в комиссии, выработке мер по урегулированию общих сторон жизни казаков

и горцев в новых условиях общерусской политической жизни». Открытие объединенного заседания съезда.

В 4 часа дня в Кадетском Корпусе состоялось соединенное заседание обоих съездов. Председательствовал Б. А. Шаханов. За столом - полный состав Президиума горцев и казаков.

Собрание приветствуют Троцкий (Директор Корпуса):

«Впервые в стенах этого зала собираются горцы и казаки. Здесь всегда постоянно живут вместе дети и мусульман, и казаков и интересы их всегда одни и те же. Нет разобщенности. Думаю, что у казаков и горцев такая же дружная работа».

5 мая 1917 года.

РЕЧЬ ЧЛЕНА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ, КОМИССАРА ПО ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ, ВОЙСКОВОГО АТАМАНА М. А. КАРАУЛОВА.

Я с особенным удовольствием приветствую соединенное заседание горцев и казаков. Давно уже старое правительство наложило свою руку на казаков и на горцев. Караулов излагает историю политики русского правительства в отношении горцев и казаков. Но, говорит депутат, казаки все же жили в лучших условиях и объединялись они тоже в лучших условиях. Поэтому, вероятно, и казачий съезд собрался раньше горского. Помните, господа, что в единении сила (аплодисменты). Это заседание должно быть залогом нашей совместной работы, я призываю вас к ней и думаю, что все вопросы будут решаться нами сообща для будущего благоденствия всего Северного Кавказа. Я уверен в этом, думаю, что так думаете и вы. Еще раз приветствую и кланяюсь (долгие аплодисменты).

5 мая 1917 года.

РЕЧЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ОБЪЕДИНЕННЫХ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА Б. А. ШАХАНОВА.

Продолжу в исторической последовательности то, о чем говорил М. А. Караулов. Раздавив нашу свободу, царское правительство пошло дальше по пути разъединения казаков и горцев. Оно создало ненужное для казаков и оскорбительное для нас, горцев, управление Терской области, подобное же было и в Кубани. Население, составляющее четверть общего населения области, фактически всеми управляло. Я повторяю, что эта привилегия не была нужна и казакам. Но это было так и это сделало нас врагами. Революция все изменила. Она изменила старые

способы управления и сделала так, что теперь не стало ни горцев, ни казаков (шумные аплодисменты). Не будет вражды, если у нас будут общие лозунги, а эти лозунги даны русским пролетариатом и теми передовыми слоями русского общества, которое теперь объединилось для создания правительства, в руках которого будет, надеюсь, не призрачная власть.

Я призываю к объединению и вот тогда, когда мы объединимся, не будет никаких разногласий. (Шумные аплодисменты. За наше объединение «Ура!», громкие аплодисменты, заглушаемые криками «ура»). 5 мая 1917 года.

РЕЧЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ 2-го ВОЙСКОВОГО КРУГА, ПОМОЩНИКА АТАМАНА М. А. КАРАУЛОВА ЕСАУЛА МЕДЯНИКА. Господа горцы! Приветствую Вас от имени Войскового Круга, который является выразителем чувств и взглядов всех казаков. Приветствую вас как братский народ, живущий с нами свыше ста лет. Мы, казаки, привыкли уважать в Вас благородство характера, мы уважали Вас и ваши чувства, когда бились с вами, как честные противники. Теперь же, когда судьба свела нас, мы приветствуем Вас, как наших сотрудников. То чувство, которое мы питали к Вам, когда были врагами, переносится теперь на иную почву сотрудничества, на почву всеми нами любимой свободы. То разъединение, которое было среди нас, и поддерживалось не нами и не вами, а тем самым старым правительством, которое выставило нас авангардом своего деспотизма. Но теперь мы - авангард свободы (шумные аплодисменты). Уважаемый наш Председатель говорил, что областью управляли казаки. Нет, это ошибка, ибо управляли 10 генералов. Среди которых не было ни одного казака, разве только один генерал Н. Н. Баратов, у которого мать была туземка. Все эти чучела - Гаибовы, Колюбакины, Флейшеры, это были не казаки, а служители старой власти, которые только назывались казаками и как таковые разоружили нас (аплодисменты).

Теперь, когда настали новые дни, казаки первые сказали, что они раз и навсегда отказываются от управления областью. Мы не хотим этого, а хотим жить с вами дружно (шумные аплодисменты и крики «браво»). Итак, господа, все старые чучела сброшены, и сброшены с легкостью, а мы будем вместе жить и мирно трудиться (громкие аплодисменты).

5 мая 1917 года.

РЕЧЬ Т. ДУДАРОВА НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ ГОРСКИХ НАРОДОВ КАВКАЗА

Приветствую Вас, представителей свободных граждан России, горцев. Я буду говорить как горец. Во всем мире не было народа более угнетенного, чем наши горцы Кавказа, а в особенности магометане. Мы были не только пролетариями труда, но мы были также пролетариями духовно и даже национально. Но что же случилось, что все несчастные пролетарии и чуть даже не парии собрались и так свободно обсуждаете свои нужды, горе и радость. А вот что! Великий могучий русский народ спал под гнетом своего царизма, который овладел им и правил так, как «Соловей Разбойник», сидя на семи дубах. Но проснулся славный богатырь Илья Муромец. Засвистела калена-стрела и свалился Соловей Разбойник с семи дубов и вздохнул свободно русский народ и вот когда славный, могучий русский народ почувствовал, как сладка эта свобода, то сказал: «Да будут свободны и все другие народы также угнетенные, как и мы» и возвратил Вам, славным горцам, борцам за свободу, эту славную, дорогую свободу. И вот теперь, братья горцы, мы, все тридцать миллионов пролетариев мусульман, поблагодарим этот славный, могучий и добрый русский народ. И я думаю, не только мы, тридцать миллионов, мусульманское население нашей Родины России, а и трехсотмиллионное магометанское население всего мира, которое и теперь еще угнетено и остается париями под властью других народов, отблагодарит этот славный русский могучий народ и добрый народ за то, что он возвратил свободу их братьям.

В ответ последовала грандиозная манифестация в честь русского народа, аплодисменты и громкое «ура» всего собрания.

Все разошлись с радостным чувством, унося в свои аулы наилучшие воспоминания о первом свободном съезде горцев.

5 мая 1917 года.

ДОКЛАД АГРАРНОЙ СЕКЦИИ НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ ГОРСКИХ НАРОДОВ КАВКАЗА.

Признавая в принципе, что земля должна принадлежать трудящемуся населению, съезд полагает окончательное разрешение аграрного вопроса предоставить учредительному собранию, в виду серьезности момента и сложности аграрного вопроса. Вместе с тем съезд выражает пожелание, чтобы в отношении горцев

мусульман аграрный вопрос был разрешен согласно нормам Шариата, который защищает интересы трудящихся. Вместе с тем, принимая во внимание, что не в пример остальному населению России горские племена Кавказа не пользуются до сего времени правами собственности на землю, съезд находит необходимым:

1. Чтобы все земли и леса, занимаемые горским населением - ногойцами, караногойцами, и туркменами Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний, теперь же, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, были признаны неотъемлемой собственностью перечисленных племен.

2. Чтобы земли, леса и воды, отнятые казной у горцев и пр. народностей, входящих в состав Союза Объединенных Горцев, были немедленно возвращены сим народам и, наконец, Чтобы все свободные казенные земли Крестьянского Поземельного банка в пределах территории горского населения и смежных с нею поступили немедленно для обеспечения земель безземельных и малоземельных горцев и пр. народностей, вступивших в Союз Объединенных Горцев.

6 мая 1917 года.

(Рукописный фонд ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Проверенные копии. Газета «Время» 1917 год.)

Материалы органов власти Карачаевского округа

Приказ № 109

Председателя Карачаевского Окружного ревкома
по Карачаевскому Округу

8-го февраля 1921г. г. Кисловодск

20 января 1921 г. в Красной Москве Верховной Властью РСФСР Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов принято и утверждено, а 26 января в «Известиях» его за № 16 опубликовано положение об автономной Горской Советской Социалистической Республике в составе округов: Чеченского, Ингушского, Осетинского, Кабардинского и Балкарского.

Вместе с тем наказом Всероссийского Центрального исполнительного Комитета организуется особая Комиссия для определения ее границ. Она составляется из представителей заинтересованных сторон и Центральной Власти, причем ВЦИКом вменено в обязанность этой Комиссии особо принять во внимание интересы карачаевцев.

Таким образом, автономия горских народов, декларированная еще в ноябре минувшего года в г. Владикавказе Народным Комиссаром по делам Национальностей тов. Сталиным – наша автономия – совершившийся факт.

У нас, в истории угнетенных, загнанных, забитых народов, начинается новая, светлая эра духовного, экономического и политического возрождения, и мы должны приложить все усилия, чтобы быть достойными тех вольностей, которые теперь нам возвращаются руками русских рабочих и крестьян, спустя много десятков лет после того, как они у нас были отняты.

Таким образом, злостные слухи народных представителях, умышленно и настойчиво распускаемые в горской среде вашими врагами, врагами вашего освобождения, вашей республики и всех трудящихся, - эти слухи оказались не более как гнусной провокацией.

Товарищи! Будьте стойки и не поддавайтесь провокации. Сравнивайте слухи и факты, вдумывайтесь в те и другие, и только тогда делайте свои выводы.

Не позволяйте врагам революции, врагам трудящихся затуманивать ваши головы. Вот мой призыв к вам.

Председатель Карокревкома Умар Алиев

Об административном разделении Карачаевского Округа на участки (районы)

В целях наиболее планомерного и правильного удовлетворения нужд широких масс трудящихся Карачая и сплочения их вокруг Советской власти, Карачаевский Округ в административном отношении разделяется на четыре нижеследующих участка (района):

1-й участок, район Большого Карачая, куда входят аулы:

- а) Хурзук,
- б) Учкулан,
- в) Карт-Джурт,
- г) Даут,
- д) Джазлык

с районным Исполкомом в ауле Учкулан

2-й участок, район малого Карачая, куда входят аулы:

- а) Курорт Теберда,
- б) Верхняя Теберда,
- в) Нижняя Теберда,
- г) Георгиевско-Осетинский,
- д) Воронцово-Карачаевский,
- е) Хумаринский,
- ж) Каменноостский,
- з) Нижне-Маринский,
- и) Верхне-Маринский

с районным Исполкомом в ауле Каменноостском

3-й участок, Закубанский район, куда входят все Закубанские коши, т.е. кочевые хутора (в количестве 120 кошов) и аул Ново-Даутский с районным Исполкомом в станице Сторожевой.

4-й участок Кисловодского района, куда входят аулы:

- а) Хасаут,
- б) Старо-Абуковский,
- в) Джегутинский,
- г) Кошевики этого района (в количестве 200 кош.)

с районным Исполкомом в ауле Старо-Абуковском.
Председатель Окружного Карачаевского
Революционного Комитета Алиев (Умар)
Зав. Отделом Управления Куатов
Управдел Ансенс

Прим.: Решение Ревкома от 2 февраля 1921 г. территория Карачаевского округа была разбита на четыре участка: Закубанский, Каменноосткий, Кисловодский и Уччуланский.

Приказ № 156
Карачаевского Окружного Революционного Комитета
14 марта 1921 года г. Кисловодск

По Карачаевскому Округу

Карачаевский Окружной Революционный Комитет, являющийся чрезвычайной формой организации Советской власти, взявши на себя революционным путем всю полноту власти в Каро-округе для установления твердого Революционного порядка, приступая в настоящее время к организации нормальной Советской власти в Округе постановил:

- 1) Реорганизовать Ревкомы в Советы на местах и созвать участников (районные) Съезды Советов и Окружной Съезд.
- 2) Открытие 1 Окружного Съезда Советов Карачаевского Округа назначить 23 марта с.г. в г. Кисловодске

Порядок дня

1. Текущий момент
2. Доклад Предревкома.
3. Земельный вопрос.
4. Продовольственный вопрос.
5. Военный вопрос.
6. Борьба с бандитизмом и укрывателями.
7. Урегулирование добрососедских отношений с Кабардой и балкарцами.
8. Улучшение быта по сельскому хозяйству (устройство, исправление дорог, открытие заводов проч.).
9. Охрана и развитие скотоводства.
10. Народное просвещение.

11. Борьба с эпидемиями и эпизоотией.
12. Административное деление Карокруга и организация новых аулов в плоскостях переселения горцев.
13. Доклад с мест.
14. Выборы в Окружной исполнительный Комитет.
15. Выборы на учредительный Съезд Горской Советской Социалистической республики.

Приказ № 1

Исполнительного Комитета Карачаевского Округа

3 мая 1921 года

г. Кисловодск

Объявляется для всеобщего сведения состав Президиума, членов и заведующих Отделами Исполнительного Комитета Совета трудовых горских депутатов Карачаевского Округа

Президиум

1. Тов. Алиев Умар	- Председатель.
2. Куатов Рамазан	- тов. Председателя.
3. Хасанов Алий	
4. Герюгов Алисултан	Член
5. Батчаев Магомет	- Секретарь

Члены Исполкома

1. Тов. Алиев Умар
2. Куатов Рамазан
3. Хасанов Алий
4. Герюгов Алисултан
5. Батчаев Магомет
6. Халилов Саид
7. Фомин Иван
8. Тороп Филипп
9. Алиев Шахим
10. Хубиев Иммолат
11. Урусов Мудалиф.
12. Курджиев Къурман.
13. Токов Наны.
14. Биджиев Тохтар.
15. Кочкаров Магомет.

Кандидаты

1. Тов. Ревин-Ботров Григорий
2. Байчоров Хаджисхан.
3. Хубиев Ислам.

Заведывающие Отделами

1. Тов. Батчаев Магомет - Зав. Отделом Управления
2. Герюгов Алисултан - Председатель Совколхоза
3. Алиев Шахим - Зав. Земельным Отделом
4. Биджиев Тохтар - Зав. Отделом Народного

Образования

5. Хасанов Алий - Собес
6. Кочкаров Магомет - Здравеохранения
7. Курджиев Къурман - Рабоче-крестьянской ин-

спекции

8. Куатов Рамазан - Продкомиссар
9. Хубиев Хасанбий - Зав. Финотделом
10. Токов Наны - Отделом Юстиции
11. Сивоконь Михаил - Бюро статистики
12. Батчаев Айтек - Бюро Народной связи

Председатель Исполкома
Секретарь

Алиев Умар
Е. Кочаров

Области, края, АССР и АО в составе РСФСР в мае 1930 г.

Области, края, АССР, АО (центр, столица)	Дата обра- зования	Площадь, км ²	Население, тыс. чел., на 01.04.1930
Северо- Кавказский край (Ростов- на-Дону)	17.10.1924	293 616	9209,3
В т. ч. Адыгей- ская АО (Крас- нодар)	27.07.1922	3015	113,7
Ингушская АО (Владикавказ)	07.07.1924	3193	75,1
Кабардино- Балкарская АО (Нальчик)	01.09.1921 (16.01.1922)	11 550	204,0
Карачаевская АО (Микоян- Шахар)	26.04.1926 (12.01.1922)	8412	64,6
Северо- Осетинская АО (Владикавказ)	07.07.1924	6306	152,4
Черкесская АО (Баталпашинск)	30.04.1928 (26.04.1926; 12.01.1922)	1403	37,0
Чеченская АО (Грозный)	30.11.1922	11 500	415,6

Источники: Административно-территориальное деление СССР. 10-е изд. — М., 1930

Административно-территориальное устройство РСФСР на
15.11.1931 г.

Республики, края, облас- ти Админист- ративный центр	Тер- ри- то- рия, тыс. кв. км	Населе- ние на 01.01.31		Адм. тер- рит. единицы		Населенные пункты			
		Все го, тыс чел.	в т. ч. сель- ское	Рай- оны	Сель- ские советы	Го- ро- да	в т.ч. са- мо- сто- ят.	Раб. по- сел.	Сельск. нас. пункты
Северо- Кавказский край	294	936 8	7267	114	2005	35	15	12	13467
Адыгейская АО	3	126	126	3	42	0	0	0	320
АО Ингу- шетия	3	82	80	4	41	0	0	0	206
Кабардино- Балкарская. АО	12	224	209	7	104	1	1	0	249
Карачаев- ская АО	9	72	71	3	36	1	1	0	62
АО Север- ная Осетия	6	172	170	5	73	0	0	0	286
Черкесская АО	1	41	41	2	35	1	1	0	54
Чеченская АО	12	526	370	11	170	1	1	1	1531

ПРИМЕЧАНИЯ

К статье И.С.Кипкеева

1. Мальбахов Б.Н., Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда (Внутренние и внешние аспекты истории). - Нальчик:Эльбрус,1994. – С.276.
2. КРО. – Т.1, -С.204-205; Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда... – С.302.
3. КРО. – Т.1. – С.97.
4. Эвлия Челеби. Сиахат намэси. – Т.VII. – Истанбул, 1928. – С.708.
5. КРО. – Т.II. – С.370.
6. Там же. – Т.I. – С.250.
7. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М.:Наука, 1974. – С.81.
8. КРО. – Т.II. – С.58.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). - Ф.ВУА, д. 6171, л, 3 об.
10. Потто В.А. Кавказская война. – Т.1. – Ставрополь, 1994. – С.616-617.
11. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (АКАК). Т. VI. ч.2. – Тифлис, 1874-1875. – С.459.
12. Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов. – Нальчик, 1993. – С.101.
13. Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX в. – Черкесск, 2002. – С.100.
14. Потто В.А. Кавказская война.- Т.2. – С.473-479.
15. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. - Репринтное воспроизведение. – Т.2. – Екатеринодар, 1913. – С.385.
16. АКАК. – Т.VII. – Тифлис, 1878. -- С.875.
17. Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов. – С.116.

-
18. Там же. – С.116.
 19. Малкондуев Х.Х., Сабанчиев Х.-М. Тёре как форма организациии управления в средневековой Балкарии и Карачая // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1990. – С.54
 20. Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне... – С.116-117
 21. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф.16, п.1, д.5, л.4.
 22. Шаховской И. Воспоминания о Кавказе // Военный сборник. – 1876. - № 9,10. – С.458.
 23. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. - Ростов/Дон,1985. С. 48
 24. Тотоев М.С. Кабардино-балкаро-осетинские отношения в XVI-XVIII вв.// Известия СОНИИ. – Вып. XXV. – Орджоникидзе, 1966.
 25. Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа... – С.58.
 26. Там же. – С.58.
 27. Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов, С.118.
 28. КРО. – Т.1. -- С.224, 227, 232-234.
 29. Там же. – С.278-279.
 30. КРО. – Т.1. – С.363, 370; Кидирниязов Д.С., Ногайцы Северного Кавказа... – С.60.
 31. Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа... – С.62
 32. КРО. – Т.2. – С. 360.
 33. Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа... – С.64-65
 34. Там же. – С.70.
 35. КРО. – Т.2. – С.369-370, 375-378.

36. Дьячков-Тарасов А.Н. Бзюко-Зауо// Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1929. - №№1-3.
37. Мальбахов Б.К. Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда... – С.203
38. КРО. – Т.1. – С.13-14.
39. Мальбахов Б.К. Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда..., С.210.
40. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Нальчик: «Эль-фа», 1999. – С.153.
41. Чирг А.Ю. Культура и жизнеобеспечение адыгов// Культура и быт адыгов. – Вып.8. – Майкоп, 1991.– С.253.
42. Волкова Н.Г. Этнический состав... – С.19.
43. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). – М.:Наука,1990. – С.73-74.
44. Там же. – С.74.
45. КРО. – Т.1. – С.69.
46. Волкова Н.Г. Этнический состав... – С.25.
47. КРО. – Т.11. – С.141.
48. Там же. – С.369-370.
49. Потто В.А. Кавказская война... – Т.1. – С.189-192.
50. Там же. – С.189-192.
51. Алиев У.Д. Карачай. – Ростов-на-Дону, 1927. – С.35.
52. Потто В.А. Кавказская война... – Т.1. – С.189-192.
53. Договоры России с Востоком политические и торговые/ Собрал и издал Т.Юзефович, - СПб, 1868. - С.45; Кидирниязов Д.С./ Ногайцы Северного Кавказа... – С.114.
54. Дебу И. О Кавказской линии и о присоединенном к ней Черноморском войске. – СПб, 1829. – С.135.
55. Некрасов А.М. Международные отношения... – С.88.
56. Там же. – С.88.

-
57. Д'Асколи Э.Д. Описание Черного моря и ТатариИ//Записки Одесского общества истории и древностей. – Т.24. – Одесса, 1902.– С.63.
58. Некрасов А.М. Международные отношения... – С.85-89.
59. Там же. – С.107-108.
60. Мальбахов Б.К. Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда... – С.279.
61. КРО. – Т.II. – С.59.
62. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – Т.1. – М.: Наука. – 1988.– С.433.
63. Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда. – С.218.
64. Потто В.А. Кавказская война... – Т.1. – С.78-80.
65. Договоры России с Востоком... – С.26.
66. Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. – М., 1960. – С.23.
67. Присоединение Крыма к России. – Т.3. – СПб., 1888. – С.573.
68. Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа... – С.97.
69. Там же. – С.105.
70. Абаев М. Балкария// Карачаево-балкарские деятели культуры... – С.179-180.
71. Волкова Н.Г. Этнический состав... – С.79.
72. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1693 по 1770 гг. – СПб., 1861. – С. LXI.
73. Мизиев И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая в XIII – XVIII вв. – Нальчик: «Нарт», 1991. – С.17; Виноградов В.Б. Время, горы, люди. – Грозный, 1980. – С.87-91.

74. Ученые записки императорской Академии наук по I и III отд. – Т.2. – СПб., 1855. – С.569-576.
75. Асанов Ю.Н. Песня-поэма «Каншаубий». – Нальчик: «Эльфа», 1996. – С.66.
76. Касумов А.Х. Северный Кавказ в системе международных отношений в 30-60-х гг. XIX век// Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик: «Эльбрус», – 1994. – С.29.
77. Там же.
78. Там же.
79. Касумов А.Х. Из истории англо-турецких происков на Северном Кавказе в 30-40-х гг. XIX в.// Ученые записки КБГУ. – Вып.4. – Нальчик, 1958. – С.109.
80. Касумов А.Х. Северный Кавказ... – С.28-29.
81. Там же. – С.28, 30.
82. Бижев А.Х.. Борьба северо-западных адыгов против военно-колониционной политики царизма (1774-1764 гг.)// Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик: «Эльбрус», 1994. – С.100.
83. Матвеев О.В. Сефер-бей Зан// Энциклопедический словарь по истории Кубани. – Краснодар, 1997. – С.411.
84. Керашев А.Т. Политическая деятельность князя Сефер-бея Заноко в годы Кавказской войны// Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик: «Эльбрус», 1994. – С.222.
85. Касумов А.Х. Северный Кавказ... – С.30.
86. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-Т.9. – С.419; Касумов А.Х. Северный Кавказ... – С.31.
87. Матвеев О.В. Сефер-бей Зан... – С.411.
88. Там же.

89. Касумов А.Х. Северный Кавказ... – С.35.

90. Матвеев О.В. Сефер-бей Зан... – С.411.

К статье А.Б.Семеновой

⁹¹ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: 1969, 74-78

⁹² Древнетюркский словарь. – Л.: 1969, стр.676

⁹³ Иоганн Антон Гюльденштедт Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. С-Петербург 2002, стр. 60

⁹⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества», изданный под редакцией В.П.Семенова. - С-Пб.: 1901. - стр. 69-110

К статье Р.Т.Хатуева

⁹⁵ - Игнатенко А.А. Социум и разум (рационалистические течения в арабо-исламской общественно-политической мысли средневековья) //Рационалистическая традиция и современность. Ближний и Средний Восток. Ответ. ред. Е.А. Фролова. – М: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – С.133-134

⁹⁶ - там же, С.144, 146-147

⁹⁷ - Автором это уже отмечалось, см.: Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX в.: Власть и общество// Карачаевцы и балкарцы (ответ. редактор – С.А. Арутюнов). – М.: Изд. Института этнологии и антропологии РАН, 1999. (раздел об этическом эталоне вождя).

⁹⁸ - Хатуев Р.Т. Шейх Абдуллах Дудов и «Слово Карт-Бабы» //там же, С.302-324

⁹⁹ - Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе, С.98, 322 прим.91

¹⁰⁰ - Байчораланы М. Къарт-Бабайны кююу (Песня-плач Карт-Бабая) //Газ. «Ленинни байрагъы». – Черкесск, 1990. - №123 (8193) /на кар.-балк.яз./; Каракетов М.Д. Слово Карт-Бабы (Къарт-Бабаны сёзю) // Карачаевцы и балкар-

цы (ответ. редактор – С.А. Арутюнов). – М.: Изд. Института этнологии и антропологии РАН, 1999.

¹⁰¹ - Байчораланы М. Къарт-Бабайны кююю...

¹⁰² - Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. – М.:Наука, 1983. – С.11, 9

¹⁰³ - Къарачай-малкъар фольклор. Сост. Р.А.-К. Ортабаева. – Черкесск, 1987. – С.186-190

¹⁰⁴ - Байрамуков У.З. Генезис и ономастика эпоса «Нарты». – Карачаевск, 2001. – С.62-63 (ссылка: «Къобланды-Батыр. Казахский героический эпос. – М., 1975. – С.439)

¹⁰⁵ - Снесарев Г.П. Хорезмские легенды., С.39

¹⁰⁶ - Цит. по: Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.:Наука, 1991. – С.123

¹⁰⁷ - Эвлия Челеби. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII век. – М.:Наука, 1983. – С.40

¹⁰⁸ - Каракетов М. Д. Из традиционной обрядово-культовой жизни карачаевцев. Отв. ред. чл.-корр. РАН С.А. Арутюнов. - М.: Наука, 1995. - С.111

¹⁰⁹ - Семенлени Исмаил. Зикирле //Жур. «Ас-Алан». – М., 2001. – 1(4), С.365

¹¹⁰ - Снесарев Г.П. Хорезмские легенды., С.52, 53, 56

¹¹¹ - Къарачай-малкъар фольклор. Сост. Т.М.Хаджиева. – Нальчик:Эль-Фа, 1996. – С.562

¹¹² - там же, С.573, 574

¹¹³ - там же

¹¹⁴ - там же

¹¹⁵ - Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. – М.: «Наука», 1972. – С.449

¹¹⁶ - «Муслим». Календаръ, 2004. – Нижнекамск, 2003. –

Страница за 5 марта (14 мухаррама 1425 г.х.л.)

- ¹¹⁷ - Къарачай-малкъар фольклор. Сост. Т.М.Хаджиева, С.538.
- ¹¹⁸ - Степанянц М.Т. Философские аспекты суфизма. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. – С.40
- ¹¹⁹ - Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе, С.195
- ¹²⁰ - там же, С.196
- ¹²¹ - АКНИИ, ф.10, оп.2, д.1, лл.62-63
- ¹²² - там же,
- ¹²³ - Степанянц М.Т. Философские аспекты..., С.40
- ¹²⁴ - Там же, С.18
- ¹²⁵ - Там же
- ¹²⁶ - Там же, С.16
- ¹²⁷ - Къарачай-малкъар фольклор. Сост. Т.М.Хаджиева, С.538.
- ¹²⁸ - Мухаммад Икбал. Реконструкция религиозной мысли в Исламе. Пер. с англ., предисл. и коммент. М.Т. Степанянц. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 165
- ¹²⁹ Гринберг И. Творчество Николая Тихонова. М.: Советский писатель. 1972. С. 379.
- ¹³⁰ Алиева С. У. Национальная идея и эстетика социалистического реализма. В кн.: Нация. Личность. Литература. Выпуск 1. М.: «Наследие», 1996. С.79.
- ¹³¹ Тихонов Н. Сыны Дагетана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство. 1972. С. 5-6.
- ¹³² Кулиев К. Поэт и горы. Стихотворения. – В кн.: Кулиев К. Горы. М., 1957. С – 278-280.
- ¹³³ Тихонов Н. С. Писатель и эпоха. Советский писатель. М.: 1974. С - 236.
- ¹³⁴ Султанов К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентиры литературы. М. «Наследие» 2001.С.152
Цитаты стихов: Из Тихонов Н.С. Собр.соч. в 7-ми т. М. «Художественное слово», 1985 .

К статье А.Ю.Узденовой

¹³⁵ Горин В.Я. Управление агропромышленным комплексом (теория и практика). - Белгород: «Крестьянское дело», 2000. - С.15, 170

¹³⁶ Закон РСФСР «О Карачаево-Черкесской автономной области». - М.: Изд-во «Известия советов народных депутатов СССР», 1982. - С.7-8, 10-12, 16, 19-22

¹³⁷ Гуня А.Н. Динамика освоения горного региона: структурные и институциональные факторы. - Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2008. - С.111-112

¹³⁸ Бадахов А. Рациональное формирование и использование основных фондов - важнейшее условие повышения эффективности производства в совхозах области //Вопросы экономики Карачаево-Черкесии. Вып. III. Отв. ред. Ч.Х.Ионов. - Черкесск: КЧНИИ ЭИЯЛ, 1973. - С.40

¹³⁹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. - М.: Политиздат, 1986. - С.31

¹⁴⁰ Телефонный справочник Агропромышленного комитета КЧАО. - Черкесск. 1986. - С.2-17

¹⁴¹ Там же, С.31-65 /таблица составлена нами/

¹⁴² Закон КЧР «О Совете министров Карачаево-Черкесской Республики». - Черкесск, 1993. - С.12-13

¹⁴³ Законы Карачаево-Черкесской Республики (1995-1999). Часть I. - Черкесск: Изд-во «Кавказские Минеральные Воды», 1999. - С.154

¹⁴⁴ Закон КЧР «О Главе Карачаево-Черкесской Республики». - Черкесск, 1998. - С.3

¹⁴⁵ Законы Карачаево-Черкесской Республики (1995-1999). Часть II. - Черкесск: Изд-во «Кавказские Минеральные Воды», 1999. - С.426-439

¹⁴⁶ Ерижев К.А. Горные сенокосы и пастбища России. - М.: ИК «Родник», ж-л «Аграрная аука». 1998. - С.50; См. также: Урбанский О.М., Туркевич В.И., Караев А.Н. и др.

Естественные кормовые угодья Карачаево-Черкесской республики. - Черкесск, 1995. - 115 с.

¹⁴⁷ Симуш М.К., Лайпанов К.Т., Калмыков И.Х. Карачаево-Черкесия..., С.353

¹⁴⁸ Лисунов В. Достижения науки - в производство //За эффективность сельскохозяйственного производства. - Ставрополь: Изд-во «Ставропольская правда», 1982. - С.61-63

¹⁴⁹ Архив КНИИ, Ф.7, Оп.4, Д.13, Л.151, 152, 156-157

К статье Б.Г.Урусова

¹⁵⁰ - ГАКЧ, ф.307, д.57, л.13

¹⁵¹ - ГАКЧ, ф.307, д.57, л.9

¹⁵² - ГАКЧ, ф.307, д.57, л.13

¹⁵³ - ГАКЧ, ф.307, д.57, л.38

¹⁵⁴ - ЦДОДП КЧР, ф.п-45, оп.1, д.67, лл.119-121

¹⁵⁵ - Газ. «Красный Карачай», 07.04.1937, №74

¹⁵⁶ - Газ. «Красный Карачай», 16.08.1937, №184

¹⁵⁷ - ЦДОДП КЧР, ф.п-45, оп.1, д.77, л.54

¹⁵⁸ - ЦДОДП КЧР, ф.п-45, оп.1, д.62, л.137

¹⁵⁹ - Светлова. Когда будут готовы словари? Дела и люди научно-исследовательского института //Газ. «Красный Карачай», 16.08.1937, №184

¹⁶⁰ - Газ. «Красный Карачай», 16.08.1937, №184

¹⁶¹ - там же

¹⁶² - ЦДОДП КЧР, ф.п-45, оп.1, д.10, л.262

¹⁶³ - Характеристика бюро обкома 28.07.1928 г. ф.п-45, оп.1, д.17, л.293

¹⁶⁴ - ЦДОДП КЧР, ф.п-45, оп.1, д.77, лл.27-28

¹⁶⁵ - Урусов Исхак. Музыка в Карачае //Газ. «Красный Карачай». 14.03.1937, №56.

¹⁶⁶ - Справочник по народному хозяйству и культуре Карачаевской автономной области. - Пятигорск, 1939. - С.ХХV

¹⁶⁷ - Газ. «Красный Карачай». - Микоян-Шахар, 1941. - 1 мая.

¹⁶⁸ - ЦДОДП КЧР, ф.п-45, оп.1, д.89, л.158-160

¹⁶⁹ - Газ. «Красный Карачай». - Микоян-Шахар, 1941. - 5 января.

¹⁷⁰ - Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. - М.:Наука. Изд. Фирма "Восточная литература", 1992. - С.43-44

¹⁷¹ - там же, С.45

¹⁷² - Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев.- Черкесск, 1957. - С.12

¹⁷³ - Алексеева Е.П. Археологические памятники..., С.59

¹⁷⁴ - там же, С.81, 82-83

Сведения об авторах научных статей

Батчаев Шамиль Мухтарович - кандидат исторических наук, ученый секретарь Карачаевского НИИ

Бегулов Рустам Маратович - доктор исторических наук, зав. кафедрой Карачаево-Черкесского гос. университета им.У.Д.Алиева

Кипкеев Ислам Султанович - кандидат исторических наук, декан филиала ФГОУ ВПО «Южный Федеральный Университет» (г.Черкесск)

Коркмазова Лилиана Биляловна - ст. преподаватель Карачаево-Черкесского филиала ФГОУ ВПО «Южный Федеральный Университет» (с.Учкекен)

Лайпанов Ибрахим Алиевич - научный консультант отдела исламоведения Карачаевского НИИ (с.Чапаевское)

Семенов Ахмат Хусеевич - научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований

Семенова Аминат Биляловна - научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований

Узденова Асият Юсуфовна - ст. преподаватель Карачаево-Черкесского гос. университета им. У.Д.Алиева

Урусов Борис Георгиевич - научный сотрудник Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника

Хатуев Рашид Тохтарович - кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований

Чомаев Заур Абул-Керимович - научный сотрудник Карачаевского НИИ

Шаманов Ибрахим Магомедович - кандидат исторических наук, доцент, директор Карачаевского НИИ

Эркенова Алима Хасановна, аспирантка Института мировой литературы (г.Москва)

Содержание

Научные статьи

- Батчаев Ш.Б.. Жизнь, отданная народу (Заметки о Чокуна-апенди) 3
- Бегеулов Р.М. Сухум как турецкий плацдарм на пути в Карачай (к 155-й годовщине начала Крымской войны) 23
- Кипкеев И.С.. Военно-политические союзы в практике горских элит средневековья 26
- Коркмазова Л.Б. Адат в судебной-правовой системе карачаевцев (60 гг. XIX в.) 43
- Лайпанов И.А. Неизвестный суфийский шейх - наш земляк (из одной восточной книги) 50
- Семенова А.Б. Словари как источник изучения названий растений в карачаево-балкарском языке 51
- Семенов А.Х. Начало функционирования железнодорожных коммуникаций на Западном Кавказе 60
- Хатуев Р.Т. Суфийское осмысление власти 65
- Узденова А.Ю.. Система аграрного управления Карачаево-Черкесии во втор. пол. XX в. 93
- Урусов Б.Г.. К вопросу о направлениях работы Карачаевского НИИ в 1930-е гг. 100
- Чомаев З.А.-К. Из хроники «исламской политики» Российской империи 109

Юбилеи

- Хатуев Р.Т., Шаманов И.М. «Музе лишь одной служу ...» (К 70-летию Р.С. Тебуева) 112
- На пути реабилитации (К 50-летию М.А.Каракетова) 115

Утраты

- Профессор К.Т. Лайпанов 118

Примечания 157

Приложения 121

- Приложение 1.* Бердников И.С. Об управлении духовных дел магометан 121

<i>Приложение 2. Ибрагимов З.Х. Ислам и христианство на Северном Кавказе: история взаимоотношений</i>	127
<i>Приложение 3. Из материалов 1-го съезда СОГК</i>	140
<i>Приложение 4. Материалы органов власти Карачаевского округа</i>	150
<i>Приложение 5. Области, края, АССР и АО в составе РСФСР в мае 1930 г.</i>	155
<i>Приложение 6. Административно-территориальное устройство РСФСР на 15.11.1931 г.</i>	156
<i>Сведения об авторах</i>	167

Подписано в печать 04.09.2008г.

Тираж 300 экз. Усл. п.л. 9,8 п.л.

**Издательство ИКО «Аланский Эрмитаж»
369000, КЧР, г.Черкесск, ул.Ленина, 411а.**